

Татьяна Коростышевская

Миньон, просто миньон...

© Коростышевская Татьяна

© ИДДК

Пролог

*Спящий, храни королеву! Нашу великодушную королеву, нашу благородную королеву!
Дай ей ратных побед, счастья и славы и долгого царствования над нами! И пусть она
защитит наши законы и наши жизни, а мы защитим ее!*

Песне Ардеры, новому королевскому гимну, внимало более трех сотен человек.

- А рифмы почему нет? - спросил у автора сего музыкального произведения Оливер лорд Виклунд.

- За древностью текста, - отвечивал другу Станислас Шарль Доре. - Рифму, знаешь ли, изобрели не так чтоб давно.

- То есть ты просто списал что-то из старинного фолианта и теперь собираешься принимать комплименты по этому поводу?

- Не списал, - горячо возразил менестрель, - а создал сложную стилизацию, долженствующую подчеркнуть монументальность ардерской истории. Наше величество, к слову, осталась довольна как мелодией, так и словами. И ей же, нашей дражайшей леди, принадлежит идея исполнить гимн впервые именно на празднике королевского университета.

Излей на нее свои дары и благослови всех нас! Да здравствует наша благородная королева!

Последний торжественный аккорд смолк, гулко ударив о своды залы.

- Ее величество позволяет всем сесть, - возвестил церемониймейстер, поклонившись трону, стоящему на центральном возвышении в окружении более скромных кресел, в которые после дозволения начали устраиваться ректор, профессора и главные хабилисы университета.

Трон пустовал, Аврора отсутствовала, но политес есть политес.

- Ну, положим. - Виклунд опустил на свое место. - А почему же ты, друг мой величавый, не сочинил ничего столь же монументального, когда чествовали меня после битвы за Шарлемар?

- Я посвятил тебе песню!

- Эти скабрзные куплеты, которые в приличном обществе и исполнить зазорно?

- Ну, тебе-то лучше не петь в любом обществе и с любым репертуаром. Боюсь даже представить размеры того фахана, который топтался по твоим ушам, чтоб полностью лишить музыкального слуха... - Станислас приподнялся. - Он идет!

И друзья присоединились к аплодисментам, приветствуя нового профессора, которому, кроме звания, уже им полученного, пророчили руководство одной из университетских кафедр.

- Какой хорошенький! - Взволнованный женский писк был столь пронзителен, что перекрыл даже гром аплодисментов.

Патрик лорд Уолес из Ленстера обернулся на голос и улыбнулся. Он действительно был хорош, настолько, что даже серая роба университетского хабилиса смотрелась на нем великолепно, не забывая своим немарким цветом золото его волос и яркую зелень глаз, подчеркивая драгоценный блеск королевского адаманта в мочке уха.

Злые языки поговаривали, что своему стремительному взлету новый профессор обязан скорее внешности, чем уму.

Злые языки ошибались. Впрочем, как и в отношении прочих миньонов - золотой четверки, козырных валетов королевской колоды. Четверо красавцев-аристократов - Оливер Виклунд, Станислас Шарль Доре, Патрик Уолес и Гэбриел ван Харт - доказывали свои таланты не единожды, посрамив врагов и хулителей. Воин, менестрель, ученый,

политик, дополняющие друг друга и ревностно служащие своей даме – ее величеству Авроре. Последняя их совместная операция – возвращение под сень короны захваченного бунтовщиками пограничного графства Шарлемар – вызвала тревогу в сопредельной Домании и восторг в сердце каждого жителя Ардеры. Особую славу снискал Тиририйский Великан, как уже прозвали в народе Виклунда, в одиночку снесший наплечным тараном ворота замка. Славе этой поспособствовала как песнь, сочиненная Станисласом, об этом событии повествующая, так и особое строение тарана, разработанного Патриком. Ну а о многочасовых переговорах, договорах и альянсах, заключенных в процессе операции Гэбриелом лордом ван Хартом, песен никто не сложит, следовательно, о них будут знать лишь люди заинтересованные.

Ректор королевского университета произнес прочувственную речь и возложил на макушку лорда Уолеса профессорскую шапочку, хор исполнил еще один гимн, на этот раз студенческий, завершая официальную часть праздника. Профессура потянулась к выходу.

– Что там дальше? – Патрик пробрался к друзьям, лавируя в толпе и отвечая на поздравления знакомых. – Станислас, ты подготовил концерт?

– Я проиграл в карты ван Солу, так что сегодня он представит свой новый балет, – вздохнул лорд Доре и поправил оправу очков. – Песни ждут вас вечером за бокалом вина.

– Жаль, что ты не проиграл Дэни свою мандолину... – Оливер, дразнясь, тоже вздохнул и потер переносицу. – Вечер в тишине – это ли не мечта? Кстати, танцы я обожаю еще меньше песен, предлагаю сменить дислокацию и отпраздновать явление среди нас профессора в узком кругу. Гэб присоединится позже.

Они покинули залу уже под звуки балетной увертюры.

Ее величество Аврора ждала Мармадюка в его покоях у портрета лорда Этельбора.

– Добрейшего дня, моя леди! – Лорд-шут скинул дорожный плащ на руки ближайшей к нему фрейлины. – От кого мы сегодня скрываемся в моей берлоге?

– Сегодня, – королева потянулась, отбрасывая за спину распущенные волосы, – мы наказываем своим пренебрежением весь королевский университет в лице лорда-ректора.

– И нас не останавливает, что кто-то может подумать, что королева остыла к красавчику Уолесу настолько, что даже не поздравила его с назначением?

– Не останавливает. – Аврора зевнула, прикрыв рот ладонью. – Чем больше народ будет думать о том, что их королева занята любовными играми, тем их королеве будет проще. Надо бы пообещать красавчику Уолесу какое-нибудь графство из освободившихся.

– Чтобы он занимался своим хозяйством в ущерб Ардере?

– Обещать – не значит дать.

Мармадюк обошел письменный стол и сел спиной к окну, вытянув ноги. Фрейлины, следуя знаку ее величества, покинули покои. Дверь мягко закрылась.

– Итак, – нарушил молчание шут.

– Итак? – эхом отозвалась Аврора.

Мармадюк посмотрел на нее с удивлением.

– А ведь сегодня годовщина, милый, – сказала королева. – Ровно два года назад мы потеряли Басти.

– Надо же, как бежит время, – натужно удивился Мармадюк. – Как удачно ты решила тогда снарядить на поиски всю свою козырную четверку. Пожалуй, именно эта экспедиция их сдружила.

– Они не достигли цели.

- Зато знатно погоняли на доремарском побережье пиратов и укрепили гарнизоны.

Королева раздраженно фыркнула:

- Ты весь в этом, Мармадюк, на каждую беду у тебя есть как минимум одно «зато»! Я тебе говорю, что юная страстная девушка два года живет в заточении, в руках опасных безумцев! Зато общая цель сплотила моих дворян? Ей страшно, ей, наверное, одиноко! Зато мы здесь прекрасно справляемся, стараясь сшить королевство, как расползающееся лоскутное одеяло? Мы были уверены, что Ригель двинет на столицу войска, заручившись поддержкой крупных фамилий с границ со Скасгардией! Где это все? Где войска? Где осада? Чего хочет эта сумасшедшая, помечающая своих приспешников красной звездой? Зачем ей понадобился меч Арктура? Кто ее волшебный спутник? Почему их следы затерялись?

- Она ведь все еще жива? - тихо спросил Мармадюк, когда ее величество обессиленно смолкла.

- Да. - Аврора поднялась с кресла и, приблизившись к шуту, обняла его за плечи. - Семейный кристалл Шерези загорается от моего прикосновения, значит, наш граф-Цветочек жив.

Мармадюк распрямылся и, перехватив королеву за запястья, усадил ее на свое место:

- И это прекрасное «зато», милая. А теперь давай займемся нашим лоскутным одеялом.

Глава 1

Семь грехов

У меня одеревенела спина. Так бывает, когда сон сморит тебя в неподходящем для этого месте, ты вытягиваешь свои члены, пытаешься принять удобное положение, но поверхность – гладкая и твердая, удобству нисколько не способствует, ты пробуешь повернуться, утыкаешься плечом в стену или в стенку, такую же гладкую и твердую, и...

- И ничего никто не заметит, – голос у говорившего был писклявым. – Чикнем аккуратненько здесь и вот тут...

- Осторожнее! – Второй тоненько чихнул. – Главное, ее не поцеловать. Отец сказал, что принцессы пробуждаются поцелуями.

Принцессы? Я осторожно приоткрыла веки и сразу зажмурилась от резанувшего по глазам света. Дыши, Басти. Раз – легкий вдох, раз, два, три – выдох. У спокойно спящих выдох длиннее.

- Как ты себе представляешь случайный поцелуй?

Мои коварные посапывания подозрений не вызвали.

Кстати, о поцелуях: губы ощутимо горели, я тихонько провела по нижней языком. Сухо и шершаво.

- Здесь! – сказал писклявый, и кожу головы над ухом обожгло болью.

Я взвизгнула, засучила ногами, оттолкнула чье-то тело и заорала, открыв глаза:

- Тысяча фаханов!

- Тысяча? – Рыжий коротышка замахнулся огромными ножницами. – Я возьму четверых! Простак, остальные на тебе...

- Где?! Где фаханы? – Второй коротышка ползал по земле, где очутился после моего толчка. – Где?

Я потеряла кулаками глаза, поморгала, еще потеряла. Яркое изумрудное лето, вода, камни, два карлика, ножницы...

Я заерзала, пытаюсь уйти с линии удара, то есть отползти. То есть... Ай, все равно ничего не получилось! Я была в коробке, бортики которой сковывали движения.

- Так где фаханы?

- Внимательней посмотри! – Пыхтя, я повернулась на бок, преодолевая сопротивление какой-то шерсти, которой оказалась набита моя коробка, шерсть была нежной и приятной наощупь, но раздражала чрезвычайно, особенно когда пыталась залезть в глаза или открытый от напряжения рот. Тысяча! Фахх...

Я повернулась, подмяв под себя целый сноп и остановилась, лишь ощутив боль в затылке. Шерсть оказалась волосами, причем моими.

- Ты нас обманула? – Карлик осторожно заглянул в ящик. – Разве принцессы могут врать?

Ножницы щелкнули в воздухе.

Какая бессмысленная смерть, Шерези. Ты столько всего перенесла: пленение, ранение, побег, и все это ради того, чтоб тебя зарезали ножницами, как жертвенного барана?

- Какого барана? – Безоружный коротышка поднялся на ноги и стал отряхивать колени. Коленам это помогло мало.

Я опять думала вслух?

- Малихабарского. В Малихабаре, знаешь ли, придерживаются целого сонма странных традиций.

- Опять врешь?

Я пожала плечами. Может, и вру. Но откуда-то ведь у меня в голове этот жертвенный баран появился? И именно в связи с ножницами. Матушка моя, достойнейшая графиня Шерези, помнится, писала мифическое полотно...

- Если твоя матушка - графиня, - перебил мои, оказавшиеся монологом, размышления коротыш, - тогда ты принцессой быть не можешь.

- Не могу. Я - граф!

Второй коротыш выронил ножницы и чихнул.

- Будь здоров, - сказала я вежливо и сразу велела: - Помогите мне подняться.

Пока они тянули меня за руки с угрозой оторвать их, к фаханам, я вещала:

- Позвольте мне закончить о Малихабаре. Теперь я точно помню, что обряды с баранами и ножницами там проводятся. Из тучных стад выбирают животное с самым мягким руном и стригут его наголо, когда лорд наш Солнце находится в зените...

Когда мне наконец удалось перевалиться через бортик и встать на ноги, волосы окутали меня плащом. Думаю, это банальное сравнение не нашло бы одобрения у моего друга лорда Доре, но сейчас оно полностью отражало действительность. Из одежды на мне была лишь шелковая сорочка и волосяной плащ поверх нее. Сорочка доходила до колен, шевелюра - до щиколоток.

Сколько же прошло времени, граф?

Я повела головой, закинула за шею руки, собирая волосы.

- Злосчастье наше, Простак! - чихающий карлик обратился к другу. - Мало того что она не принцесса, так еще и скорбна умом!

- Какая разница, Чих, - отвечал тот. - У нее есть нечто, что к уму отношения не имеет.

И они посмотрели на меня своими блестящими глазками.

Я обернула волосяной жгут вокруг предплечья, легко присела и подхватила с земли ножницы. Они оказались тяжелыми, но и стричь ими я не собиралась. Угрожающе наставив двойное острие на собеседников, я закричала:

- Где мой пояс, мелкие твари? И если выяснится, что из-за того, что вы совершили со мною, пока я была без чувств, я не смогу его надеть...

Мой «скорбный», как его изволили только что принизить, ум уже давно сложил два и два. Я, Бастиан Мартере граф Шерези, могу быть мужчиной, только если на мне волшебный пояс. А он, в свою очередь, действует лишь до тех пор, пока я девица. И если эти мерзавцы успели меня обесчестить... Сколько же времени прошло? Судя по обилию моей шевелюры, лет пятьдесят, более чем достаточно, чтоб надругаться над моим телом!

- Меньше двух дней...

Они держали меня в этой коробке пятьдесят лет! Даже не в коробке - в гробу! Потому что гладкие кованые стенки...

- Сколько?! - На мгновение я позволила себе отвлечься от страданий.

- Тебя принесли нам позавчера.

- Два дня? На поругание и этого хватит!

Я взмахнула своим оружием. Собеседники не испугались, они попросту не обращали на меня внимания, быстро переговариваясь:

- Фахан говорил что-то про пояс?

- Не помню, Чих, он говорил с Папашей.

- Значит, если пояс есть, он у Папаши. Что эта скорбная умом лепечет про надругательство? Ты хоть что-то понял?

- Она, как большинство человеческих дев, считает, что ее невинность представляет огромную ценность для всех мужчин, которых эта дева повстречает на своем жизненном пути.

- А невинность...

- Это как-то связано с их репродуктивностью. Не напрямую, но...

- Скука.

- Согласен.

- Пояс? Она сможет его надеть?

- Если сострижет свои космы, она сможет надеть на себя все, что угодно.

- Слышишь, скорбный ум? - обратился ко мне Чих, он был чуть выше Простак и гораздо писклявее. - Я пока схожу за твоим поясом, а ты воспользуйся ножницами, раз уж все равно они у тебя в руках.

Я бы его послушалась, я даже приподняла ту руку, на которую была намотана моя шевелюра, но что-то меня остановило. Может, аналогия с малихабарским жертвенным барашком. А скорее жизненный опыт.

- Ты хочешь обменять мои волосы на пояс? - спросила я.

- Ну да, - Чих с готовностью кивнул. - Ты нам - свои космы, мы тебе - побрякушку. Согласна?

Хитрые глаза коротышки вишнево блестящие. Святые бубенчики! Это как дважды два. Если сложить любовь к человеческим волосам с красными глазами мы получим фею.

- Ни за что на свете, малыш, - ласково протянула я. - Ты просто вернешь мне мой артефакт, потому что ни одна фея не может присвоить чужую вещь без разрешения.

Чих замер, сраженный моими умозаключениями.

- Может, в человеческом мире теперь видоизменились понятия пола? - спросил Простак. - Ну сам посуди, девушка называет себя графом, тебя - феей, в женском, заметь, роде. Или эти понятия перепутались только в ее голове? Папаша ведь ее осматривал? Может, там поражение каких-то подчерепных тканей?

- Болван! - громко решила я. - Не пытайся меня запутать. Воришки! Вы пытались меня остричь, значит, человеческие волосы для вас представляют ценность. Правильно?

- Ну и дальше что?

- Значит, вы феи!

- Станный вывод.

Я поняла, что умозаключения завели меня в тупик.

- Тогда кто?

- Давай так... - Простак кивнул поделнику: - Чих пороется в Папашиных вещах и найдет твой пояс, а мы с тобой спокойно договоримся, что именно ты вкладываешь в понятие «фея».

- Сначала, - рука уже устала держать ножницы, и я их опустила к бедру, - ты... Ах, не

так. Ты, Чих, все-таки разыщешь мой артефакт. А ты, Простак... Я же правильно запомнила, как вас зовут? Ты скажешь мне, кто вы такие, без уточнения понятий.

Чих кивнул и удалился по тропинке в сторону покосившегося деревянного сарая.

- Итак? - Я прислонилась спиной к бортику ящика. - Кто вы?

- Братья. Мы с Чихом - братья.

- Вы люди?

- Если людьми называются жители твоего мира, то нет.

- То есть, - я сделала широкий жест, - это всё - не мой мир?

Собеседник кивнул.

- Мы в чертогах Спящего? - тут мой голос дрогнул от ужаса.

Простак хихикнул:

- Нет, граф, что ты. До чертогов отсюда довольно далеко. Но направление ты определила правильно. Вы называете это место - «Авалон».

- Авалон - это гора.

- Правильно. И именно она является тем стержнем, на который нанизано множество обитаемых миров.

- То есть ты хочешь сказать...

- Нашел! - Чих бежал по тропинке, размахивая серебряным поясом. - Под табуретом валялся.

Как вести себя дальше, я не представляла. Отложить ножницы, чтоб взять пояс? Тогда я стану беззащитной. Отпустить волосы, чтоб взять артефакт свободной рукой? Эта фаханова копна скует движения. И что делать сначала? Дослушать лекцию Простака или убеждаться в своей невинности?

- Будешь мерять? - спросил Чих.

- Непременно.

Хорошо, пусть они не феи, но они хотят мои волосы. Значит, мне есть чем торговать.

- Отведите меня в свое жилище, - велела я. - Обещайте, что не попытаетесь причинить мне вред, а также заколдовать или воздействовать на мои органы чувств с целью обмана.

- Мы не врем, граф.

- Тогда пообещать этого не делать вам будет легче легкого. Далее. Как только я буду убеждена в том, что моей девичьей чести не нанесено непоправимого урона, мы поговорим и вы ответите на все мои вопросы.

- А взамен?

- Если ответы будут мне понятны... то есть они могут мне не понравиться, но если я их пойму, я обещаю вам в награду один свой локон.

Коротышки окинули мои волосы плотоядными взглядами. Торговля пошла.

- Обещаем, - вздохнул Чих. - А ты взамен пообещаешь убедить Папашу, что никто из нас тебя не целовал.

- В этом уверенности у меня нет. Я же без чувств была. А вдруг целовал? Не собираюсь врать вашему отцу.

Страдания и ужас, появившиеся на маленьких лицах, доставили мне извращенное

удовольствие, поэтому я мстительно пообещала:

- И если хоть кто-то хоть пальцем... или если пояс перестал работать... заставлю на себе жениться!

- Кого?

- Обоих! Боюсь, одного из вас человеческой женщине будет недостаточно.

Ох, что-то тебя заносит, Шерези. Если бы от поцелуев выветривалось фейское колдовство, была бы ты до сих пор в родном графстве, маменьке для мифологических полотен позировала.

- Я есть хочу, - пробормотал Простак, нарушив тяжелую тишину. - Давайте, действительно, в доме поговорим. Остальных до заката не будет, тоже голодные придут, надо хоть что-то приготовить.

- Жениться не буду. - Чих повел рукой, приглашая меня следовать за ним.

- Если не целовал, то не придется, - успокоила я всех.

- Тебя или вообще?

- Меня.

- А вообще ты с кем целовался? - возбудился Простак. - А почему я об этом ничего не знаю? С кем? С водяной? С крылатой, которая заказывает у Папаши ветряные бубенчики?

Чих молча топал по тропинке и время от времени чихал.

Простак перечислял все возможные кандидатуры, и из их обилия я смогла сделать некоторые выводы о многообразии видов здешних жителей.

Итак, где-то здесь, в достижимом удалении, находятся чертоги Спящего. Коротышки - не феи, но что-то фейское в них есть. А также на, а скорее «в», в этом Авалоне, есть нимфы, водяные, мавки, фаханы и крылатые.

Тысяча фаханов!

Я обвела взглядом все доступное пространство. Ничего волшебного в нем не наблюдалось, то есть абсолютно. Ну яркие краски, но я вполне могу представить эту же изумрудную зелень летом в Шерези, ну бабочки, порхающие с цветка на цветок, ну... Хотя бабочки были странными. Их крылья, серебристые и блестящие, казались кружевными. И отбрасывали на траву странные пятнистые тени. Одна из бабочек подлетела к лицу, жужжа, как ночная цикада.

- Их сделал Папаша, - сказал Простак, когда я удивленно вскрикнула, рассмотрев, что кружевные крылья создания состоят из серебряной канители. - Он первый здесь появился и сделал все, чтоб место стало походить на наш родной мир. Солнце, звезды, растения, ну и птиц с насекомыми.

Я запрокинула голову. Полуденное солнце не слепило и висело довольно низко. То есть на самом деле низко, туазах в двадцати, и крепилось оно не к небу, а к сводчатому каменному потолку.

- Мы в пещере, - пояснил Простак, - поэтому и фаханов приходится опасаться, время от времени лезут дикие на свет.

Девушке после такого открытия пристало бы упасть в обморок, а молодому дворянину - грязно выругаться. Поэтому, прошептав: «Святые бубенчики!» - я лишилась чувств.

- Мы ее не целовали, - пищал некто монотонно над ухом, - честью клянусь! Ни вместе, ни по отдельности, ни в мыслях даже!

- Она не привлекательна, - доказывал другой голос. - Папаша, у нее вон брови с мою руку толщиной! Нет, в брови я ее тоже не целовал!

Мне захотелось заткнуть уши, голоса мешали спать. А спать было так приятно, так здорово. Мягко было, практически как на собственноручно набитом травяном матрасе, и так же удобно.

- Болваны, - ласково говорил некто басом. - Не о том думаете.

- Она сказала - жениться заставит! - наябедничал Чих. - Обоих!

- А вы ей сказали, что ваши с ней виды несовместимы в репродуктивном плане?

- Не успели.

- Так с этого надо было начинать. Люди же зачем союзы заключают? Чтоб род продолжить. А этой деве от нас новых цвергов не нарожать, даже если женимся на ней все всемером.

Всемером? Значит, их семеро. Как семь грехов: жадность, зависть, бахвальство, лень... Чих, Простак и Папаша...

Цверги? Это гномы, что ли? Те самые кузнецы, которые выковали лорду нашему Спящему его славный меч, и славный щит, и славный...

Я перевернулась на бок, положив под щеку ладошку.

- Оставьте деву в покое, пусть поспит, - продолжал басить Папаша. - У нее все силы на выздоровление ушли. А чего это меня никто не хвалит, а? Посмотрите на ее щечки!

- Угу, я на одной ее щеке спать могу! - чихнул Чих. - Колоссальные щечки!

- А раньше бы не смог, - сказал Папаша. - Раньше бы в рот провалился. Помнишь, как ей лицо искромсали?

- Помним. Фахан все переживал, что не зарастет.

- А я ему что говорил?

- Что наша остова не одну принцессу сохранила, и даже не двух.

- И кто оказался прав?

- Ты, Папаша.

- То-то же!

Наверное, за грех бахвальства в этой странной семье отвечал все-таки родитель. Потому что разговор все не заканчивался, вращаясь вокруг великолепного, лучшего, мастеровитейшего и талантливейшего.

Я пошевелила ладонью - щека действительно была целой, даже шрама на коже не прощупывалось. Я вспомнила, с каким сладострастием Ригель резала мое лицо, и поняла, что спать больше не хочу.

- Что за фахан меня к вам приволок? - Я села и раздвинула руками волосы, как занавеску.

С этими патлами надо что-то решать, их, кажется, за прошедший час стало еще больше.

- А поздороваться?

Папаша оказался еще мельче своих отпрысков, только ручки его, выглядывающие из кожано-льняных лохмотьев одеяния, бугрились мускулами.

- Здравствуйте, - я зевнула. - Мы тут с вашими сынулями успели кое о чем договориться.

- И тебе не хворать. Только сыновей у меня нет, дева. У нас большие проблемы...

- С репродуктивностью, - перебила я его, - что бы это фаханово слово ни значило.

«Репродуктивность» напомнила мне о неких неотложных задачах, а «неотложность» – о задачах еще более неотложных.

– Клозет?

– Что, прости?

– Ну, куда вы по нужде ходите?

– Это зависит от того, что именно надобно.

Я ругнулась и спрыгнула с высокой лежанки. Комнату рассмотреть не успела, все же бегом, галопом даже. Выскочила во двор, сшибая всех, кому не повезло оказаться на пути, побежала в отдаление, к кустам.

Кусты при ближайшем рассмотрении оказались из железа – и ветки их, и листья, и почки, и...

– Слышь, граф, – Простак раздвинул ветки над моей головой, – давай я тебя лучше в специальное помещение отведу.

– Нет у вас таких помещений, – простила я. – Дикари! Вы даже слова такого не знаете.

– Теперь знаем. – Мелкий подобрал мои волосы на манер королевского шлейфа. – Ну давай, что ты тут игры устроила?.. И грязь разводить не нужно. Это если в лесочке, на природе, все для растительности на пользу, а здесь у нас даже дождя не бывает...

Он еще подергал меня за волосы, вытягивая из кустов, и повел, будто коня в поводу, обратно.

Был у них клозет, у фаханов мокрых. И даже с прочими, милыми сердцу любого ардерского дворянина, удобствами. И вода в умывальне была, и даже горячая, – вытекала из стены по желобу, и зеркало на стене было большое, в мой рост, – не какая-то полированная медная пластина, а нечто тонкое, как будто стеклянное, с напыленным на него слоем серебра.

Перед этим зеркалом я и примерила свой пояс. Через некоторое время, после довольно продолжительной беседы со всеми семью цвергами: Папашей, Тихоней, Чихом, Хохотуном, Простакком, Соней и Ворчуном.

Артефакт действовал так, как и должен был: превратил буйноволосую меня в буйноволосого лорда Шерези. К слову, буйноволосие на нем смотрелось еще более странно.

Два дня? Что ж, это промедление не смертельно. Ее величество успеет воспользоваться информацией, которую принесет в клювике ее верный миньон. Она осыплет меня алмазными звездами, мне ушей не хватит, чтоб все их носить, буду украшена драгоценностями с ног до головы!

Я отодвинула пряди от висков, дырки в мочке не было – видимо, она заросла, как и порез на щеке от благотворного действия цверговой остоны.

Итак, цверги. Их семеро, они не семья, а нечто вроде мужского рыцарского ордена – «Сыновья Ивальди». Кто такой, или такая, Ивальди, мне даже узнавать не хотелось. А Папаша – всего лишь прозвище, потому что он самый умелый из семерых.

Я выглянула за дверь клозета, там в коридоре подпирал стену Простак.

– Принеси одежду, в которой я у вас появилась, – велела строго, потом добавила уже помягче: – Пожалуйста.

Меня притащил к ним фахан. Фахан, насколько мне удалось уразуметь, – это фея, только фея-мужчина. Знаю я одного такого, крылатого рыжего Караколя, который в Ардере не без успеха притворялся горбуном. Смешно. Поэтому мы, люди, никогда и не слышали о том, что бывают феи-мужчины. Мы знали, что есть феи и есть фаханы, феи обитают в Авалоне вместе с лордом нашим Спящим, стерегут его сон, а фаханы, следовательно, – в

аду, или в нижнем мире, куда попадать ни одному разумному человеку после смерти не захочется. А это, оказывается, один и тот же вид! «Вид» – хорошее слово, его я уже успела подцепить от Папаша и использовала даже в размышлениях.

Папаша знал уйму сложных слов. И еще более сложных понятий. И будь я существом другого склада, более к наукам расположенным, я уцепилась бы за возможность узнать от него как можно больше. Но я – это я, и единственным моим желанием в этот час было вернуться к своей королеве.

Два дня! Я должна ей все рассказать.

Ах нет, не два, где-то около недели.

Я восстанавливала прошедшее время час за часом. Чародейский водоворот, открытый горбатым Караколем, унес нас в далекие дали. Там, в этих далях, нас ждал отряд вооруженных всадников, сопроводивших в горы по петляющей меж отвесных склонов тропке. Маршрут я помнила слабо, находясь под властью заклятия, так же как допрос и пытки, за ним последовавшие, пришла в себя на рассвете, когда лорд наш Солнце показался из-за горизонта. Замок, где я очутилась, назывался «Блюр», и он точно был абсолютно реальным. Как реальными были и мои раны, причинявшие страдания, и безумная королева, во власти которой я оказалась. Ригель потешилась моей беспомощностью в полной мере. Кроме изрезанной в лоскуты щеки, она наградила меня также раздробленными щиколотками обеих ног и поломанными пальцами рук. Замок принадлежал Вальденсу, предателю Вальденсу, и ему же принадлежали стражники.

Итак, что дальше? Я пришла в себя, полюбовалась восходом солнца и премилым пейзажем, открывающимся с балюстрады, а затем сиганула вниз, в горную реку, опоясывающую стены замка. Побег. Отчаянный шаг. Я не размышляла – я действовала. Бежать обычным манером мне бы все равно не удалось, с покалеченными-то ногами. Если бы побег окончился моей смертью, что ж, я была готова и к этому. Лучше уж оказаться в чертогах Спящего, чем опять видеть сумасшедшие глаза моей похитительницы и слышать ее противный, дребезжащий смешок.

Я обернулась на скрип дверных петель, вынырнув из бесполезных воспоминаний.

– Вот. – Простак протянул мне стопку одежды, поверх которой лежал мой верный пумес – графское достоинство, которое я носила в штанах, чтоб придать своей фигуре более мужские очертания.

Пумес я схватила, а на прочее воззрилась удивленно:

– Это не моя одежда!

– Возьми. – Цверг стал раскладывать под зеркалом алый в золотых позументах камзол. – За тобой пришли и велели облачиться в алое.

Я раздраженно хмыкнула, сжала в кулаке пумес и выбежала в коридор.

За столом, где я оставила свои семь грехов, сидел только Папаша:

– Убедилась в своей нетронутости?

– Милорд не видит этого сам? – Я озиралась, но того, кто, по словам Простака, пришел за мной, в комнате не было.

– Милорд? – Цверг тоже осмотрелся.

– Вы! То есть ты! Ты не видишь сам, что все в порядке?

– Твои иносказания, дева, вызывают у меня тревогу, – серьезно сказал Папаша. – А о прочем – я не вижу колдовства фей, для меня ты осталась смуглой девицей с густыми бровями. Собирайся, тебе пора.

Я выглянула в окно. Во дворе стоял Караколь, возвышаясь над головами цвергов туза на два.

- Почему он не заходит внутрь?

- Не может. Это закон Авалона, фахану не место в доме цверга.

- Чудесно! - Я вернулась к столу и уселась на стоящий рядом с ним табурет.

Пумес лег на столешницу, по сторонам от него легли мои расслабленные руки. Не знаю, как действует цвергова остова, но и кости она мне срастила.

- Что именно чудесно?

- Наше совместное будущее. У нас лет шестьдесят, я думаю. Шерези, я имею в виду своих предков, всегда отличались хорошей продолжительностью жизни. Кроме моего родителя, конечно. Но там несчастный случай, его вспорол на охоте дикий вепрь. У нас в доме вепри водятся?

- «У нас»?

- Смирись, Папаша. У нас. С фаханом я никуда не пойду, даже в благодарность за то, что он выловил меня из воды и притащил к вам.

- А благодарности к нам ты не испытываешь?

- Безграничную. Но ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным, - уверенно сообщила я. - Нечего было посторонних девиц лечить, и целовать их тоже не стоило!

Мы с цвергом помолчали.

- Тебе придется уйти, - Папаша сдался первым.

- Не уверена, - уверенно сказала я, а потом, не выдержав, расхохоталась: - Разыгрывать тебя - само удовольствие!

- Ты тянешь время? - догадался он наконец.

- Волосы, - предложила я. - Мои чудесные шелковистые волосы в обмен на помощь.

- Ты их уже предлагала.

- Обещать - не значит дать. - Я потянулась через стол за оставленными на нем ножницами и щелкнула ими, отрезая первую прядку. - Небольшой аванс, Папаша, который должен подтвердить серьезность намерений.

Стригла я наощупь, о красоте заботы не проявляя.

- Уж не знаю, зачем феям нужны человеческие волосы...

- Для колдовства, - перебил цверг мое бормотание. - Для чего же еще? Это время, дева, ваши волосы - это время, та самая четвертая грань, которая необходима для любого колдовства.

- Тогда что - первые три?

- Меры: ширина, длина, высота. Время - четвертая.

Я остановилась:

- Надеюсь, эту информацию ты подарил мне бесплатно?

Честно говоря, получить прямой ответ на извечный вопрос о том, зачем феям наши волосы, я в этой жизни не предполагала.

- Сейчас мне нужны более конкретные советы.

Папаша рассматривал на свет отрезанную прядку:

- Такой странный красноватый оттенок... Ты уверена, что среди твоих предков-

долгожителей не затесалась фея или фахан?

- До сегодняшнего дня я не предполагала бы такой возможности, - пожала я плечами. - Но это не важно. Ты можешь вернуть меня в Ардору?

- Человеческие названия мало говорят мне. Это королевство или город?

- И то и другое. Если получится в город - великолепно, если в королевство - хорошо, даже если в другое королевство в пределах нашего мира - меня это устроит.

- Не могу.

- Тогда зачем уточнял, что я имею в виду?

- Зато знаю того, кто может.

- И этот «кто-то»...

- Ждет тебя сейчас во дворе.

- Караколь?

- В вашем мире он, видимо, носит это имя.

- Я бы советовал тебе, граф, - Простак, оказывается, все это время стоял в дверях гостиной и слушал нашу с Папашей беседу, - договориться с фаханом. Раз он притащил тебя сюда, значит, чем-то в тебе заинтересован...

- Этот совет я оплачивать не буду, - оборвала я Простака. - Как я, по-твоему, могу договориться с существом, которое находится в подчинении у безумца?

- Связанный клятвой?

Я подумала.

- Скорее всего. И как прикажешь с ним торговаться, если он может читать все мои мысли, даже самые сокровенные?

- Твоя проблема в том, граф, - грустно сказал Простак, - что ты все слишком усложняешь. Торгуешься там, где достаточно попросить, играешь, вместо того чтоб проявить честность и великодушие.

«Это и называется "интриговать"!» - могла я закричать, но подумала, что маленький цверг в чем-то прав, и даже испытала нечто похожее на стыд и запоздалую благодарность.

- Ты не мог бы открыть окно, чтоб фахан мог слышать меня? - попросила я Простака.

А потом подумала, что «слышать» надо как раз мне. А потом - что, может, здесь, где бы это «здесь» ни находилось, волшебные способности Караколя исчезли. Ах, какая бы это была удача!

Караколь был привычно уродлив, хотя сейчас, когда его кожистые крылья свободно лежали на плечах, подобно плащу, а не притворялись горбом, жалости его некрасивость не вызывала, а вызывала оторопь и страх. Вытянутое лицо, которое моя маменька, храни ее Спящий, назвала бы скульптурно вылепленным или еще как-то изящно, я наградила эпитетом «костистое», крючковатый нос, широко расставленные глаза. Урод. Яркий чужеродный урод.

Я улыбнулась широко и зло:

- Тысяча фаханов! Какая встреча! Ах, простите, принц, я забыла, что крошки-цверги имеют склонность понимать все буквально, фахан у нас только один...

Взгляд мой переместился на его рот.

Именно этим самым ртом он меня, негодяй, и целовал? Поганец, невежда и прохвост!

Его глаза полыхнули ярко-красным. Что ж, Басти, можешь начинать бояться, он до сих пор способен читать твои мысли.

«Отправляйся к своей кровожадной короле, – подумала я старательно, – и передай, что я не ступлю и шага за порог этого дома».

– Сделай ей шрам, Брок, – устало сказал Караколь. – Ты ведь сможешь выковать такой, что не будет отличаться от настоящего?

– Ты хочешь обидеть меня недоверием? – ответил ему из-за моего плеча Папаша. – Я смог сделать для некоей богини, имя которой не буду называть, золотые волосы, которые не только прикрепились к ее голове, но и продолжали расти сами по себе.

– Тысяча мокрых!.. – я всплеснула руками. – Надеюсь, они росли наружу, а не внутрь? А то я знаю некую леди, у которой явно проблемы с головой. Не может ли быть это следствием...

Мой изящный пассаж был проигнорирован всеми. Папаша, подтянувшись на руках, запрыгнул на подоконник и потянул меня за ухо заскорузлыми пальчиками.

– От виска к подбородку, – пробормотал он, разворачивая мое лицо щекой к окну.

– Что за богиня? – дернула я головой.

– Еще у графа-девы было проколото ухо, – громко проговорил цверг в окно. – Что застыли, молодежь? Работа сама себя не сделает! Мигом в кузню! По местам! Соня, Ворчун, Тихоня...

Цверги мельтешили во дворе, исполняя указания. И никто не обращал внимания на бравого графа Шерези и его вопросы.

Если я собиралась на кого-нибудь обидеться, сейчас было самое время. Поэтому я дернула головой повторно и вцепилась зубами в папашину руку.

С примерно таким же результатом я могла бы укусить деревяшку, или подошву сапога, или перевязь – зубы скользнули по твердой коже цверга.

– Тпррр-у-у! – сказал Папаша. – Я подковывал и более непокорных лошадей.

– Ты мне соврал? – Я оттолкнула его руку и отодвинулась. – На самом деле вы с Караколем друзья?

– Я никогда не говорил тебе обратного, дева.

– Ты говорил, что он не сможет переступить порог твоего дома!

– И не соврал. Фахан не может войти в дом цверга.

– И при этом вы – друзья?

– Не вижу противоречий.

Я фыркнула, но возразить было нечего. Папаша покачал головой и спрыгнул прямо во двор. Я проследила за ним взглядом, затем перевела его на Караколя.

Фахан поманил меня к себе. Ладонью! Как собачонку или продажную девицу.

– Оставь меня в покое! – проорала я, подходя к окну и перегибаясь через подоконник.

– Не могу. – Караколь будто шагнул сквозь марево, оказавшись со мной лицом к лицу.

– Тогда постарайся меня убедить!

– И этого не могу.

– Объясни...

– Нет, милая...

Это «милая» меня добило, оно было сказано с интонациями Мармадюка, от которых екнуло где-то в животе или в сердце.

Я хотела домой! К лорду-шуту, к ее величеству, к друзьям и мерзопакостному ван Харту. Пусть потешается надо мной, обзывает Гэбриелой и угрожает открыть мою тайну всем желающим. Если бы неделю назад я знала, к каким ужасным последствиям приведет мое бегство из Ардеры, я бы осталась в столице. Интересно, Патрик уже отправился на мои поиски? Ее величество снарядила лиловых плащей, чтоб отбить у безумной Ригель любимого миньона королевы? Когда меня спасут? Если всадник со сменной лошадью может преодолеть за день пять лье, то группа всадников...

- Прошло больше двух лет.

- Что?

- Время здесь течет гораздо медленнее.

Я похолодела. Я же слышала об этом! Сколько историй ходит по Ардере о похищениях фей. Например, о том, что некий юный пастушок, играющий своим овечкам на дудочке, привлек внимание некоей феи и настолько пришелся ей по душе, что был приглашен в ее королевство. А потом он вернулся, такой же молодой и полный сил. Только вот родители его не дождалась, уйдя в чертоги Спящего, да и бывшие ровесники, седые, морщинистые и беззубые, не узнали его. Там вообще грустно все закончилось.

Я же пугала этой историей Станисласа, когда его приглашала в Авалон моя фата Илоретта - фея, дарующая имена. Она так восхитилась музыкальным талантом доремарского менестреля, что решила заполучить его себе. Она заморочила его, влюбила и лишила способности здраво рассуждать. А я не позволила свершить похищение, открыв бедняге глаза на фейское колдовство. Станислас не знал, что пейзажка, разрушившая кованные планы фаты Илоретты, и граф Шерези - одно и то же лицо. А я... Я забыла, что в королевстве, или, если угодно, в мире фей, время течет по-другому.

Два года! Два!

Жаль, что ардерские мужчины не могут лишаться чувств от их переизбытка. Чувства меня захлестнули в этот момент настолько, что я застонала и стукнула кулаком в оконную раму.

Мои друзья, мои враги, моя королева! Что с ними случилось? А маменька? Как она жила без меня эти годы?

- Там идет война? - всхлипнула я. - Скажи мне, Ардера залита кровью?

Караколь пошевелил крыльями, что, видимо, должно было обозначать пожатие плечами:

- Меня не особо интересует ваш мир, но никаких слухов про войны и катаклизмы до меня не доходило.

- То есть ты хочешь сказать, что твоя госпожа не стала сражаться за престол Ардеры?

- То есть ты считаешь, что она уже должна была развязать войну?

Мой вопрос вернулся ко мне зеркальным отражением. Конечно, должна. Иначе к чему ей были все эти сложные многоходовые интриги? Зачем заговор, алые звезды и прочие милые шалости безумной Ригель?

А ведь ты дурак, Шерези. Дурак и дура. Ты сделала выводы, не основываясь ни на чем, кроме личного, довольно куцевого опыта.

Что тебе нужно сейчас, а провинциальный дворянчик? Ответы на вопросы? Ну спроси. Спроси Караколя. Можешь даже спрашивать мысленно, чтоб не множить сущностей.

Только, могу поставить на кон свой графский пумес, на твои вопросы он не ответит. Почему?

- Ты не можешь мне просто рассказать? - сказала я, почти зная, что он ответит.

- Нет.

- Тебе запрещено?

- Да.

- То есть тебе запрещено напрямую об этом кому-то рассказывать?

Он кивнул.

Я продолжила:

- Тебе запрещено рассказывать только мне или вообще кому бы то ни было?

- Никому и никогда.

- Никому из людей или феи и цверги тоже находятся под запретом?

- Я не могу произнести этого вслух, даже находясь в одиночестве.

Я задумалась, запрыгнула на подоконник и уселась, скрестив ноги и прикрыв колени подолом сорочки. Он - фея, ну, то есть фахан, но это сейчас не важно. Значит, формулировка договора для него важна, и, заключив договор, нарушить его он не может. Фата Илоретта тоже не могла. Она могла юлить и изворачиваться, трактовать условия в выгодном для себя свете, но ни разу, ни разу не нарушила прямой договоренности. Итак, передо мною фея, заключившая некий договор с Ригель, или с Моник, которую я раньше знала под этим именем. Она - госпожа Караколя. Он всегда честно и развернуто отвечает на ее вопросы. В этом я уже убедилась. Это, видимо, входит в условия договора. Но и договор не помешал ему меня спасти. Или таково было указание сумасшедшей коровы?

- Где сейчас Ригель? - быстро спросила я.

- В замке.

- В каком мире? В человеческом или в мире фей?

- Замок Блур абсолютно точно стоит на землях Ардеры. - Караколь ответил обтекаемо, но я поняла, что на правильном пути.

- А твоя госпожа знает, что в Ардере время течет иначе, чем в Авалоне?

Он кивнул.

Итак, она знает и скорее всего попытается использовать это в своих планах, каковы бы они не были. И в этих планах мне, судя по всему, отведено место. Потому что иначе не тащила бы она меня с собой, а попросту убила. Моей безвременной кончины вполне хватило бы в качестве мелкой мести королеве.

Тут у меня вполне могло бы случиться головокружение от осознания собственной важности, но я его избежала. Пешки, знаете ли, тоже важны в игре, только вот и разменивают их на более сильные фигуры без счета. Итак, Шерези, что ты решишь? Будешь отсиживаться в компании цвергов, пока необходимость в тебе не отпадет с течением времени, или попытаешься понять и разрушить чужую игру? А что, маменька погорюет и отвлечется творчеством, через годик-другой, по местному времени, в Ардере сменятся поколения и, может быть, даже королевские династии, и ты сможешь покинуть Авалон. Представляешь, как удивит тебя прекрасный новый мир? Может, к тому времени люди изобретут самоходные повозки или вовсе отрастят себе крылья на манер фахановых. Хочешь увидеть все лично?

Я посмотрела на Караколя, он явно слышал все, о чем я сейчас думала.

- Скоро начнется большая игра, милая, - устало проговорил он. - Идем.

Глава 2

Миньон двух господ

В веселом доме «Три сестрички» сегодня вечером было тихо и малоллюдно. Сестрички, числом уже гораздо более трех, но кто их там собирается считать, отдыхали за пределами заведения, а в гостиной, полутемной и абсолютно пустой, у зажженного камина беседовали за бокалом вина лорды ван Харт и Уолес.

- Итак, - Патрик поправил кисточку своей профессорской шапочки, лежащей на столешнице, - я могу поздравить нас с победой?

- С промежуточной, - Гэбриел тоже смотрел на шапочку. - Будь по-ученому точен, соответствуя своему статусу.

- Я получил замок?

- Блюр, ранее принадлежавший предателю короны Вальденсу.

- А напомни-ка мне, почему замок получил именно я?

- Потому что тебе вечно обещают какой-нибудь замок, Уолес. Если бы мне обещали земли и регалии с такой же частотой, как тебе, я стал бы богаче Мармадюка.

- Обещать - не значит дать, - передразнил Патрик ее величество.

Получилось похоже, поэтому ван Харт позволил себе криво улыбнуться:

- Это в случае, если в твоём ближнем круге нет надоедливого маленького мерзавца.

- Она именно так тебя поносила?

- Кто? Ее величество? Поверь, это были еще вполне приличные выражения, в сравнении с прочими.

- Ее не удивило, что мне нужен именно Блюр?

Ван Харт перевел взгляд на веселое лицо друга и покачал головой:

- Ты умнейший ученый муж, Патрик, но в некоторых вопросах наивнее младенца. Разумеется, я просил для тебя кусочки пожирнее, еще и торговался почище доманского купца. Так что королева облегченно вздохнула, когда в разговоре будто бы случайно всплыл этот отдаленный, необжитой и лишенный гарнизона... Да это просто кучка камней на границе с Тарифом, а не замок! Развалины, назвал бы я их, если бы не уважение, которое я испытываю к своей леди.

Последние пару фраз Гэбриел щедро приправил доманским акцентом.

- Там действительно все так плохо? - легкомысленно спросил Уолес. - Ты отправил туда шпионов, они уже прислали тебе отчет?

- Не успел. Дорога займет не меньше недели, я решил, что мы быстрее самостоятельно все разведем.

- «Мы»? Замок даруют мне, так что и инспекция владений - мое личное дело!

- Хо-хо! - Ван Харт изобразил ладонями аплодисменты. - Лорд Уолес настолько жаден?

- Ну а если серьезно, - Патрик покачал головой, - ее величество не отпустит тебя со мной.

- Еще и вуалью помашет напоследок. Она бы с удовольствием избавилась от всех четверых, но и половина от этого числа ее устроит.

- Поясни.

Ван Харт посмотрел в открытое лицо Патрика, вздохнул, притворно сокрушаясь:

- Дитя! Для чего наше величество заводило себе миньонов?

- Заводила? Заводят скорее собак, чем людей.

- Вот именно что завела, как щенков на псарне. Затем, чтоб молодые щенки загрызли старых собак, расчистив политическую арену. Ее расчет оправдался, мы сделали это. Но, к нашему несчастью, излишне рьяно и слишком быстро.

- А теперь...

- От нас пора избавляться, мой шаловливый песик. Потому что «слишком быстро» в нашем случае - непозволительно. Мы зачистили арену, избавившись от старичья, и имеем все шансы так же быстро заматереть. А ей, при всем моем восхищении, - тут Гэбриел опять прибеж к доманскому акценту, - нашей венценосной леди, не особо нужны когти и клыки.

Лорд Уолес помолчал, тронул кисточку на шапке, затем посмотрел сквозь бокал, сквозь плещущееся в нем золотисто-багровое вино, на пламя камина:

- Аврора - женщина, а женщины добры и нерасчетливы.

- Ты глуп, если действительно так считаешь. - Ван Харт потер подушечкой пальца щеку. - Аврора, дружище, прежде всего - королева, а уже потом - женщина. И если уж разговор зашел о слабом поле, позволь задать тебе прямой вопрос.

Патрик кивнул, Гэбриел продолжил:

- Ты делил с ней ложе?

- С королевой? - В голосе ленстерца послышался испуг пополам с благоговением.

- Я так и думал, что нет. А людская молва меж тем приписывает тебе десятки любовных побед на этом ристалище. Впрочем, как и мне, как и Оливеру, как...

- Разве это важно?

- Лишь в том случае, если ее величество вполне к нам равнодушна.

- Или хранит верность одному мужчине?

- Мы даже знаем, какому.

- И не повторяем досужие сплетни.

- Точно! Лишь поддерживаем сплетни о нас грешных.

Патрик хмыкнул:

- Ну хорошо, мы - зубастые псы, - широко улыбнувшись, он отбросил со лба золотистый локон. - Уолес, у которого только что не едят с рук хабилысы королевского университета, или Веклунд, которому прочат пост командующего уже через пару лет, или ты... С тобой вообще все просто - в любой момент ты заявляешь права на Дювали и объявляешь долину отдельным княжеством. Но Станислас? Почему наш нежный бард вызывает ее опасения?

- Одна песенка нашего нежного барда может как разрушить, так и возродить из пепла любую репутацию. Уж сколько лет прошло после сочинения о шуте и фее, а во всех ардерских тавернах до сих пор напевают сии куплеты.

- Ах как же его звали?.. - Уолес заржал отнюдь не с профессорской сдержанностью. - И что же наш лорд-шут, он благословит нас на свершения или твоя хитроумная комбинация была им замечена?

Ван Харт отхлебнул из своего бокала, в котором, судя по цвету содержимого, плескалось отнюдь не вино.

- Он прекрасно понимает, что короне нужны деньги, Блур - неплохой форпост, чтоб

разрушить монополию Тарифа в вопросах доступа на Авалон. Он нас благословит и помашет вуалью королевы, можешь не сомневаться.

Входная дверь загрохотала, распахиваясь, тяжелые шаги и легкая струнная мелодия возвестили, что компания миньонов пополнилась лордами Виклундом и Доре.

- Кажется, в столице не желают видеть всех четверых! - Гэбриел ван Харт отсалютовал прибывшим бокалом.

- Вода! - с отвращением кивнул Оливер. - И девиц, как я понимаю, вы предварительно разогнали?

- Не опасаясь, что твои неуместные вопросы достигнут неких прелестных ушек? - Станислас лорд Доре быстро уселся за стол и придвинул к себе пустой бокал и бутылку, отобрав ее у Патрика.

- Я лишь хотел убедиться, что нашим сборам никто не помешает.

Виклунд тоже устроился за столом и разжился посудой.

- Итак, Блюр? Дороги все еще не подсохли, поэтому обоз я собираюсь пустить малым ходом по тракту, а путешествовать с небольшим отрядом...

Оливер достал из-за пазухи тонкий пергамент дорожной карты и расстелил его на столешнице.

- Вот здесь, - ткнул он пальцем в какую-то точку, - мы оставим лошадей и найдем проводника. В это время года путешествие в горах представляет опасность.

- С каким именно поручением, позвольте узнать, к нам прикрепляют лорда Виклунда? - Гэбриел смотрел на карту без интереса.

- Леди Дидиан ван Сол наконец выходит замуж, - хохотнул великан, - и все друзья счастливого жениха направляются в новые владения лорда Уолеса, чтоб подготовить великолепный праздник. Лорд Уолес ведь не против?

- Не против. - Патрик склонился над картой.

- Королевский менестрель не может манкировать этим событием. - Станислас на карту вовсе не смотрел. - На подготовку нам выделено три месяца.

- Это то, о чем я тебе говорил, - Гэбриел обратился к Патрику. - Дидиан ван Сол и рыцари долины, которые съедутся на праздник. Наше шутейшество, пользуясь моментом, вознамерился пощипать Тариф.

- Как замечательно, что все наши планы в чем-то совпали.

- Значит, в дорогу?

- В дорогу, миньоны!

Я сидела перед зеркалом и безостановочно щелкала ножницами, даже не глядя на свое отражение. Караколю я не верила ни на грош. Фахан - раб, рабам доверять нельзя. То, что он спас мою жизнь, конечно, достойно благодарности, но тоже с оговорками. Вообще никому доверять нельзя. Я одна против всего мира.

Этот горький вывод я сделала, когда мысль про два прошедших года слегка обжилась в моей голове и перестала меня шокировать. На смену ей пришла другая - за два года никто не попытался меня спасти. Ни королева, ни шут, ни друзья. О чем это говорит? О равнодушном нежелании или о невозможности? Второе было бы крайне неприятно, первое же...

Я всхлипнула и посмотрела в зеркало. Волосы топорщились в разные стороны, придавая голове сходство с малихабарским растением тарухшакун, а попросту говоря - с одуванчиком.

Ругнувшись и намочив ладони в умывальном тазу, я пригладила вихры за ушами.

Нет! В то, что друзья меня бросили, я верить не буду! Вот просто не буду. Не спасли – значит, не смогли, значит, я сама спасусь.

– Собери! – велела я Тихоне, кивая на ворох состриженных волос. – Будем считать, что мы в расчете.

Цверг кивнул и стал неторопливо наполнять заранее подготовленный мешок.

– Твой шрам готов, – сообщил вошедший в комнату Папаша, потряхивая в воздухе деревянной шкатулкой.

– А второй заказ?

– С минуты на минуту. Ворчун должен принести его.

Он сально хихикнул, я покраснела. Второй заказ был слегка... гм... неприличен и исходил лично от меня. Я заказала бубенчики. Рассказ о золотых волосах, которые выковал Папаша для какой-то авалонской богини, натолкнул меня на эту мысль. Если меня будет мужское достоинство, которое не грозит вывалиться из штанов при каждом шаге...

Я закинула ногу на ногу, ощутив бедром твердость своего пумеса.

Хотя, может, я и сглупила, когда поняла, что волосы у меня хоть так, хоть эдак отберут, и захотелось урвать выгоды напоследок.

Папаша установил шкатулку на подзеркальный столик и откинул крышку.

– Это шрам?

Бабочка, сидящая в шкатулке, взмахнула ажурными серебристыми крыльями, мне даже показалось, что с них осыпалась горстка пыльцы.

– Шрам. – Цверг потер ладонь о штаны и протянул ее к насекомому. – Лучше настоящего будет, не сомневайся. Колдовство фей, знаешь ли, построено на обмане восприятия, а мое, наше, цвергово, колдовство...

– Ты хочешь сказать, – перебила я, – что подсадишь мне на лицо механическую букашку, которая вырастет в меня лапками и жалом?

Папаша дунул, бабочка взлетела.

– Жала у нее нет.

Я завизжала, отмахиваясь:

– Дай мне нож! Я хочу нормальный, настоящий, обычный шрам! Я боюсь!

Щеки как будто коснулось чье-то дыхание, я хлопнула себя по лицу, пытаюсь сбить насекомое, пальцы встретили бугристость кожи, как от старого, уже зажившего пореза.

– Обморок, – радостно спросил Папаша, – будет?

– Теперь в нем нет никакого смысла, – ответила я с горечью. – Гады вы фахановы, мокрые каналы, дуболомы...

Я могла бы продолжать, кажется, бесконечно. Но каждое слово стоило мне, наверное, часа в моем мире. Так что я просто махнула рукой, всхлипнула, вытерла с шершавой щеки влажную слезную дорожку (ардерские мужчины не плачут?) и собралась в дорогу.

Крик Ворчуна остановил нас у озера, за поворотом тропинки:

– Твой заказ, граф!

– Спасибо. – Равнодушно засунув под мышку очередной цвергов футляр, я поклонилась.

– Интересная работа, – гордо сообщил Ворчун.

- Не сомневаюсь.

- Волшебные бубенчики!

- За ту плату, что вы за них получили, они должны еще по ночам сказки рассказывать.

Цверг охнул, покраснел и потупил взор:

- Ночью они тебя удивят, не сомневайся.

Я тоже покраснела. С кем я их использовать собираюсь, свои бубенцы?

- Нам нужно торопиться! - Караколь стоял тузаз в двух и, дуболом такой, не краснел. Улыбался гаденько тонким ртом, но не краснел.

Ворчун вежливо попрощался, выразив робкую надежду, что больше никогда со мной не увидится. Я эту надежду горячо разделила, поддержала и пожелала ему недолгих страданий, ибо сама отходить в чертоги Спящего не спешила, и лишь безвременная кончина маленького цверга могла спасти последнего от нашей повторной встречи в случае, если его бубенчики меня не удовлетворят.

«Его бубенчики» и «удовлетворят», оказавшиеся в моей тираде, вогнали в ступор, кажется, всех присутствующих, даже Караколя. Но я-то просто чуть натурально не лишилась чувств, когда осознала двусмысленность мною изреченного. Смогла только закашляться и махнуть на прощание свободной рукой.

Когда Ворчун скрылся за поворотом, фахан потянулся ко мне:

- Покажи!

- Прочти мои мысли и не лезь в мою жизнь! - отпрыгнула я.

- Тебе не кажется, что ты противоречишь сама себе?

- А тебе не кажется, что... - футляр поместился в карман кафтана, - что для раба сумасшедшей бабы...

Он опять дернулся ко мне.

Я опять отскочила, подошва сапога соскользнула, крутой берег озера осыпался под ногами, я полетела спиной вниз. Глаза обожгло ярким светом лорда нашего Солнца, но жмуриться не пришлось. В тот же миг лицо укрыло тенью распахнутых крыльев фахана, а его длинные твердые руки подхватили меня за талию.

- Высоты боишься, болтушка?

Грудь Караколя, к которую я уткнулась носом, была тоже твердой. Надеюсь, я этот свой нос расквасила и мои кровавые сопли на камзоле этой канальи послужат крошечной мстью. Крошечной и нелепой.

Фахан, видимо, услышав про сопли, перехватил меня под мышками и подтянул повыше, крылья его мощно рассекали воздух, озеро, оставшееся внизу, виделось уже серебряным блюдом на изумрудной скатерти великана.

Непередаваемое зрелище, особенно если учесть, что любовалась им я искоса, свесив голову через фаханово плечо. Меня замутило. От высоты, которой я конечно же (скорее всего, я надеялась, что это именно так) не боялась.

- Тошнит? - Караколь перекрикивал ветер.

«Точно за чистоту камзола переживает, - мстительно подумала я, решив, что отвечать не буду. - Наверное, даже на благословенном Авалоне непросто найти портного, который выкроит и сошьет одеяние с прорезями для крыльев. Прорези! Как расточительно! Там же сукна надо тузаз четыре. А как прикажете швы в этих прорезях обрабатывать? Если канителью, то она натирать будет при полете, а если мягким льном, то он в два счета истреплется».

Фахан отодвинул меня на вытянутых руках, то ли чтоб действительно не испачкаться, то ли чтоб рассмотреть выражение моего лица.

«Шелк, – решила я наконец. – Шелковая нить подойдет для обметки лучше прочего. Во-первых, она крепкая, а во-вторых – скользкая, поэтому трение при работе крыльев ей не страшно».

– Я понимаю, что ты делаешь! – Фахан встряхнул меня, требуя внимания. – Ты отвлекаешься болтовней, чтоб не бояться.

– Чего еще может бояться девушка после поцелуя с тобой? Все самое страшное в ее жизни уже произошло! – проорала я вслух, а потом еще подумала: «Урод!»

– Какое высокомерие! – Он явно обиделся.

Странно, его называли уродом все подряд, и вслух, и в мыслях, а обиделся он именно на меня. Может, зря я так? Он же, в сущности, человек подневольный и не особо в моей плачевной ситуации повинен. Да и не человек он вовсе, а фахан. Может, то, что я считаю уродством, у них, у фаханов, напротив, сходит за прелесть и услаждает взоры местных дам? Может, Караколь меня не для удовольствия целовал, а для дела? Точно! Без поцелуя я бы не проснулась, а он постарался, разбудил... Может, даже отвращение при этом испытывал.

– Я тебя не целовал, женщина! – Караколь тряс меня уже раздраженно. – Ты можешь думать о чем-нибудь, кроме тряпок и поцелуев? Дура!

Лучше бы подтвердил мою версию про отвращение, и мы бы на этом успокоились. Теперь мне что делать? Возвращаться к Папаше и допросы с пытками для всех семи грехов устраивать? А сколько лет у меня на это уйдет?

Хотя поцелуем больше, поцелуем меньше...

Кажется, Шерези, мы наблюдаем с тобой другую крайность. Помнится, было время, когда ты мысленно величала себя в мужском роде и боялась вовсе утратить женское естество. Ты становишься развратницей!

Нисколько! Вот если бы я получала от поцелуев удовольствие...

Караколь зарычал, дернул меня, развернул и прижал к своей груди спиной. Подо мной разверзлась бездна, которой было ровным счетом наплевать на мои жалкие попытки не думать о ней.

Я зажмурилась, затем широко открыла глаза. Как же красиво, святые бубенчики! Как невероятно, нечеловечески красиво!

Розовые громады облаков, подсвеченные солнцем, вихри, мельтешение изумрудных пятен далеко внизу.

И я заорала, но не от ужаса, а от переполнившего меня восторга.

И в этот самый миг, будто понукаемый моим криком, фахан сложил крылья. Мы понеслись вниз.

Маневр Караколя я перенесла стоически, даже не попыталась вознести молитву, тем более что вскорости падение замедлилось.

Мы приземлились на ту самую террасу, с которой я так великолепно и бесславно пыталась бежать. На мраморе ее даже оставались следы моей крови.

– Ну наконец!

Яркая фиолетовая вспышка, запах грозы, дымный вихрь. Появившаяся из этого вихря безумная королева была в красном.

Не лучший выбор цвета. Волосы безумной королевы, короткие, почти как у мужчины, и, видимо, чтоб скрыть недостаток длины и пышности, забранные в золотую, украшенную рубинами сетку, были рыжими. А рыжим, как известно, красный не к лицу.

Когда-то Моник была блондинкой, с фиалковыми ясными глазами, пикантными ямочками на щеках, пухлыми губками и прочими прелестностями. Теперь она Ригель – претендентка на ардерский трон, убийца, заговорщица и моя похитительница. Пухлость ее и ямочки никуда не делись, но в сочетании с волосами смотрелись несколько нелепо. Да и глаза казались слишком светлыми и безжизненными.

– Госпожа! – Караколь опустился на колено.

Я опустила лишь взгляд – на свои ноги в черных шелковых чулках, на бедра, на которых топорщились атласные штанины. Мы с Ригель при желании могли бы изобразить парочку. Мой мужской костюм – того же оттенка, что и ее туалет. Только желания у меня нет никакого.

– Бастиан Цветочек Шерези, – ласково протянула Ригель, приближаясь. – Мой любимый миньон. Отчего же ты не приветствуешь свою королеву?

«Ее величество здесь?» – следовало спросить мне и оглянуться с комическим испугом. А еще неплохо было бы посмотреть на Ригель без страха. Но это мне не удалось. Я боялась, боялась ее до обморока, до слез, которые с трудом сдерживала.

Ригель подошла, опустила руку на голову Караколя:

– Какая досада, что мой миньон перестал быть красавчиком. Уродец Шерези. Где ты нашел это существо, милый?

Пальцы сжались, потянув фахана за волосы, поднимая его опущенное лицо.

– Как далеко ей удалось бежать?

– Я забрал ее у цвергов, на авалонских предгорьях, моя госпожа. Это гораздо ниже по течению реки.

– Нам следует поблагодарить достойных карликов за то, что сохранили мое имущество. – Ригель оставила в покое фаханову шевелюру, щелкнула пальцами и отсалютовала мне появившимся в ее руке бокалом: – Тебе тоже следует быть благодарным, уродец.

Я с тоской посмотрела вниз на реку.

– О чем она думает? – резко спросила Ригель.

– О том, что неплохо бы броситься с балюстрады, – ответил Караколь.

– Она знает о том, что без меча ей не выбраться обратно в человеческий мир?

Меня настигло озарение. Волосы Ригель – короткие, нисколько не отросшие за прошедшие два года. Значит, все это время она находилась здесь, на (или «в»?) Авалоне. И замок Вальденса Блур находился здесь же? С ней? С нами? Она – в нем, в замке, замок – в Авалоне. И меч... Меч мне вспомнился только один – клинок Арктура, которым так лихо орудовал Караколь в подземельях дворца. А еще фиолетовые вихри, и этот бокал, появившийся в руке Ригель будто по волшебству. Будто? Именно что по волшебству.

Что еще она теперь умеет? Может заставить меня делать что-то против моей воли? Напустить на Ардере моровое поветрие? Нарисовать на всех подданных Авроры красные звезды?

– Теперь знает, – Караколь со вздохом прервал мои размышления. – Что прикажете с ней делать, моя госпожа?

Ригель хихикнула, подошла к перилам балюстрады и, перегнувшись через них, швырнула в пропасть опустевший бокал.

– Что делать? Что делать?! Ума не приложу, что нам делать с этим бесполым уродцем! Недомальчик-недодевочка, и в обеих ипостасях – чудовище!

Я смотрела на Ригель, почти не осознавая, о чем она говорит.

Если бы ее колдовство распространялось на человеческий мир, не сидела бы она здесь с этой нелепой прической... Значит...

Тут я дернулась от щекотки – моего колена коснулся кончик фаханова крыла.

Черного, как и мои чулки. Черное сочетается с черным, даже если ткани не совпадают текстурно. К примеру, сукно неплохо смотрится с атласными вставками того же оттенка. А еще можно поиграть со светом, если по черному атласу вышить черным же шелком...

Крыло расслабленно опустилось на пол.

Черное на белом... Хорошее сочетание.

Уже потом, выгребая из остывшего камина золу и полируя решетку, я позволила себе думать о чем-то, кроме цветов и тканей.

А сейчас мысли мои следовали за глазами: я осудила рыжих дам, выбирающих алые туалеты, порадовалась тому, что мой костюм мне скорее всего к лицу, ибо я брюнетка либо брюнет, в зависимости от ипостаси.

Коленопреклоненный Караколь фыркнул, сдерживая смехок.

– Почему она ничего не говорит, милый? – визгливо спросила Ригель. – Раньше Цветочек Шерези болтал без умолку.

– Я лишил ее голоса, моя госпожа, – ответил фахан.

– Бедный немой урод! – Безумная королева подошла ко мне, потянулась к волосам.

Я отступила, пытаясь что-то сказать и со страхом осознавая невозможность произнести хотя бы слово.

Он действительно лишил меня голоса? Ну да, ведь раб не может лгать госпоже. Он говорит ей только правду, ничего, кроме правды.

– Она знала? – Ригель обернулась к Караколю.

– Нет, и теперь в ужасе.

– А о чем она думала до этого?

– О том, что ей к лицу красный, в отличие от вас, моя госпожа...

Фахан отвечал неохотно, будто с усилием.

– Мерзавка!

Голова дернулась от пощечины, уклониться я не успела. Потом Ригель щелкнула пальцами, воздух вокруг меня сгустился туманом, рой фиолетовых искорок опустился на плечи, и, как будто от настоящих искр, ткань кафтана стала тлеть, меняя цвет. Когда туман развеялся, костюм мой превратился в холщовое рубище – широкие штаны и рубаху длиной до колен. При этом цвергов футляр остался при мне, под одеждой, так что пришлось придерживать его локтем, чтоб не вывалился на пол.

– Отправь ее к слугам, милый, – велела Ригель, с удовольствием осмотрев меня всю – от кончиков пальцев босых теперь ног до макушки. – На кухню, для самой черной работы. И если она снова попытается бежать – убей. Хотя куда она теперь убежит? Немая жалкая уродина...

– Как прикажет моя госпожа.

Караколь стал медленно подниматься с колен.

– Пояс! – вдруг взвизгнула Ригель. – Пусть отдаст мне пояс! Нужда в маскарade отпала, страшный миньон не нужен никому, мне-то уж точно! Ну же, милый, забери пояс. Я не могу прикоснуться руками к этому грязному ничтожному существу.

А пощечину она мне что, ногой отвесила? Руками она не может! Не дамся! Ни ей, ни этому фахану мокрому. Мало того что у меня отняли голос, теперь хотят лишить ценного артефакта? У меня, между прочим, бубенчики к нему есть в комплекте! Не позволю себя мужского естества лишить!

Фахан со мной и моим достоинством не церемонился. Его нетопырь крылья резко расправились, накрыв нас будто шатром, твердым и тесным.

- Можешь пока подумать о поцелуях, - сказал Караколь шепотом, в полутьме блеснули его красные глаза, а руки скользнули под мою рубаху, я даже чуть хихикнула от щекотки и придержала локтем футляр. - Не дергайся, болтушка. Дурацкая застежка...

Дурацкая застежка щелкнула, рубаха сразу стала тесной в груди. Прежде чем сложить крылья, Караколь целомудренно подтянул ворот моего рубища повыше.

Затем, развернувшись, с поклоном передал пояс своей госпоже.

- А теперь... - Ригель схватила артефакт, звеня серебряными звеньями.

Я подумала, что на талии ей его не застегнуть, она, видимо, решила так же, поэтому намотала его на запястье, как браслет.

- Пошла прочь, Уродина!

Заглавную букву в своем новом прозвище я расслышала очень хорошо.

«Подумаешь...» - мысленно пожала я плечами и переступила с ноги на ногу, ощущая непреодолимое желание «пойти прочь» в сторону ближайшего замкового клозета. Моему молодому организму были безразличны творящиеся вокруг этого организма безобразия. Ему требовалось несколько минут уединения. Причем срочно.

Караколь, святой, в сущности, фахан, моим желаниям препятствовать не стал. Он грозно рыкнул нечто неразборчивое, видимо, сдерживая смех, растопырил крылья, как бойцовский петушок, и погнал меня в сторону внутренней лестницы.

- И не возись с ней долго! - не унималась Ригель. - Ты нужен мне здесь! До заката я хочу освоить еще несколько фокусов!

- Как прикажет моя госпожа.

Для вежливого ответа повелительнице фахану пришлось остановиться, развернуться, исполнить трехактный поклон... Тысяча мокрых караколей! Да они надо мной издеваются!

Плюнув, разумеется, мысленно, я припустила вниз по лестнице.

Караколь нагнал меня минут через десять, я услышала шелест его крыльев и звук шагов за дверью, отделяющую эркер, вынесенный надо рвом, от коридора.

«Верни мой голос!» - отчетливо подумала я.

Каморка была крошечной, колени упирались в дощатую дверь, а затылок холодила тесаный камень.

- Нет!

Десяти минут моему организму хватило с избытком, поэтому в данный момент я вертела в руках цвергов футляр. Видимо, он мне теперь не пригодится. Бесплезное приобретение. Может, выбросить его к фаханам? В смысле не к фаханам, а просто выбросить? Ну вот хотя бы в дырку в полу. Чтоб никому больше не достался. А то кто эту Ригель знает? Может, она и мои новые бубенчики захочет? Пумес-то мой тью-тью, развеялся противоестественным колдовским образом вместе с красным камзолом. Тогда почему не развеялся футляр? Потому что его делали цверги! Папаша мне говорил, что его волшебство сильнее того, которым обладают феи. Судя по тому, что Ригель приняла мой шрам за настоящий, так оно и есть.

- Выходи!

«Не выйду!»

Я изогнулась, прижавшись боком к стене, и посмотрела вниз.

Если пояс она использует в качестве браслета, даже страшно представить, что она сделает с бубенцами. Кстати, о бубенцах...

- Басти! - в голосе фахана слышалось страдание. - Ты ставишь меня в неловкую ситуацию...

«Значит, ты не собираешься возвращать мой голос?»

Он промолчал.

«Спрошу иначе. Ты можешь мне его вернуть?»

- Это несложно, - осторожно проговорил Караколь, - но...

«Но не хочешь?» - мне удалось придать мысли обвиняющий оттенок.

- Как будто здесь хоть что-то зависит от моего желания...

Вот ведь незадача. Я ощутила нечто вроде сочувствия. Он же пытается тебе помочь, глупая ты девчонка, по-своему, конечно, по-фаханьи. Если бы ты при голосе была, вообрази, каких дерзостей наговорила бы сейчас безумной королеве, а потом вообрази, как бы она тебя за эту дерзость наказала. Караколь вполне изящно вывел тебя из-под удара непокалеченной и живой.

Но он не отвечает на мои вопросы!

Значит, не может!

Или не хочет?

А может, ты просто не умеешь задать правильных вопросов? Вспомни, как ты беседовала с фатой Илореттой, феей, дарующей имена. Вспомни, какое значение она придавала формулировкам.

«Почему бы тебе меня не отрешить? - подумала я. - Зачем ты уговариваешь меня выйти, если можешь заставить?»

- Не могу, болтушка, теперь не могу...

Я удивилась, что его ответ на этот раз не был односложным.

- Те фокусы, которыми обучается моя госпожа...

«Она отбирает их у тебя?»

Я распахнула дверь и требовательно уставилась в красные глаза фахана.

«То есть рано или поздно она научится отбирать голос самостоятельно?»

- Это мелкое колдовство, и вряд ли моя госпожа захочет...

«Где мой голос? - Предполагать, чего захочет или не захочет безумная королева Моник, нет желания. - Ты ведь должен был заключить его в какой-нибудь артефакт? Правда? Это было бы логично...»

Караколь потупился. Так как возвышался он надо мною туза на полтора, это движение выглядело скорее угрожающе.

- Я поместил его...

И еще до того как фахан закончил фразу, я знала ответ.

Он! Болван! Поместил его в пояс! Потому что это был ближайший к его болванству артефакт фей!

Ненавижу!

Спящий! Как же я в этот момент ненавидела Караколя!

Мне плевать на шрам на щеке, потому что не в красоте смысл моей жизни! Почти плевать на плен, потому что из любого плена можно бежать! Плевать даже на прошедшие в моем мире два года! Но, как оказалось, плевать на все это проще было по отдельности. Когда несчастья накопились, моя внезапная немота стала последней каплей, той самой мифологической, переполнившей чашу терпения.

В груди все горело, как от кинжальной раны, злость рвалась наружу.

- Прости... - растерянно бормотал фахан, - в тот миг это действие мне показалось крайне удачным... Я не мог использовать для колдовства твой шрам или таинственный артефакт, который ты прячешь от меня под одеждой. Цвергово колдовство не совпадает в колебаниях...

«Заткнись! - раздраженно подумала я. - Твоя красная корова ждет твоего возвращения. Так что исполни, что тебе велели, и оставь меня в покое!»

- Но...

«Мы теряем время! Сколько лет нормальной жизни отнимает у меня наше препирательство у клозета? Месяц?»

- А сколько мы препирались?

Караколь повел взглядом по сторонам, будто высматривая часы.

- Для меня время не играет важной роли, в отличие от вас, человек.

«Семь минут?»

Мы уже шли по коридору, я - в полушаге позади, потому что дороги не знала. Фахан сложил свои крылья очень плотно, настолько, что опять почти превратился в обычного горбуна. И шел он неспешно, подстраиваясь под длину моего шага, поэтому шаркал и покачивался.

«Ответь! Как высчитывается соотношение времени моего мира и Авалона? Если я буду знать формулу...»

- Тебе нужно именно соотношение с Авалоном?

Я остановилась.

«Здесь время течет по-другому? То есть по-третьему? И не смей отвечать вопросом на вопрос! Ты мне должен! За то, что сделал со мною, ты должен мне, Караколь!»

- Какая горячность! - пробормотал фахан и, придерживав мой локоть, повел меня дальше. - Я отвечу. Конечно, отвечу, в этом нет ничего тайного. Ты уже знаешь, что время является самым важным компонентом для колдовства фей?

Я кивнула, потому что узнала об этом от цвергов. Потому феям и нужны наши волосы, что человеческие волосы являются овеществлением течения времени. Кстати, может, поэтому Моник и щеголяет короткой стрижкой? Может быть, она использует свои волосы, чтоб исполнять «фокусы», отобранные у Караколя?

- Моя госпожа теперь не нуждается в волосах, - ответил фахан моим мыслям. - Высокое волшебство работает напрямую со временем, ему овеществления не нужно.

«Поясни!»

- Ну, скажем, чтоб наколдовать девице волшебный пояс, который от полнолуния до полнолуния делает ее мужчиной, мне понадобилось бы около полугода.

Я опять замедлила шаг.

«Чьего полугода? Твоего или той самой воображаемой девицы?»

– Время, болтушка, не принадлежит ни тебе, ни мне, ни той самой девице, оно принадлежит некоему... – он еще плотнее взял меня под руку, – пространству? Или некоему пространственному пузырю, который возможно отделить одновременно от нескольких миров? Я, правда, не знаю, как тебе это объяснить...

«Подожди! – Я выдернула свой локоть. – Если для колдовства нужно «некое» время, почему феи Ардеры требуют в уплату наши волосы? Не проще было бы отбирать... Ну, не знаю... Годы жизни?»

Он пожал плечами:

– Хочешь ответ на этот вопрос или на самый первый? Кстати, болтушка. Мы пришли. Это твое рабочее место, так что поторопись.

Я поняла, что развернутого ответа не дождусь, поэтому мысленно воскликнула:

«Первый! Сколько прошло там?»

– Столько же, сколько и здесь! – Мокрый фахан даже хихикнул, видимо, решив, что ловко заболтал меня по дороге. – А если госпожа будет сегодня еще колдовать, ты сможешь даже выиграть несколько часов.

Я его не поблагодарила. Вот еще! Я подняла подбородок повыше и переступила через гранитный брус, отмечающий порог кухни.

Кухня была многолюдна, я даже удивилась, что гомон от собравшихся там людей не доносится в коридоры, потом удивилась, что работы ведутся в полном молчании, что перечеркнуло мое первое удивление, и совсем уж изумилась, когда все присутствующие при нашем появлении рухнули на колени перед Караколем.

Девица, что прислуживала в трактире блистательным лордам, была хороша до чрезвычайности. Волосы ее, чернее ночи, в отблесках каминного пламени казались багровыми, глаза блестели весельем, а пухлые губки... Впрочем, все хорошенькие подавальщицы чем-то схожи, и блистательные лорды повидали их за время путешествия немало. Добрый трактирщик понимает, что его прибыль зависит от пригожести работающей на него девы, а тот, что не понял, давно разорился и трактир держать перестал.

Кормили в заведении неплохо – без изысков, но с той провинциальной добротностью, которую могут обеспечить лесистые предгорья, полные дичи, и река, неглубокая, с ледяной прозрачной водой и быстрым течением, в которой водится серебристая форель. На гарнир путешественникам предлагали либо разваренную до пюреобразного состояния чечевицу, щедро политую луковой зажаркой, либо отсутствие гарнира. Блистательные лорды предпочли второй вариант, попросив побольше хлеба и эля, так как с напитками в трактире дела обстояли примерно так же, как и с гарнирами: эль или ничего.

Лорд ван Харт, впрочем, и в этом вопросе выбрал «ничего», лично спустившись к реке с пустым кувшином, чтоб набрать воды.

– Ваш друг болен, любезный лорд? – спросила девица Оливера Виклунда, который ожидал обеда, разложив на столе две карты и сверяя их.

– Что? – Оливер посмотрел в блестящие очи, широко улыбнулся и ущипнул красавицу за тугую щечку: – Не волнуйся, милая, наш друг здоров. Как тебя зовут?

– Смалá, милорд. – Девушка премило потупилась. – Я дочь трактирщика, он встречал драгоценных лордов и сейчас хлопочет на кухне.

– Твоего достойного отца зовут Силá, мы успели с ним познакомиться.

Девушка, продолжая разыгрывать скромницу, бросила исподтишка взгляд на Виклунда. Интересоваться тем, как зовут простых людей, не было в обычае аристократов. А в том, что их заведение посетили именно аристократы, Смала была уверена.

Тот, что сидел сейчас перед ней, явно был воином не из последних. Его огромный, лежащий на краю стола меч, несмотря на простые кожаные ножны, мог даже носить имя, как живое существо. Второго, с каштановыми волосами и карими глазами, перебирающего сейчас струны мандолины у раскрытого окна, Смала посчитала бардом или менестрелем. Великан звал его Станисласом. Третий обладал внешностью сказочного принца, кудри – золото, очи – изумруд, а от улыбки в животе любой особы женского пола начинали роиться бабочки. Девушка ощутила это на себе, когда бросила в его сторону быстрый взгляд.

Гости пришлись ей по душе. Все трое. Даже менестрель, невзирая на нелепые стеклышки, которые он нацепил на нос, был приятен лицом, соразмерно сложен и обходителен. Между собой молодые люди ладили и были если не друзьями, то, несомненно, хорошими приятелями. Они громко хохотали, обменивались шутками и необидными колкостями.

– Любезный лорд Уолес, – говорил Оливер сказочному принцу, – не могли бы вы пересечь с подоконника? Ваше великолепное тело загораживает мне свет лорда нашего Солнца и мешает сосредоточиться.

– Зависть – грех, любезный лорд Виклунд, – отвечал красавец, отбрасывая за спину золото кудрей. – А не мешает ли вашей сосредоточенности сотая баллада лорда Доре?

– Сотая за сегодня? – уточнял Виклунд. – Как раз сотая, кажется, была недурна. А эта вот... Сто тридцать четвертая? Лорд Доре, смерть ушам моим, сегодня вы неуправляемы в сочинительстве! Неужели местная природа настолько вдохновила вас? Или та славная крошечка, которую вы очаровали третьего дня, влила в вас свежих сил вместе с поцелуями?

И Станислас лорд Доре отнекивался, хохотал, бил по струнам и глубоким баритоном исполнял скабрезную ритмичную песенку об обоих своих хулителях, успевая подмигнуть стоящей в сторонке девушке.

«Мощь, искусство, красота, – думала Смала. – Просиди я тут сто лет, не смогла бы...»

Великан ущипнул ее за другую щечку, чем несколько сбил с мысли.

– Простите, милорд, – девушка зарделась, – не могли бы вы повторить?

– Ваши работники смогут хорошо позаботиться о наших лошадях? Я велел какому-то парню на конюшне не снимать с них попон и не поить водой из реки, но, кажется, бедняга не особо крепок умом.

– Я могу проведать наших скакунов, – предложил менестрель.

– И измучить их песнопениями? – Красавец Уолес молитвенно сложил руки перед грудью: – Пощади несчастных животных! Лучше пойду я.

– Не извольте беспокоиться, милорды, – затараторила Смала. – Парни у нас здесь не шибко сообразительные, зато старательные. А уж о том, что ледяную речную воду прежде нужно согреть, оставив в ведре на солнышке, знает даже последний деревенский дурачок.

– А далеко ли до деревни? – Оливер разгладил ладонями карту. – Два-три лье? Она вот тут?

Смала даже не посмотрела, куда указывает кончик его пальца, в картах она не понимала ровным счетом ничего, – просто пожала плечами и радостно проговорила:

– Обед почти готов! Прикажете поискать на берегу вашего четвертого друга, лорда Гэбриела, чтоб пригласить за стол?

Вот этот четвертый девушке не нравился совсем. Ну, то есть поначалу наоборот – именно он привлек ее внимание. Не такой высокий, как Оливер, но все же рослый и стройный, с широкими плечами и, в отличие от Виклунда, изящный. Не хорошенький, как Патрик, а красивый зрелой мужской красотой. И не было в нем легкой дурашливости менестреля, лишь угадывалась скрытая страстность, тоже очень мужская. А еще шрам! Ну какая

барышня устоит перед загадочностью кавалера, чью гладкую кожу украшают следы прошедших битв? А взгляд серых глаз, обрамленных темными ресницами, обманчиво равнодушный? А не улыбочивый рот, который так хочется тронуть своими губами?

Когда Гэбриел ван Харт спрыгнул со своей лошади в их дворе, сердечко Смалы забилося с утроенной силой. Она так пыталась быть полезной загадочному дворянину! Она нашла для него самый лучший, самый чистый кувшин. Она вызвалась проводить его к берегу, чтоб показать самый удобный спуск к воде... А когда смотрящий куда угодно, только не нее, кавалер отказался от провожатой, расстроилась.

- Не грусти, милая, - шепнул ей тогда менестрель. - Просто существуют крепости, осада которых бесполезна.

И Смала на время смирилась. У нее есть еще трое. Воин, красавчик и музыкант. И, в отличие от своего неприветливого спутника, эти трое девичьим чарам поддавались в полной мере. За то время, что гости провели в трактире, девушка успела множество раз улыбнуться Патрику, удостоиться внимания лорда Оливера, слегка грубоватого, но милого. А лорд Доре даже сочинил небольшую песнь, в которой воспевались черные кудри и алые губы юной пейзажки.

Но все же неплохо получить и четвертого. Если ее отправят на поиски к реке...

- Оставь, милая, - сказал ей Виклунд. - Лорд ван Харт присоединиться к нам, когда сочтет нужным.

- После заката, - растягивая звуки, пропел Станислас, - лорда нашего Солнца.

- Я потороплю брата, - Смала постаралась не выказать своего разочарования. - Благородные лорды проголодались с дороги.

Она обвела взглядом кувшины с элем и бокалы, которые уже успела расставить на столе, присела в поклоне и пошла на кухню.

- Волшебница! - провожая ее взглядом, воскликнул Патрик.

- Ну да, - шепотом вторил ему Виклунд, когда Смала скрылась за дверью кухни. - Четверть часа, и батюшка-трактирщик превращается в брата. Ву-а-ля! Фокус!

- Ты уверен, что рядом нет никакого жилья? - Дурашливый менестрель, как ни странно, умел говорить и без музыкального сопровождения.

Оливер кивнул на разложенные карты:

- Излучина реки, брод, тракт остался в четырех лье к северу...

- Ты поговорил с работниками?

- Поговорил? - Патрик перегнулся через столешницу и принялся, высоко подняв кувшин, разливать эль по бокалам. - Нелегко разговаривать с немыми, дружище.

- Какое красивое журчание! - Виклунд быстро свернул трубочкой обе свои карты и спрятал их в карман. - Я бы с удовольствием посетил лошадиный водопад.

- Или нашел солнцепоклонника ван Харта! - поддержал друга Станислас. - Солнцепоклонника и водолюба!

- Мы же не можем оставить любезного Гэбриела без обеда? - возопил Патрик.

- Он же голоден!

- Как дворянин и друг я должен!.. Нет, я обязан!..

Каждая следующая фраза была громче предыдущей. Виклунд схватил со стола меч:

- Любезный ван Харт! Присоединитесь к нам за трапезой!

- Куда же вы, благородные лорды? - Девушка спускалась по лестнице, нагруженная

подносом, за ней топал то ли отец, то ли брат с бочонком эля на плече.

Благородные лорды не ответили – они, будто нашкодившие мальчишки, уже выбегали во двор.

Глава 3

Уродина и горбун

Болезнь настигла ее величество внезапно. Еще вчера моложавая и прелестная Аврора открывала осенний бал, а сегодня, тенью себя прежней, без сил лежала в постели.

- Мое время приходит, милый, - жаловалась она Мармадюку. - Как некстати оно приходит...

Фрейлины едва справлялись со страхом, лорд-шут отсутствовал, уже третью неделю его не было в столице. Слова ее величества были обращены в пустоту.

- А знаешь, что я ему скажу? - шептала она. - Я спрошу, стоила ли Ардера моих страданий...

От негромкого, как шорох, королевского смеха по спинам верных фрейлин бежали мурашки.

- И мы с тобой, милый, знаем, что именно он мне ответит. Он ответит: «Да!» Он скажет: «Да, девочка, Ардера - превыше всего...»

Медикусы разводили руками и изобретали вычурные названия для королевского недуга, более они ничего не могли.

Королевский совет, на котором председательствовал лорд ван Харт, заседал ночь напролет. Канцлер за последнее время сдал и почти отошел от дел, но в лихую годину нашел в себе силы провести заседание.

- Что будет, когда известие о болезни ее величества достигнет Домании? - вопрошали, заламывая руки, царедворцы.

- Ровным счетом ничего, - отвечал старик. - Пограничные гарнизоны готовы к отражению любых атак.

- Куда отправился лорд Мармадюк? Почему его нет, когда он так нужен здесь?

- Спокойствие, драгоценные лорды! Вообразите, как будут потешаться доманцы, когда узнают, что отсутствие шута парализовало работу королевского совета.

Драгоценные лорды продолжали шуметь и заламывать руки:

- Мы поднимем войска! Мы разорвем вассальные договоры!

Адэр ван Харт лорд Дювали смотрел на них с презрением. Все равно чувство это на его испещренном морщинами лице не читалось. В прошедшем году канцлер перенес приступ, от которого правая половина его тела полностью утратила подвижность. Со старостью приходит мудрость, и лорд Адэр мудро рассудил, что частичный паралич дает ему некие преимущества. Например, возможность не скрывать презрения. Болваны! Сборище недоумков! Неужели никто из них не понял, что власти у них больше нет? Неужели дали себя обмануть? И кому! Клоуну в бубенцах и бабе!

Называть Аврору бабой, даже в мыслях, было неожиданно приятно. И Адэр продлил удовольствие, назвав ее еще с десятком словечек. Потом вернулся к болванам.

Войска! Ни у одного из них нет собственной армии! Уж тиририйский пройдоха Виклунд об этом позаботился. Королевские смотры и парады, укрепление границ, строительство Скасгардийского тракта, для которого отбирался каждый третий взрослый мужчина. Кем эти болваны собрались командовать?

Вассальные договоры? Полноте, дурачье. Это не договоры, а клятвы. Ваши фамильные кристаллы отзываются на прикосновение вашей королевы не просто так. Не потому, что кто-то из ваших предков что-то там подписал. Это магия, тупицы! Магические клятвы, которые никому не разорвать. И вы об этом знаете, но предпочли забыть, чтоб не отказать себе в удовольствии покричать и повозмущаться.

Кстати, о клятвах... Адэр ван Харт пожевал губами, то есть той половиной рта, которая сохранила подвижность.

Секретарь наклонился к канцлеру с салфеткой, вытирая с его подбородка влажную дорожку слюны.

- Канцлер ван Хорн просит вас о встрече, мой лорд. Он прибыл тайно и ждет в ваших покоях.

Секретарь звался ван Диормодом, был дювалийцем, а значит, подчинялся сначала своему лорду, а уж потом - ее величеству королеве Ардерской, храни ее Спящий.

Ван Харт подумал, дыша полуоткрытым ртом. Зятя своего он не видел с того дня, как опальный второй канцлер отправился с дипломатической миссией к доманскому двору. Неужели слухи уже достигли сопредельного государства?

Адэр картинно всхлипнул, захрипел, подергал рукой и ногой.

- Сиятельные лорды, - ван Диормод был на редкость талантливым юношей, по крайней мере, значение пантомимы канцлера ему удалось расшифровать без труда, - прошу прощения, но лорду ван Харту срочно требуется отдых. Перерыв заседания королевского совета, сиятельные лорды!

И секретарь вывез кресло канцлера ван Харта из зала совета. Кресло, спроектированное Патриком лордом Уолесом, было маневренным и легким. При желании Адэр мог управлять им и одной рукой, но с Диормодом, толкающим его вперед, было гораздо удобнее и быстрее.

- Молодец, - похвалил ван Харт секретаря. - Не отменить совет, а прерваться на некоторое время. Пусть ждут, сидят и придумывают всякие ужасы.

- Милорд не планирует туда возвращаться сегодня?

- Посмотрим, что предложит нам лорд ван Хорн. И, кстати, если я вернусь сегодня в совет, напомни мне внести предложение лишить его канцлерства. Я затынул с этим вопросом просто до неприличия.

- Вам было не до того, милорд, - утешил господина талантливый юноша. - Лорд ван Хорн тихонько сидел в Домании, пока вы здесь решали государственные вопросы.

Адэр поморщился:

- Лесть - штука полезная, но лишь в умелых руках. Последнее, что мне от тебя сейчас нужно...

Секретарь понял, что увлекся, и рассыпался в цветастых извинениях.

- Гэбриел! Дорогой зять! Как я рад! Сколько же лет прошло? - воскликнул ван Харт, когда уже взмокший от усилий ван Диормод дотолкал его кресло до гостиной.

Канцлер ван Хорн пружинно поднялся:

- Адэр! Дорогой шурин! Судя по тому, как ты сейчас выглядишь, - столетия.

И после, поклонившись и сложив руки перед грудью, негромко добавил:

- Как я рад.

Моя маменька, графиня Шерези, любила напоминать мне, дитяtku неразумному, что жизнь человеческая есть равновесие, и за взлетом почти всегда следует падение, высоту взлета уравновешивающее, и что если уж вознесся - не гневи Спящего, не гордись. Если предположить, что эта жизненная сентенция имеет и обратное действие, в теперешнем своем бедственном положении мне следовало избегать греха, противоположного гордыне, - греха уныния. Ведь, в сущности, я оказалась сейчас там же, откуда начинала. То есть в запущенном замке. И занималась делом, с детства привычным, - черной работой. Надеюсь, когда я вознесусь к вершинам в следующий раз, то обстоятельство, что в Блур не было ни милой родительницы, ни чудесной моей Магды, ни подруг и

поклонников, мне зачтется.

«Тишайший замок Блюр, – думала я, волоча по коридору корыто с помоями. – Чтоб тебе провалиться вместе со всеми своими обитателями!»

Хотя нет, неправда. Один поклонник у меня здесь есть.

Когда кухонная челядь рухнула на колени перед Караколем, я сперва растрогалась, даже всхлипнула про себя: «Бедняжки! Вас тоже лишил голосов поганый фахан!»

Пока я сентиментальничала, Караколь обвел склоненные фигуры взглядом, медленным и тяжелым, как... что-нибудь тяжелое и медленное, дождался, пока одна из женщин поднимет к нему лицо. Затем, повернувшись ко мне, проговорил:

– Это – главная кухарка, ты будешь исполнять ее указания.

Я посмотрела на главную кухарку. Бурое платье из странной поблескивающей ткани, волосы скрыты под плотным чепцом, лицо – длинное и очень костистое, такой же длинный нос, а под ним (святые бубенчики!) жесткая щеточка усов.

«Как зовут мою начальницу?»

– Это не важно, – ответил мне Караколь, – ты все равно не сможешь ее позвать.

«Как и она меня. Каким же образом она будет отдавать мне указания?»

Он повернулся к кухарке. Глазки у нее были маленькие и очень темные; когда они забегали, перемещая взгляд с меня на фахана, я поежилась.

– Она уверена, что ты ее поймешь.

«Буду звать ее Усындра», – решила я.

Погодите! Караколь не произнес ни слова, значит, кухарка читает его мысли? И мои тоже может?

Караколь развернулся, взмахнул крыльями и на мгновение накрыл меня ими.

– Твои могу читать только я, болтушка, – шепнул он мне на ухо. – Встретимся после заката.

Он ушел. А я подумала: «Тысяча мокрых фаханов! Кажется, у меня появился поклонник».

Усындра действительно не понимала, о чем я думаю, никто из них не понимал. А что до указаний... Когда тебе показывают на ведро и суют под нос тряпку, сложно сомневаться, чего именно в этот момент от тебя хотят.

Как только фахан удалился, все молча поднялись с колен и вернулись к работе. Молча! Усындра ухватила меня за руку, пальцы у нее были длинные и сухие, и потащила в глубь кухни. Я упиралась босыми пятками в пол, но скоро поняла, что кухарка гораздо сильнее. Ведро, тряпка, заваленный очистками стол в углу... Меня толкнули к нему.

«Ну что ж, Басти, ты можешь сейчас устроить грандиозный безмолвный скандал, даже с битьем посуды, но...»

Тут начальница моя ощерилась, показав торчащие желтые зубы.

«...но ничего этого не сделаешь, потому что эти крысы сожрут тебя с потрохами».

На кухне были крысы. Нет. Не так. На кухне работали крысы. Которым колдовством придали некое сходство с людьми. И бурые их платья, которые поначалу казались мне униформой, были шкурами, и чепцы их были вовсе не чепцами, и...

Крыс я не боялась. Я, кажется, уже ничего не боялась.

Прибрать загаженный стол было делом плевым, я могла бы справиться с этим с

закрытыми глазами минут за пять, но провозилась больше часа. Я тянула время, присматриваясь и прислушиваясь. Прислушиваться было не к чему. Общались работники мысленно, только время от времени кто-то из них негромко и мелодично посвистывал, призывая Усындру. Я догадалась, что это призыв, потому как главная кухарка сразу же мчалась на свист. Крысы, и она у них главная.

Интересно, кто это придумал? Безумная Ригель или Караколь? Накал безумия позволял предположить, что королева.

Становилось жарко. На плите в огромном котле кипело какое-то варево, которое я даже в бреду не назвала бы супом.

Отвернувшись, я зубами оторвала от тряпки полосу ткани и подвязала ее на пояс футляр с бубенцами. Карманов в рубище, разумеется, не было, а оставлять артефакт мне не хотелось.

Через час я потащилась выливать помойное ведро. Одну меня Усындра не отпустила, кивнув молоденькой вертлявой крыске, чья шкурка была чуть светлее и блестела ярче, чем у ее товарок. Я решила, что назову ее Ярка.

Потом было еще одно ведро, потом я уже сбилась со счета. Ярка каждый раз сопровождала меня. Она не была злобной, всегда помогала на ступеньках или надо рвом, когда ведро требовалось поднять повыше. Все прочее время она улыбалась своим мыслям или удивленно рассматривала собственные руки. Мне показалось, что эта получеловеческая форма ей внове и немало ее забавляет.

Через несколько часов на кухню явилась вереница нарядных пажей, пригожих мальчиков в неярких рябых камзолах. Сопровождала их дама в коричневом платье, по вороту и рукавам отделанном бирюзовым кантом. Сочетание цветов было странным, поэтому я смотрела на даму во все глаза. Она не крыса. Но какие, однако, знакомые цвета...

Дама отдала приказ пажам резким «дче-э-дче-э» и дребезжащим «пиррь».

«Это птицы, – поняла я. – Фрейлина – кареза, в наших краях ее еще называют сойкой, а мальчишки...»

Пажи как раз устраивали на подносы супницы с тарелками, один из них огибал стол. Я посмотрела на его ноги. Он не шел, а как будто подрыгивал.

«...а мальчишки – воробьи, именно они не могут шагать».

Ну хорошо, на кухне – крысы, в столовой – птицы. А люди-то где? С нами в Блюр прибыл отряд Вальденса и сам Вальденс. Куда их определили?

Вечером я была без сил. До такого состояния меня не доводили даже самые изматывающие тренировки в бытность мою претендентом на звание миньона. У меня болели руки, ноги, голова, да даже волосы на моей голове болели!

Спать полагалось в общей комнате на дощатых скамейках. Я забилась в уголок, Ярка села у меня в ногах.

«Подведем итоги дня, Шерези. – Я зевнула и прикрыла глаза. – Ты провела его впустую, ни на шаг не продвинувшись к своему освобождению...»

– Устала?

Я открыла глаза. В ногах у меня сидел Караколь, Ярка стояла на коленях, опустив голову. Остальные крысы тоже были на коленях, занимая все свободное пространство пола.

«Что вы, милорд! – Надеюсь, сарказм передается и в мыслях. – Полна сил и готова к услугам. Чего желает наш повелитель? Прикажет почистить ваш нужник? Или...»

Фахан смотрел на меня и улыбался. Маменька моя, достойнейшая графиня Шерези, всегда говорила, что улыбка делает красивым самого уродливого человека. Караколь эту

сентенцию подтверждал, хотя человеком не был.

- Идем, болтушка, - сказал он, а когда я пошатнулась, спустившись с лежанки, подхватил на руки.

«Твоя безумная корова тебя накажет», - устало подумала я, устраиваясь поудобнее.

Ну, несет и несет, подумаешь. Я так устала, что ни о каком сопротивлении речи не шло. Если бы он сейчас начал меня жрать, я бы даже не пошевелилась, разве что - чтобы цапнуть его в ответ. Потому что есть хотелось даже больше, чем спать, даже больше, чем помыться! Крысы обедали остатками супа из общего котла, я от этого жуткого варева тогда отказалась. Зря. Сейчас я съела бы и его, и даже Усындру, если бы она упала в этот котел.

- Все будет, болтушка, - вполголоса пообещал Караколь. - И ужин, и ванна...

Он шел очень быстро, я слышала стук его сердца и шуршание крыльев. Темнота, стук, шорох, мерные покачивания... Я задремала, поэтому, когда Караколь опустил меня на пол в своем логове, долго моргала и терла глаза.

- Тебе помочь раздеться?

«Если после обещанной ванны ты рассчитываешь на «тру-ля-ля», тебе придется разочароваться».

- Тру-ля-ля?

Я осмотрелась. Логово представляло собой большую комнату, ярко освещенную и довольно уютную. Окна не было, вместо него на стене висела картина. С таким видом живописи я знакома не была. На полотне змеились линии нескольких оттенков серого, от угольного до серебристого, они не имели четких границ, находили друг на друга, создавая тем самым забавный эффект мельтешения. Напротив картины стояло глубокое кресло. Между высокой спинкой и подлокотниками оставалось свободное пространство, видимо, для крыльев.

- Ты не ответила.

«Потому что кто-то отобрал мой голос! - огрызнулась я. - Что за вопрос?»

- Что такое «тру-ля-ля»?

«То, что тебе не светит!»

Моя наглость возматала относительно моему отчаянию.

В комнате был так же стол, сервированный на две персоны, за ширмой виднелся краешек ванны, а кровать виднелась целиком, потому что балдахин ее был гостеприимно раздернут.

Фахан смену моего настроения заметил. Он покачал головой, проследовал через комнату, сел в кресло, опустив крылья в прорези, и устало сказал:

- Госпожа навещала тебя на кухне и осталась довольна твоим унижением.

Да? А я ее не видела. Хотя если Моник-Ригель колдовала, чтоб скрыть свое присутствие, я бы и не смогла.

- Сегодня она больше не придет к тебе, поэтому я посмел...

Я схватила со стола гроздь винограда.

«Это же не яство фей? Ах, плевать! Даже если после этого я пожизненно останусь здесь!»

Виноградина лопнула во рту, даря волшебную сладость.

- Это обычная человеческая еда, - успокоил меня фахан.

Виноград стал еще слаще.

- Оставь свои лохмотья у двери. Утром я верну тебя на кухню. Пока прими ванну и переоденься.

Я переминалась с ноги на ногу.

- Не теряй время, болтушка. Клянусь, что не буду на тебя смотреть.

В подтверждение своих слов он уставился на картину. На мгновение мне показалось, что линии на ней приобрели узнаваемые очертания. Но только на мгновение. Я моргнула, и все исчезло.

Не то чтобы я не доверяла Караколю, но ширму раздвинула на максимально возможную ширину, и прежде чем раздеться, скрывшись за ней, принесла с кровати алый бархатный шлафор. Даже если в прошлой своей жизни этот халат принадлежал одной известной мне любительнице красного, я собиралась его надеть.

Вода в ванной была едва теплой, но я застонала бы от наслаждения, если бы могла стонать. Я терла себя щеткой и обнаруженной на бортике мочалкой, промыла волосы, порадовавшись, что они сейчас короткие и не требуют особого ухода. Затем, выбравшись из ванны, я вытерлась, стоя перед медным зеркалом на туалетном столике.

Волосы обрамляли мое лицо, влажными они едва достигали мочек ушей. Да уж, цирюльника из меня не выйдет. Глаза покраснели от усталости, губы потрескались, нижняя распухла, будто я постоянно ее покусывала. А шрам был отвратителен. От уголка глаза через щеку он спускался к подбородку. Я заплакала, и слезы потекли по шраму, как по руслу реки.

Рыдала я недолго. Потому что смысла в рыданиях не было никакого. Люди иногда теряют больше, чем красота. К тому же красота – самая недолговечная в мире вещь. В любом случае я бы постарела, и...

Шмыгнув носом, я улыбнулась своему отражению.

А графу Шерези этот шрам пойдет. Дамы, сраженные его загадочностью, будут ходить за графом хвостиком.

Святые бубенчики! О чем я думаю? Надеюсь, Караколь не слушает сейчас мои мысли и не будет надо мной потешаться.

Я выглянула за ширму. Фахан не потешался, он безотрывно смотрел на картину, как будто там давали уличное представление или танцевали балет.

Я аккуратно сложила свою грязную одежду, футляр (фаханов футляр! Сколько же с ним неудобств!) поместился в кармашек шлафора.

Пробежавшись по холодному каменному полу до стола, я устроилась за ним в кресле, поджав под себя ноги. Караколь не пошевелился. Я, похвалив про себя как его предусмотрительность, так и ненавязчивость, приступила к трапезе. Лениная, запеченная с артишоками, сыр и два вида паштета, в одном из которых я опознала гусиный, а другой не опознала вовсе. Все было вкусным, даже если принять во внимание мой нечеловеческий голод. Молодое игристое вино, великолепно сочетающееся как с паштетами, так и с сыром.

«Почему он не шевелится? Он что там, уснул?»

Караколь повел плечами, дернул крыльями, поднимаясь из кресла, и присоединился ко мне за столом.

- Миледи, - прежде чем присесть, он поклонился, - красный вам к лицу.

Я хихикнула, пузырьки вина щекотали нёбо.

И мы стали поддерживать светскую беседу. Он неожиданно много знал, например, о балете, и, улыбаясь воспоминаниям, рассказал, как смотрел мою эпохальную постановку

на королевском празднике. Я тогда танцевала партию Спящего, и Караколь с восторгом описывал, какой чистой силой дышал мой танец.

- Это было волшебно. Даже танцы авалонских фей не могут сравниться с тем, что представила ты!

На десерт был виноград, и я ощипала его полностью. Вино во второй бутылки оказалось насыщеннее и крепче. Я его только понюхала, памятуя о способности своей пьянеть с первого же глотка.

Как же мне было хорошо в этот момент! Даже «тру-ля-ля» с Караколем, в котором ему с такой непреклонностью было отказано, перестало казаться чем-то невозможным или (о ужас!) неприятным.

Я - уродина, он тоже не красавец. Из нас двоих получилась бы неплохая парочка. Он добр и внимателен. Он заботится обо мне. Если б не он, Моник-Ригель, эта безумная корова, давно бы уже играла в мяч башкой графа Цветочка Шерези.

Голова закружилась, я была уверена, что не от вина и не от охватившего меня чувства довольной сытости. Уши заложило, как бывает при сильном ветре, и где-то на самом краешке звуков, выше, чем самый высокий визг, я разобрала «приди», исполненное голосом безумной королевы.

Караколь моментально унесся в ночь, послав мне на прощание воздушный поцелуй.

- Госпожа зовет меня, я не могу отказать.

Разочарование мое было неглубоким и крайне недолгим. Пройдя по комнате легкими танцевальными па, я затушила одну за другой все свечи, кроме той, что стояла на туалетном столике за ширмой и давала немного рассеянного света. Затем, исполнив батман, подпрыгнула у самой постели и рухнула на нее, уснув, кажется, еще в полете.

А ночью настало время сюрприза.

Уже потом, когда я смогла дышать и перестала стучать зубами от охватившего ужаса, пришло воспоминание, а с ним и понимание. Крошка-цверг сказал перед расставанием, что ночью бубенцы меня удивят. Они и удивили. Ошеломили. Ошарашили.

Сначала где-то в районе живота что-то закопошилось. Я проснулась, хлопнула себя поверх халата, почувствовала под руками шевеление, заорала, молча и от того еще более жутко, распахнула шлафор, сбивая юркую тварь. Футляр выпутался из ткани, скатился по бедру и раскрылся. Вокруг разнесся мелодичный звон - буквально несколько аккордов, знакомая с детства мелодия.

Я подобрала ноги под себя, вытянула шею, рассматривая содержимое футляра.

Бубенцы? Ну, если понимать это слово буквально... А как цверги, по-твоему, это слово поняли, дура ты деревенская? Вспомни, что именно ты просила? Графские бубенцы! Нет, волшебные графские бубенцы! Бубенцы, которые не нужно было бы подвязывать...

Я по словечку воссоздавала в памяти свой заказ, краснела, бледнела и злилась на себя.

Графские бубенцы - это название полевого цветка, вот его ты и получила - вьюнок с двумя крошечными колокольчиками на кончике стебля. Ты отдала свои волосы за букет, Шерези. Bravo! Цветочек Шерези получил цветочек!

Страдания мои на этом не закончились. Чашечки колокольчика зашевелились, поднялись над постелью, закачались из стороны в сторону, будто внутри них находились маленькие внимательные глазки, меня сейчас рассматривающие.

- Дево-граф? - зазвенело в ушах. - Ну здравствуй, дева, и графу тоже не хворать...

Стебельки качнулись вниз, как при поклоне.

- Так и будем в молчанку играть?

Играть во что-нибудь другое я не могла при всем желании, поэтому молча накрыла

артефакт подушкой и вскочила с кровати.

- Что я делаю не так? - Из-за подушки показались глазки-чашечки. - Почему ты молчишь?

К тому времени я уже заняла диспозицию за ширмой. И грозила из-за нее первым, что под руку подвернулось, - волосяной щеткой.

- Дево-граф повредился рассудком, - грустно сообщили бубенцы. - Хотя сыновья Ивальди считают, что ум этого существа изначально был под вопросом. Но ведь говорить оно могло? Иначе как оно смогло бы объяснить, что именно нужно создать? Мужские бубенцы немалых достоинств... Так вот в чем дело!

Бубенцы забренчали, как расстроенная мандолина, затем пропели «тру-ла-ла» и «ми-ми-ми».

- Так лучше?

Это уже было произнесено глубоким мужским басом.

Мужские бубенцы! Я захихикала и махнула щеткой в сторону кровати.

- Так у тебя забрали голос!

Стебельки ожили, выпустили из узелков еще какие-то лозы, сплелись, принимая форму человечка, похожего на детскую куклу.

- Сядь здесь, - человечек похлопал по постели ручкой. - Жестами-то ты можешь мне отвечать?

Я кивнула и присела, положив щетку около себя.

- Ты понимаешь, что я не причиню тебе никакого вреда?

Я пожала плечами.

- Не понимаешь или не уверена в обратном?

Я подняла вверх два пальца.

- Значит, второе. Что ж, давай по порядку. Меня создали подгорные цверги с тем, чтоб я служил тебе. Это понятно?

Я кивнула.

- У каждого сложного артефакта, а я, дево-граф, очень сложный артефакт, существуют некие миссии, которые они должны исполнять в течение своей жизни. Сейчас моя задача - служить тебе бубенцами, охранять, наблюдать и направлять. Ты просила Брока просветить себя?

Брок - так называл Караколь Папашу. Да. Конечно же просила.

Я мелко закивала.

- Ну вот мы и подошли к доказательству: артефакт, созданный для просвещения, не может причинить тебе вреда. Просто потому, что зло и знание ходят разными дорожками.

Тут мне захотелось возразить. Жизненный опыт, знаете ли, просто вопиет об обратном. Предположим, некие ученые создают сильный яд, которым тут же начинают травить всех направо и налево. Или некие механики разрабатывают осадные орудия, сразу же идущие в дело. Для владельца орудия это, наверное, благо, а для жителей и гарнизона замка, который ими осаждают, - зло.

Но пытаться вести этическую дискуссию, имея возможность отвечать только «да» и «нет», - дело глупое. Поэтому сентенция бубенцов удостоилась моего «да».

- Оно перестало меня бояться, - вздохнул артефакт. - Кстати, мне не нравится называть тебя - «оно». Кем ты предпочитаешь быть, мальчиком или девочкой?

Я показала два пальца, а потом подумала, что лучше мне быть все-таки графом. Но бубенцы уже приняли во внимание первый ответ.

Ну, хорошо. Я для него - дева, скорбная умом дева. А он тогда пусть будет Болтун, потому что болтает. Логично?

- А если ты перестала бояться, малышка, подумай и покажи пальцем, куда именно я должен тебе прирасти.

Я замотала головой, руками и даже, кажется, ногами.

Куда он должен был прирастать в моих дурацких фантазиях, я помнила прекрасно, и совершенно этого теперь не хотела. Потому что носить в гультфике говорящие бубенцы... это было уже за гранью! Когда-то подружки в Шерези, хихикая и закатывая глаза, рассказывали мне о том, что некоторые мужчины со своим достоинством беседуют, называют его чем-то вроде «дружок» или «малыш». Но, думается мне, даже если те байки были правдивы, любой муж лишится чувств, если его «дружок» или «малыш» вдруг ответит человеческим голосом либо отрастит глазки на стебельках.

- Что за нелепая пантомима? - раздраженно спросил Болтун. - Рука? Нога? Может, глаз? Между прочим, подобный мне артефакт занимает место в глазнице одного из богов... Левый или правый?

Мало мне шрама и немоты? Он хочет покалечить меня окончательно?

Болтун уже полз ко мне, отрастив сотню крошечных ножек.

Караколь! Где ты, когда так мне нужен?

- А как тебе такая идея?.. - Он подползал, как серебристая сколопендра. - Третий глаз? Прекрасное зеркало в самом центре твоего лба?

Я замахнулась щеткой.

- Как скажешь, малышка! Понять тебя было непросто, но я справился!

Сколопендра вытянулась, превратившись в длинную тонкую стрелу. Трансформация заняла миг, меньше мига, а жужжащий звук, с которым артефакт устремился ко мне, длился и того меньше. Щетка покатила на пол, когда стрела чиркнула у меня за ухом. Я дернула головой, вцепилась руками в волосы, ощутив под пальцами тонкое, как паутина, металлическое кружево.

- Чудесно, - сказал Болтун, и его голос теперь звучал у меня над ухом. - Из укрытия этой шевелюры я смогу наблюдать любую опасность, а тонкая кожа твоей глупой головы позволит нам ее, опасности, избежать. Ну же, малышка, посмотришь в зеркало.

Часть про шевелюру была мне понятна, другая, про кожу, - нет, но значение ее мне открылось, когда виски обожгло болью.

- Подойди к зеркалу!

Боль усилилась. Она не была такой уж нестерпимой (в сравнении с безумной Ригель Болтун оказался зеленым неофитом), но игнорировать ее не получалось.

Он собирается управлять мною таким образом?

Я пошла за ширму под одобрительное бормотание:

- Ну посмотри, как замечательно я...

Зеркало меня не интересовало: уродством больше, уродством меньше - особой роли это не играет. А управлять собой я ему не позволю. Впрочем, я никому не позволю собой управлять.

Быстрым шагом я подошла к ванне с остывшей грязной водой и опустила в нее голову.

Артефакт булькнул и затих. Я досчитала до ста, разогнулась, глотнула воздуха. Виски колело, но как-то неритмично.

- Что ты...

Я нырнула опять.

Во время небольших передышек мне было сообщено, что вода и даже полное отсутствие воздуха не может причинить вреда столь великому и могучему артефакту, что плесканиями в грязной жиже я наврежу прежде всего себе и скоро слягу с мозговой горячкой, хотя отсутствие у меня мозга может считаться научным фактом или даже аксиомой, не требующей доказательств, что я трачу драгоценное время, которое могла бы потратить на обучение, что я зловредная пейзажка, не понимающая огромной чести, которая выпала мне в этой жизни, что мне надо...

Я устала довольно быстро. Когда я наклонялась, кровь прилиwała к голове, когда разгибалась - накатывала слабость.

Сколько ты еще продержишься, Басти? Пять нырков? Пятнадцать? Ты слишком выкладываешься. Вспомни, чему тебя учили наставники. Вспомни, как правильно рассчитывать силы.

- Значит, так, - начал Болтун, принявший эту паузу за капитуляцию.

Я опустила на колени и перегнулась через бортик ванны. Минимальная амплитуда движений. Опустили голову, счет - четыре раза по двадцать пять, выдох еще в воде, после третьей четверти выныриваем не полностью, только ртом, длинный полный вдох, разворачиваем легкие, заполняем их. Повторить.

Это был танец, довольно отвратительный скорее всего, но я даже напевала про себя одну из песенок моего друга Станисласа Шарля Доре, поэтому да, это был танец.

- Басти!

Как и когда в комнате появился Караколь, я не заметила. В голосе фахана звучала неподдельная тревога:

- Что случилось, милая?!

«Меня пытается подчинить артефакт цвергов! - подумала я со всхлипом. - Уничтожь его! Ты ведь сможешь? Твоя сумасшедшая королева не лишила тебя остатков колдовства?»

Сейчас он тебя в пыль сотрет!

- Успокойся, милая. - Караколь укутал меня простыней, перенес на постель, уложил и сел рядом, поглаживая мои волосы. - Тебе столько пришлось сегодня перенести.

«Ты чувствуешь его? Он на моей голове! Он может принимать любую форму!»

- Госпожа пожелала освоить несколько новых фокусов. Счастье, что она не претендует на мою способность читать тебя как книгу.

«Ты перестал меня понимать? Караколь! Фахан ты мокрый! Почему ты не понимаешь меня?»

- Пояс? О нем не беспокойся. Госпожа быстро теряет интерес к вещам. Сегодня она носит его на запястье, но как только он ей надоест, я буду рядом, чтоб подхватить его и вернуть тебе.

Я смотрела в потолок остановившимся взглядом. Голова не болела. Я потянулась к волосам, пальцы встретили ладонь Караколя, и фахан быстро схватил мою руку, затем другую.

- Поспи, милая, отдохни. Я буду охранять твой сон до самого утра...

Запястья защекотали быстрые легкие поцелуи.

Я смотрела на его рыжую макушку и думала, как бы элегантно сползти с кровати и вычесать из волос дохлый артефакт. А еще думала, что никакого «тру-ля-ля» мне с Караколем не хочется, потому что отдаваться мужчине в обмен на какие-то блага – низко и неправильно. А еще – как именно мне придется отбиваться, если в представлении фахана «отдаться за блага» – наоборот, правильно и высоко, и каковы у меня против него шансы в рукопашной.

– Бедная моя девочка...

– Засыпай уже, – раздалось над ухом раздраженное. – Делай вид, что спишь. Закрой глаза и начинай храпеть!

Ну, если какие-то не до конца дохлые артефакты не понимают, что командовать мною они не будут...

Я мягко отняла свою руку и запустила пальцы в шевелюру Караколя. От одного поцелуя еще никому плохо не было.

– Я твои мысли, в отличие от твоего крылатого, читать не могу, – Болтун тархтел очень быстро. – Зато, в отличие от тебя, могу их от него закрыть.

Я, будто ощутив внезапную слабость, откинулась на подушках и обессиленно уронила руки. Продолжай, Болтун!

– Я зеркалю его собственные мысли, но в какой-то момент фахан может догадаться, что его водят за нос. Сделай вид, что спишь, он перестанет тебя читать, это нам даст время подумать.

Храпеть я не стала, потому что, тысяча мокрых фаханов, не могла. Я переждала, пока Караколь устанет нежно перебирать мои пальцы и усядется в свое кресло у стены.

– Итак, тебя зовут Басти, – зашелестело в волосах. – Это скорее всего «Бастинда» или «Бастиана». Но не суть... Крылатый... Судя по масти, один из нижних принцев... нужно больше информации... ты мне ее не можешь дать...

Караколь смотрел на картину. Даже не так – он смотрел в нее.

Я слегка повернула голову, чтоб наблюдать за ним сквозь неплотно прикрытые веки.

– Во что же мы с тобой вляпались, малышка?

Мы? Не уверена, что здесь уместно множественное число. Лично я вляпалась в артефакт. Хотя если у меня получится от него избавиться, стану ли я свободной? Ведь есть еще Ригель. И в этой зависимости я как раз не одинока. Караколь тоже... Принц? Ах, это как раз не важно. Тем более что он – «один из». Может, в этом «низу» – я помнила, что наш принц «нижний», – наследников продают дюжинами или вообще на вес.

– Начнем с самого начала, – решил Болтун.

«Начинай!» – милостиво разрешила я.

– Во-первых, выясним, где именно мы находимся...

Он замолчал, видимо, размышляя. Я подумала, что находимся мы с ним в постели, в замке Блур в комнате Караколя.

– Любопытно, оказывается, здесь играет роли не только «где», но и «когда»!

Мне тоже было любопытно, у меня от этого любопытства даже кончик носа задрожал. А что, если я чихну? Как выглядит немой чих?

– Значит, так, малышка, – быстро зашептал артефакт. – Прекращай притворство и засыпай по-настоящему. Мне придется оставить тебя на некоторое время. Может, на продолжительное.

Я обрадовалась. Я сделаю вид, что меня сморил сон, Болтун уползет на свою разведку, а я смогу поговорить с Караколем. Меня несколько не смущало, что полчаса назад разговаривать с фаханом я не хотела вовсе, а, напротив, желала внимать Болтуну. Если бы я дала себе труд поразмышлять о смене моих настроений, решила бы, что темное полнолуние не за горами.

- Ты спишь? - спросил Болтун через некоторое время.

Я равномерно дышала и, разумеется, не ответила.

Он хмыкнул недоверчиво, пощекотал меня за ухом и, убедившись, что на щекопку я среагировала, негромко проговорил:

- Эта история произошла много сотен лет назад, по вашему человеческому времяисчислению...

Удивлялась я недолго. Зловредный артефакт не испытывает ко мне доверия и решил меня усыпить. И способ для этого выбрал идеальный - он начал рассказывать сказку:

- Ты, наверное, знаешь, что, кроме вашего мира и Авалона, где обитают феи, существует бесконечное количество миров, многие из них нанизаны на священную гору, как бусины на шелковую нить, иногда эти бусины соприкасаются своими краями, и там, в местах соприкосновения, обитатели разных миров могут слышать чудное и видеть дивное. Наша история произошла в трех мирах, один из них для удобства мы назовем Нижним, другой - Небесами, а третий оставим неназванным...

Ах каким замечательным рассказчиком оказался Болтун! Великолепным, непревзойденным. Он изящно вплетал в полотно сюжета все новые и новые подробности, и я, понимая, что обилие их призвано как можно быстрее и надежнее усыпить меня, противостоять не могла. В какой-то момент я погрузилась в историю полностью, я видела, как наяву, лиловые облака Небес, ониксовый океан, омывающий берега Нижнего мира, семерых принцев, похожих друг на друга и на Караколя, небесных дев, великих волшебников и отважных генералов чародейских армий.

Наверное, именно тогда я и заснула. Но сказка все равно не кончилась.

Моя маменька, достойнейшая графиня Шерези, храни ее Спящий, говаривала, что творения гения, в отличие от деяний просто таланта, живут собственной жизнью. Видимо, Болтун оказался гением. Его история продолжила свой ход.

Дождь, с вечера накапывающий, усилился, превратился в ливень. Потоки воды, устремившись вниз, размывали тропу. Виклунд шел первым. Свой мешок он отдал Станисласу, чтоб освободить руки, и обнажил клинок. Тропа густо поросла кустарником, и Разящий, меч с именем, который Оливер получил в награду от ее величества за победу при Шарлемаре, сейчас служил великану обычным тесаком, прорубая путь.

- И как тут, по-вашему, должны будут пройти лошади? - вопрошал лорд Доре, согбенный под тяжестью поклажи.

Мандолина, запеленатая, как младенец, висела у него на шее и, против обыкновения, звуков не издавала.

- Те, которые должны будут пройти, пройдут, - отвечал замыкающий отряд Патрик. - Если придется, леди Дидиан выжжет здесь на корню весь лес, лишь бы не пострадали ноги драгоценных скакунов рыцарей долины. Я ведь прав, Гэб?

Ван Харт запрокинул голову, стер с лица воду и громко сообщил:

- Нужно забирать левее, мы отклонились с тропы.

- Неужели? - Виклунд рубанул мечом. - Где-то здесь была тропа?

- Прекрати калечить деревья! - Гэбриел придержал друга за плечо и, опершись на него, запрыгнул на кочку. - Мы почти пришли. Милорды, это Блур, любуйтесь.

Он повел рукой налево, и когда друзья, следуя за его жестом, повернули головы, их

взорам открылись зубчатые башенки на фоне ночного неба и узорчатая балюстрада, нависшая над пропастью.

- Господа, прошу не забывать, что как законный владелец я должен первым ступить на порог своего дома! - прокричал Патрик лорд Уолес.

- Ты, главное, не поломай ноги, а то нечем ступать будет. - Оливер аккуратно опустил в ножны Разящего. - Вперед, миньоны!

Глава 4

Все дороги ведут в Блюр

В Ардере была ночь, прекрасная и лунная. Но прелесть ее мало кого в данный момент занимала. Королевский совет заседал, ее величество боролась с болезнью, а два достойных дювалийских лорда плавно подбирались к сути своей беседы.

Юный ван Диормод внимал общению канцлеров с благоговейным восхищением. Не разговор – сражение, где каждая фраза – как удар клинка. Да что там фраза: слово, интонация, взгляд, молчание – все пущено в дело! Сейчас каждый из соперников проверяет защиту другого обманными выпадами, и хотя ван Хорн гораздо моложе своего родственника и более крепок телом, ван Диормод в этой дуэли все же поставил бы на победу своего господина.

– Что же стало причиной удара? – сочувственно расспрашивал канцлер ван Хорн. – Яд либо противоестественное фейское колдовство? Кто повинен в этом?

– Ни яд, ни проклятие, мой дорогой зять, – ван Харт говорил свистящим старческим шепотом, чтоб собеседнику приходилось напрягать слух. – Время... В моем плачевном состоянии повинно время... Хотя мне грех на него жаловаться. Спящий дал мне сил ровно настолько, чтоб мой сын...

Старик кашлянул, но пауза не стала от этого звука менее тяжелой.

«Ты же помнишь, чей раньше это был сын? – говорила она. – Я лишил тебя единственного наследника, дуралей, я забрал его себе. А сейчас я еще немножко проверну кинжал в твоей незаживающей ране».

– ...чтоб мой сын смог заменить меня в делах государственных. Успехи Гэбриела столь велики...

– Несомненно. – Ван Хорн откинулся в кресле. – Особенного успеха он достигнет, заключив наконец династический брак с ван Солами, крошка Дидиан наденет на его голову княжескую корону Дювали.

– За этим дело не станет...

Ван Диормод в этот момент подумал, что на месте ее величества всячески этому браку противился бы.

– Наша драгоценная Аврора вашу уверенность разделяет? – быстро спросил ван Хорн, будто услышав мысли молодого человека.

– А что думают по этому поводу при доманском дворе? – Адэр ответил на удар молниеносно. – И, к слову, любезный зять, вы так и не поведали мне о причинах вашего неожиданного, но бесконечно радостного для нас возвращения.

– Домания наблюдает за нашими делами с неослабевающим вниманием, – ван Хорн покачал головой. – Некоторые вещи лучше видны из отдаления. А что же касается вашего второго вопроса...

Канцлер ван Хорн неловко встал и опустился на одно колено:

– Я тоже не молодею, Адэр, не хочу отойти в чертоги Спящего, не испросив твоего прощения.

Секретарь удивился, но, кажется, не он один.

– За что? – В голосе ван Харта, кроме непритворного удивления, появилась непритворная же сила. – За что я должен тебя прощать?

– За то, что я был недостаточно хорошим мужем для твоей сестры, за то, что желал освободиться от брака с ней, не ответив в полной мере на ее чувство, за то, что был настолько глуп, что верил в то, что мне это удалось!

По лицу лорд-канцлера текли слезы. Это зрелище настолько шокировало ван Диормода, что будь он не мужчиной и не дворянином, он вполне мог бы и лишиться чувств в этот момент.

- Принеси-ка нам вина, дорогой, - велел секретарю ван Харт после паузы. - И вели стражникам отойти от двери туалета на четыре.

Пока молодой человек исполнял поручение, беседа продолжалась. И хотя он очень торопился сделать все как можно быстрее, что-то из нее он упустил.

Когда он вернулся с подносом, ван Хорн уже сидел в своем кресле и говорил негромко, но быстро:

- Креспен, капитан моей стражи. Ты вполне мог его не запомнить, но долгие годы этот господин был мне самым близким слугой, практически наперсником.

- Ты велел ему избавиться от Эленор?

- Нет, клянусь! - Ван Хорн набожно сложил руки перед грудью. - Он был послан на разведку. Я собирался тогда просить развода, и Креспену было поручено собрать как можно больше информации, с которой можно было бы торговаться.

- Порочной?

- Другая мне была не нужна. Эленор с малышом Гэбриелом тогда жили в этой деревеньке... До меня доходили слухи, что она якшается с феями. Уличить супругу в противоестественном колдовстве - это все, на что я рассчитывал. Но нападение разбойников на деревню...

- Я покарал убийц.

Ван Хорн схватил со стола бокал и жадно из него отпил.

- А ты не удивился, что я не принял в этом участия? Не примчался на пепелище, чтоб собственноручно обезглавить виновных?

- Я списал это на твое равнодушие.

- Или на чувство вины? Ах брось, Адэр, я знаю, что ты подозревал меня. Я сам себя подозревал. Креспен вернулся из Дювали и сообщил мне, что дело сделано. Что он предвосхитил мою просьбу и что теперь я свободен.

- И ты...

- А я... - Он протянул секретарю пустой бокал, который тот молча наполнил. - Я, старый дурак, десятилетия носил в себе эту постыдную горькую тайну. Клянусь, первым моим порывом было убить мерзавца. Но ведь грех не на том, кто исполнил, грех на том, кто повелел. Я принял этот грех. И даже то, что я не смог больше иметь детей, воспринимал как искупление.

- Это как раз зря, - ван Харт пожевал губами. - От радостей отцовства тебя надежно оградила Эленор. Она, знаешь ли, не зря якшалась с феями...

Канцлеры синхронно покачали головами.

- Я прощаю ей это, - сказал наконец ван Хорн.

- Так что же изменилось сейчас?

- Креспен мне признался... - Опальный канцлер криво улыбнулся, став очень похожим на своего потерянного наследника Гэбриела. - Мы напились как-то вдвоем. В Домании, знаешь ли, скука смертная, и если бы не прекрасное доманское вино, она была бы совсем нестерпимой... Он был пьян просто в стельку и стал лепетать о своем безграничном уважении, даже о любви, которую испытывает ко мне. Любви высокой, сыновней... О том, как страдал всю жизнь мои небрежением... Я подумывал уже проломить его тупую башку, но тут он пустился в воспоминания о том, как смотрел на Эленор, когда ее, когда она... Просто сидел в кустах и смотрел, как убивают его леди...

Ван Хорн шмыгнул носом абсолютно не аристократично.

- И тут ты его убил?

- Я был не трезвее этого болвана, - канцлер смущенно покраснел. - Удивительно, что я сам не умер от какого-нибудь удара после таких откровений. Знаешь, оказывается, шрам на щеке нашего мальчика - это его рук дело.

- Креспена?

- Именно! В своей уродливой псевдосыновней любви и ревности мерзавец дошел до того, что пытался убить моего наследника!

- Слава Спящему, ему этого не удалось!

- Слава Спящему...

Ван Диормод отметил про себя тот момент беседы, когда юный Гэбриел из бывшего сына превратился в «нашего мальчика». Зря он списал со счетов опального канцлера. Тот тоже виртуозно вел игру.

- Где она? - Ван Харт слегка захмелел, он цедил свое вино крошечными глотками, но ему и того хватило. - Где голова злокозненного Креспена? Я хочу пинать ее! Я хочу помочиться на нее! Я хочу...

Секретарь, встрепенувшийся было на слово «помочиться», быстро ретировался на свое место у стены, фраза оказалась фигуральной.

- Его мерзкая голова при нем, - махнул рукой ван Хорн. - Сначала у меня не было сил, а потом...

- Он бежал?

- Да, к моему вящему стыду. А я, - тут ван Хорн повторил фигуру с коленопреклонением, - поспешил к тебе, дорогой шуринок, чтоб попытаться если не исправить... это, наверное, невозможно... то искупить... Ты простишь меня?

- Прощу, - старик хихикнул. - Кажется, жизнь тебя достаточно наказала. Хотя момент с искуплением мне хотелось бы обсудить подробнее. Чего ты хочешь, Гэбриел?

- Мое единственное желание - чтоб Гэбриел ван Харт, наш мальчик, занял достойное его место.

- У трона?

- На троне.

- Ван Диормод, - абсолютно трезвым голосом сказал ван Харт, - подите за дверь.

Секретарь подчинился.

В коридоре скучали стражники. В некотором отдалении от них молодой человек заметил закутанную в темный плащ женскую фигуру. Дама кивнула секретарю, тот поклонился в ответ. Леди Сорента - фрейлина ее величества, видимо, один из козырей, заранее подготовленный опальным канцлером.

Из-за двери не доносилось ни звука. Ван Диормод мог только догадываться, что происходит в покоях. Минуту около получаса. Приближающийся топот подкованных сапог возвестил смену караула.

Секретарь шикнул на вновь прибывших и жестами указал им, где именно предписано им остановиться.

- Колокольчик, - негромко сказала леди Сорента. - Ваш хозяин зовет вас, мой лорд.

Слух придворной дамы был отточен годами службы. Когда секретарь заглянул в покои, ван Харт поманил его к себе.

- И пригласи к нам нашу таинственную гостью.

Фрейлина впорхнула в покои, оттолкнув нерасторопного юношу, и присела перед канцлерами в церемониальном поклоне.

- Подайте кресло, Диормод. А вы, милая, оставьте придворные ужимки. Присаживайтесь...

Если достойные лорды надеялись, что секретарь оставит их с дамой наедине, они глубоко заблуждались, хотя скорее всего ни на что они не надеялись, начисто забыв о его существовании.

- Повторите то, о чем рассказали мне, - велел Соренте ван Хорн.

- Мы ждем конца, - фрейлина закатила глаза. - Ее величество бредит, зовет то лорда-шута, то ныне покойного возлюбленного...

Канцлеры переглянулись, ван Хорн одними губами произнес какое-то имя.

- А лорд-шут? - спросил ван Харт. - От него нет вестей?

- Никаких! Я подозреваю, что он попросту бежал. Ведь всем известно, что бывает с шутами, когда их господа уходят в чертоги Спящего.

Только крайняя воспитанность не позволила ван Диормоду недоверчиво хмыкнуть. В чем, в чем, а в трусости лорда Мармадюка не мог упрекнуть никто.

- В пользу моих подозрений говорит и то, что из опочивальни ее величества пропали некоторые предметы. И хотя глупые служанки что-то лепечут о крысах...

- Что за предметы?

- Они принадлежали некогда пропавшему, как принято говорить, но мы-то с вами знаем, что здесь как нельзя более подойдет эпитет «покойному», графу Шерези. Адамантовая подвеска покойного графа, какой-то артефакт в виде стрелы, небольшая картина. Всем известно, что лорд-шут питал к Цветочку Шерези нечто вроде противоестественной привязанности. Видимо, он и захватил эти предметы на память. Какие крысы, помилуйте!

- Леди Сорента, - строго перебил ее ван Хорн, - вы рассказывали мне отнюдь не про крыс. Вернитесь к той части рассказа, где ее величество осматривал королевский лекарь.

Фрейлина смешалась, пристыженно опустила глаза:

- Два месяца. Он не хотел признаваться, но у меня есть некоторые таланты...

- Ну вот, дражайший родич, о чем я тебе и говорил, - ван Хорн удовлетворенно кивнул. - Через два месяца трон опустеет по естественным причинам. И что начнется?

- Смута, затем война... Наследника нет, разве только... - ван Харт картинно всхлипнул, - любезная леди Сорента согласиться нам помочь.

- Ради блага Ардеры я согласна на все!

- Какой чудесный новый министр финансов будет в прекрасной новой Ардере! - Ван Харт широко улыбнулся, а ван Диормод предупредительно отлип от стены, чтоб стереть платком со щеки канцлера дорожку слюны.

- Мы отправляемся в путешествие, лорды и леди, - провозгласил канцлер. - Ван Хорн, велите двум дюжинам своих личных гвардейцев оцепить зал королевского совета. Пока эти недоумки сообразят, что их удерживают там насильно, пройдет несколько часов. Диормод, возьмите десяток дювалийцев из верных только нам и отправляйтесь с леди Сорентой. Ее величество Аврора отбывает в замок Блюр с тем, чтоб как можно скорее воссоединиться с супругом. В путешествии королеву сопровождают оба ее канцлера.

Секретарь подумал, что ставки «нашего мальчика» подскочили до невероятных высот, а

затем ужаснулся. В государственном заговоре ему раньше участия принимать не приходилось.

Караколь разбудил меня на рассвете. По крайней мере, по ощущениям это был именно он, рассвет. Я чувствовала себя отдохнувшей, а лоб мой под волосами чувствовал присутствие Болтуна.

- Не бойся, я все успел, - сообщил мне артефакт, пока я умывалась за ширмой и переодевалась в свое давешнее рубище. - Знаю я гораздо больше, чем раньше, так что надеюсь тебя отсюда вытащить.

Караколь был чем-то встревожен. Может, его загоняла безумная корова, а может, мельтешение линий на картине, в которую он пялился.

- Как ты чувствуешь себя, болтушка?

Я покачала головой. Не знаю, что именно отзеркалилось в мыслях, но фахан ласково провел пальцами по моему шраму:

- Ты такая красавица, милая...

Отражение в зеркале недвусмысленно намекало на обратное, но я улыбнулась. Красавица так красавица. Если бы мне пришлось выбирать между Ригель-Моник и девой со шрамом, я бы тоже выбрала не безумную королеву. Так что если кому-то этот выбор нужно подтвердить красотой объекта - пусть.

На кухне повторилась вчерашняя пантомима, с молчаливым баханьем на колени и с моим величественным проходом к помойному ведру.

Караколь удалился. Ярка подбежала ко мне, ткнулась носом в плечо.

- Ты ведь не собираешься строить карьеру в крысиной стае? - фыркнул Болтун. - Не отвечай, вопрос был риторическим. Быстро сообрази, как отсюда выйти.

Я погладила юную крыску за ушком. Усындра что-то пропищала.

- Ведро бери, - перевел мне артефакт. - Вот он - повод покинуть кухню!

Сегодня, к моему удивлению, никто не стал меня сопровождать.

- Шевелись, Басти! - В коридоре артефакт будто сорвался с цепи, он даже пытался сдавить мне виски. - У нас буквально четверть часа.

В какую именно сторону шевелиться? Тупица стебельчатая! Объяснил бы хоть! Да и почему я должна его слушать? Вреда от него пока больше, чем пользы.

- Ты хочешь вернуть свой голос?

Да! Хочу! Но мое желание не отменяет твоей тупости. Где мой пояс? Куда мне идти?

- Нам нужно вернуться в спальню принца!

Я перехватила тяжелое ведро другой рукой. Дорога в покои Караколя помнилась смутно, но, кажется... Кольнуло левый висок, я повернула направо.

- Правильно. И ведро пока не бросай. Если мы встретим сейчас кого-нибудь, будет шанс притвориться, что ты просто заблудилась.

Помойная жижа кольхалась, грозясь выплеснуться на пол. Может, стоило сначала вылить ее и «делать вид» уже с пустым ведром?

Но висок опять кольнуло, и я засемила по лестнице.

Стражи у покоев не было, приоткрытая дверь будто приглашала войти.

- Стоять! - скомандовал Болтун. - Наш принц внутри, я ошибся в расчетах.

Я замерла. Делать-то теперь что?

У ног прошмыгнула крыса, не в человеческом виде, а самая настоящая. Грохот, с которым я опустила на пол ведро, разнесся под сводами.

- Тише, дура! Лезь за тумбу! И ведро туда тащи.

Тумба стояла в проеме заложеного камнем окна и служила подставкой вычурному кованому светильнику, сейчас потушенному.

- Спокойно, не сопи... Голову пригни, я сам...

Волосы на затылке шевельнулись, Болтун вытягивал вверх свои стебельки.

- Крысиное высочество! Нижние чародеи лучше управляют роями. Ты же знаешь, что крысиная стая - тоже, в сущности, рой? Сиди! Там ничего не происходит. Просто визит серых тварей к своему повелителю.

Я прикрыла глаза, вид тумбы сбоку не доставлял никого удовольствия.

- О, так это не визит вежливости, - удивленно сказал артефакт. - Они что-то тащат.

Что?

Я выглянула, стараясь не возвышаться над светильником.

Крысы, десятка три или четыре, шли по коридору плотной группой, на их спинах колыхался неопрятный тючок, содержимое которого не просматривалось.

- Интересно, что там такое?

Не знаю, что было внутри, но ткань я опознала. Это был шлафор, шелковый лиловый шлафор ее величества Авроры. Его я бы никогда не перепутала ни с каким другим. Лиловый редко используют в одежде, а уж ткань, расшитую разноцветными гербами дворянских домов Ардеры, - почти никогда. Кроме тех случаев, когда портновским собраниям хочется потрафить правящему дому, чтоб чуточку скостить налоги, например.

Крысы скрылись за дверью. Я выбралась из-за тумбы.

- Куда? - уколол меня Болтун.

Я угрожающе наклонилась в сторону ведра. Если он, тупица стебельчатый, думает, что я побрезгую утопить его в помоях, он ошибается.

- Всё-всё! - испуганно сказал он и даже погладил мои брови колокольчиками. - Я совсем смиренный. У тебя есть какой-то план? Ты что-то увидела? Ты догадалась, что именно делает твой принц?

Я кивнула. У меня был какой-то план, и я что-то увидела.

- Ты собираешься вернуться на кухню, чтобы выиграть время и прийти сюда в более благоприятный момент?

Я опять кивнула.

- Хорошо, Басти. Прости мое недоверие...

Извинялся он уже на ходу. Я тащила помойное ведро ко рву.

Благоприятный момент настал ближе к обеду. Слуги-птицы удалились с подносами, нагруженными неаппетитной снедью, крысы-повара и поварята расселись в уголке, чтоб отдохнуть и перекусить тем, что на эти подносы не попало, а я, спокойно и демонстрируя уверенность в собственных действиях, вышла из кухни.

Спокойно. Уверенно. Уверенно. Спокойно.

Подавальщики удалились по коридору налево, я свернула вправо.

Дверь в покои Караколя была закрыта, но не заперта. В чем я с удовольствием убедилась, повернув кованую ручку.

– Что ты будешь делать, если фахан оставил чародейскую метку от нежелательных визитеров?

Я съем свой единственный артефакт, если это так. Тебя съем, между прочим. Наш нежный Каракольчик сейчас настолько занят тем, чтоб обвести вокруг пальца свое безумное величество, что на чародейские метки у него ни сил, ни времени нет. Это ведь процесс не из тех, которые движутся, стоит лишь расставить костяшки и сбить первую, чтоб остальные посыпались следом. Тут ему постоянно лавировать приходится, честно отвечать на заданные вопросы и стараться, чтоб неудобных вопросов попросту не прозвучало.

Монолога моего Болтун не слышал, поэтому никак на мой сарказм не среагировал.

Я вошла в покои, прикрыла дверь и осмотрелась.

На аккуратно застеленной постели лежал алый шлафор. Видимо, некто очень хитрый и крылатый собирается сегодня повторить совместную ночевку.

Другой халат, лиловый королевский, был спрятан. Не в том смысле, чтоб никто и никогда его не обнаружил, а убран за ненадобностью в один из сундуков около пустой сейчас ванны за ширмой. Мне и искать особо не пришлось, только откинуть крышку ближайшего. То, что было завернуто в лиловый шелк, лежало в том же сундуке, но глубже, на самом дне.

– А без шрама ты выглядела гораздо милевиднее, – решил Болтун, когда рассмотрел развернутую картину. – А в футлярах что?

В одном была стрела Этельбора – последний довод, артефакт, который спас мою жизнь при покушении, а в другом – бриллиант, адамантовая звезда, которую Ригель сорвала с меня. И то и другое должно было остаться в подземельях ардерского замка, неподалеку от раненного мною же, дурой безмозглой, Патрика.

– Изящное решение, – сказал Болтун про стрелу Этельбора. – Тонкая работа, простая и явная цель, которая пока не была достигнута. Эта вещица завязана на тебя, Басти. Ты знаешь об этом?

Я кивнула. Да, я связана со стрелой своей кровью. А вот то, что «последний довод» не достиг цели, стало новостью.

Погодите. Как это «не достиг»? А де Краон, ныне покойный? Разве не он этой целью был? Он ведь на меня покушался, и именно его шею пронзил «последний довод».

Болтун продолжал болтать и болтал не переставая, мне даже пришлось хлопнуть по нему ладонью, чтоб не мешал думать.

За размышлениями я закрыла оба футляра, свернула трубочкой холст и сложила все на место.

Попытаемся дернуть за ниточку с другой стороны. Или нет, не так. Будем дергать сразу из середины. Стрела не закончила начатое...

Я захлопнула сундук, задумчиво пробрела к креслу, уместилась в нем.

Клубок загадок разматываться не желал.

Я смотрела перед собой остановившимся взглядом, на стене мельтешили линии странной картины. Забавный визуальный эффект. Я, правда, никогда раньше такого не видела. То есть понятно, что шевелиться сами по себе эти штрихи не могут, значит, искусство неизвестного художника заставляет человеческий ум додумывать движение. Если чуть прищуриться, можно вообразить, что за тонкой прозрачной перегородкой в огромном замковом зале двигаются крошечные человеческие фигурки. Мужчины, да, я

представляю себе мужчин, они сидят за огромным столом у камина, их дорожные плащи сушатся на шесте у огня. Я почти вижу облако пара, которым исходит влажная ткань. Мужчины мне смутно знакомы. Ну, ведь это и понятно, ведь видения порождает именно мой разум.

- Послушай! - Боль была такой резкой, что в глазах потемнело. - Это важно!

Все! Надоел! Я разможу его о стену, и плевать, если в результате отойду в чертоги Спящего! Я хотя бы отправлюсь туда с высоко поднятой...

- Басти! У нас мало времени!

Какого, к фаханам, времени?

Фигурки на картине замедлили свои дерганья. Однако!

- Слушай, слушай меня, девочка! Твое отсутствие на кухне уже заметили, сюда идут!

Я быстро поднялась из кресла.

- Ты уже поняла, как я предлагаю отсюда выбраться? Ткань миров сминается и истончается. Если ты выбьешь один фрагмент, тебя затянет туда...

Я кивнула. Звучало не то чтоб совсем понятно, но я просила его продолжать.

- Если нам повезет, ткань опять схлопнется, разница во времени минимальна, ты должна успеть!

Я подбежала к картине и засунула руки в переплетение линий, они поддались раскаленным металлом, звякнули рвущимися струнами.

Поздно. Дверь за моей спиной слетела с петель, в покои ворвалась ее сумасшедшее величество королева Ригель со своим дрессированным Караколем и парочкой человекоподобных крыс.

Я развернулась, пряча за спиной обожженные руки.

- Все пропало! - прошептал Болтун.

Выглядела величество неважно. Ее великолепное платье украшало несколько пятен, в которых опознавались следы неаппетитных крысиных варев, подол вытерся до бахромы, волосы топорщились, а когда Ригель замахнулась на меня, я увидела, что под ногтями у нее грязь.

- Уродина! - Королева, потрясая кулаками, плюхнулась в кресло. Мой пояс на ее запястье жалобно звенел.

Караколь смотрел на меня с удивлением, затем опустился на колени:

- Я не знал, что Бастиана находится здесь.

- Конечно, не знал! - Ригель хихикнула, щелкнула пальцами и отпила из появившегося в руке бокала.

Уж не знаю, что она пила с таким удовольствием, но сдается мне, что не вино.

- Наша Уродина еще в обличье графа Шерези умела оказываться в самый неподходящий момент в самом неподходящем месте. Подтверди мои слова, Уродина. Ах, ты же не можешь говорить! Какая потеря!

Хихикала она препротивно, и препротивно чавкала, отпивая из бокала, и изо рта ее препротивно брызгала слюна.

- О чем она думает, милый?

- Кажется... - Фахан поднял голову и посмотрел мне в глаза.

- Кажется, он догадался, - прошептал Болтун. - Ой что будет!..

- Ее мысли скрыты от меня, госпожа, - Караколь не отводил от меня взгляда, - и мне непонятна причина...

- Ты уже отдал мне эту способность?

- Нет. - Бедняжка не мог ей врать. - Я знаю. О чем думает госпожа, также мысли придворных фрейлин открыты мне...

Ригель запустила руку в рыжие волосы Караколя. Я уже предполагала, что за этим последует, поэтому наблюдала не экзекуцию, а то, как одна из фрейлин, подергивая кончиком носа и как бы принюхиваясь, юркнула за ширму.

- Так в чем же дело? - Ригель потянула фахана за волосы.

- Думаю, это артефакт, - выдавил тот, поморщившись.

- Это фиаско, - решил Болтун.

Крыса-фрейлина бочком бесшумно приближалась ко мне.

- Артефакт, который создали не феи, - продолжал Караколь.

- Я могу исторгнуть ярчайшую вспышку света, - скучно сказал Болтун. - Она, конечно, никого не убьет, но ослепит всех на некоторое время. Если тебя это интересует...

Я мелко закивала.

- На счет «три»?

Я качнула головой.

- А, я понял. Тебе нужно больше времени? Если для того, чтоб посмотреть на портал, то я уже это сделал за тебя. Достаточно одного тычка, например, кулаком. Так что на «три-четыре»...

Я хлопнула себя по виску.

- Хорошо-хорошо! Буду ждать сигнала. Давай, когда будет пора, ты, например... подпрыгнешь.

Опустив руку, я наблюдала маневры крысы-фрейлины. Та как раз неловко споткнулась, выронив на пол прямоугольную коробочку. Итак, стрела Этельбора.

- Что это? - спросила Ригель и дернула Караколя за волосы, поворачивая его голову.

- Артефакт, - честно ответил фахан, - который создали не феи...

Вот ведь пройдоха, против воли восхитилась я, он же буквально отвечает на вопрос. Буквально. А уж то, что артефакт тот самый, что мешает ему прочесть мои мысли, Ригель-Моник решит уже самостоятельно. А ведь она решит, ее же к этой мысли с такой тщательностью подвели. Что будет дальше? Это как раз просто. Моник раскроет футляр, стрела устремится в полет. Потому что ей нужно завершить начатое, убить того человека, кто хотел убить меня, владелицу артефакта. То, что Ригель - золотая кость, вряд ли помешает артефакту самого Этельбора.

Футляр лежал у моих ног, безумная королева вскочила с кресла, пнула фахана в грудь. Караколь неловко упал, подмявая крыло, и застонал. Обе крысы-фрейлины вытянули шеи, повернувшись к нему.

Итак, наш крысиный принц ими управляет, и если бы ему действительно грозила опасность, отважные твари бросились бы ему на помощь. Он притворяется, ведет свою игру. Если предположить, что тогда во дворе замка меня пытался убить не де Краон, а сама Моник... «Предположить»? Сейчас не время предполагать! Басти, ты должна решить, жить или умереть безумной королеве.

Пусть сдохнет!

Я наклонилась, левой рукой подхватила с пола футляр, а правой сдернула с запястья Моник свой пояс.

Подпрыгнуть в наклоне было трудно, но я с этим справилась – и зажмурилась, как только почувствовала в ладони серебряные звенья.

– Bravo, Бастинда! – орал Болтун восторженно, когда нас с ним стало затягивать в воронку. – Ah, прости, Бастиана! Можешь открыть глаза! Какая же ты умница, девочка! Я ничего не понял, могу только догадываться...

– Артефакт Этельбора может убить Моник, только пока я жива, – сказала я, застегивая фейский пояс на талии. – Поэтому я пока жива.

С этой стороны картина выглядела как обычная картина. На ней были изображены коленопреклоненный фахан с черными крыльями, красавица в алом платье, угрожающе над ним нависшая, и две девицы, жмущиеся к спинке кресла.

– Понимаешь, я могла бы решить, что забота обо мне Караколя – следствие нежной привязанности или, избави Спящий, страсти...

– Но?

Я неторопливо осматривала залу, пока в ней никого, кроме меня, не было, но я явственно слышала шаги приближающихся людей.

– Но меня уже столько раз использовали, Болтун, что я попросту перестала кому-либо доверять.

– Бедняжка.

– Пожалей лучше Караколя. Ему пришлось оберегать меня все время, пока его крысы разыскивали стрелу Этельбора. Думаю, что поэтому и времени в нашем мире прошло не так много, он боялся, что за десяток или более лет артефакт попросту затеряется.

Шаги приближались.

– Один вопрос, Болтун, – быстро спросила я, – тебя ведь слышу только я?

– Да, других можешь не опасаться, но только если среди этих других нет цвергов.

Я улыбнулась. Среди моих друзей цвергов не было.

– Тогда и я спрошу. Болтун?

– Я дала тебе это имя. Смирись.

– Да чего там... Мне даже приятно. Артефакт, который получил имя... Это же переход на новый уровень... А к чему твои ужимки? Ты знаешь, кого именно сейчас увидишь, и это тебя радует?

– Точно! – сказала я и проорала с шутовским поклоном: – Чем обязан приятностью нашей встречи, любезные лорды?

А потом с разбега бросилась на шею Оливеру лорду Виклунду, Патрику лорду Уолесу и Станисласу Шарлю лорду Доре именно в такой последовательности.

Как же я скучала! Спящий, храни моих друзей!

– Цветочек!

– Шерези!

– Басти, болван ты эдакий! Где ты пропадал? Мы отчаялись тебя разыскать!

И мандолина вторила этим воплям бравурными аккордами.

Я расчувствовалась не на шутку, даже всхлипнула разочек на груди Патрика. За то время, что мы не виделись, мои любезные лорды слегка изменились. Виклунд стал, кажется, еще огромнее, Уолес – еще красивее, и только Станислас все так же витал в своих музыкальных облаках, общаясь с внешним миром посредством мелодий.

– Ты сам на себя не похож! – Оливер покрутил меня из стороны в сторону, придерживая за плечи.

– Кто бы говорил!

– Ты не прав, дружище! – Патрик потрогал мою щеку, ту, где бугрился шрам. – Кроме этой раны и странной прически...

– И грязных лохмотьев, – напел менестрель, – в которые укутано его тощее тельце...

– Цветочек все тот же, – закончил Уолес.

Я лихорадочно соображала, что именно из своих приключений должна поведать друзьям, и, видимо, вследствие умственных усилий, почувствовала слабость.

– Рассказывай! Почему ты здесь? Как тебе удалось бежать?

Виклунд повел меня к столу. Я обернулась, чтоб посмотреть на картину. Алой королевы на ней теперь не было, а было кресло с высокой спинкой, похожее на трон, и крылатый фахан на этом троне. Нарисованные глаза поймали мой взгляд, и я грохнулась в позорный обморок.

Пришла в себя в абсолютной темноте.

– Две новости, – монотонно сообщил Болтун. – Плохая и хорошая.

– Начинай с плохой.

– Я не могу от тебя отделиться!

– То есть ты ко мне прирос?

– То есть я не могу тебя покинуть, чтоб разведать окружающую обстановку.

– Это навсегда?

– Думаю, это как-то связано с тем миром, где мы с тобой находимся. Когда вернемся в Авалон...

– Если! Не «когда», а «если». И, без обид, возвращаться туда я не собираюсь. Лучше буду терпеть твоё присутствие до конца своих дней.

– Постараюсь разнообразить тебе оставшиеся дни, – мстительно пообещал артефакт.

– Утоплю.

– В этом мире точно не сможешь.

– Не верю.

– Попробуй. Тебе тут один нежный тип водички у ложа оставил...

– Какой еще тип?

Абсолютная темнота перестала быть абсолютной, когда я к ней немного привыкла. Я лежала на широкой кровати, у изголовья обнаружился комод, на котором стоял полный воды кувшин.

Схватив сосуд, я сразу забыла свои угрозы, а принялась пить. Несостоявшийся утопленник присоединился, опустив в кувшин стебельки.

– А хорошая новость?

- Что? - Он фыркнул, как лошадь на водопое. - А хорошая новость в том, что ткань пространства-времени схлопнулась, и мы можем не опасаться преследования... Можешь объявить об этом своим болванам, которые опасаются нападения...

- У Караколя был меч, - перебила я Болтуна. - Меч Арктура, которым он открывал какие-то кародейские пути. Думаю, этим сакральным клинком он проковывает любую ткань, так что опасения нелишние.

- Оружие Спящего создает зеркальную проекцию замка Блур в Авалоне.

- И о чем это нам говорит?

- О том, что меч должен находиться в этом, в твоём, мире! А значит, крысиный принц ничего им не проковывает.

Я мысленно помянула добрым словом подгорных цвергов, снабдивших меня болтливыми бубенчиками.

- Бедняжка Караколь! - Тут в мои «добрые слова» была добавлена горсть сарказма.

- Да, ему сейчас можно лишь посочувствовать.

- А где именно он сейчас находится? Я имею в виду меч.

- Неподалеку. И если бы я мог отделиться от твоей глупой башки... Хотя прости, Бастинда, ты вовсе не глупа. Варит твоя головешка, когда надо. У нежного тоже с внутричерепной субстанцией все в порядке, он так этих болванов построил, которые сюда ломились, - любо-дорого.

- Сам ты Бастинда! Так кто у нас нежный? Лорд Виклунд - беловолосый великан, лорд Уолес или менестрель с мандолиной - лорд Доре?

- Четвертый. Трое перечисленных тобою болванов зовут его Гэб.

Здесь Гэбриел ван Харт? Я похолодела... Если этот расчетливый интриган прибыл в Блур с моими друзьями, значит, никто из нас не в безопасности.

- Он среди них главный, - продолжал Болтун. - По крайней мере, именно ему принадлежат все решения. Но я бы ему не доверял.

- Я и не собиралась.

- Он укладывал нас в кровать. Это было довольно...

- Нежно? - Я фыркнула и засмеялась. - Болтун, я теперь мужчина. Какая, к фаханам, нежность?

А потом я вспомнила, что ван Харт один из немногих, кто в тайну графа Шерези посвящен.

- Гэбриел пытался снять мой пояс?

- Нет, - уверенно ответил Болтун. - Больше всего их интересовал шрам. Кстати, твой - больше, чем его.

- Он мерился со мною шрамами?

- Женщиной ты был умнее.

- Женщиной я с тобой не разговаривала!

- Вот-вот, иногда полезно помолчать, сойдешь за умного!

Я помолчала, но вовсе не ради производимого впечатления. Хорошо, что я ничего не успела рассказать друзьям. Иначе...

- Почему ты не позволила Ригель открыть футляр?

- Потому.

- Это не ответ.

- Сам подумай! Когда Караколь достигнет желаемой свободы, думаешь, его будет заботить мое здоровье? Я ему нужна, пока жива его сумасшедшая корова.

- А мне казалось, крысиный принц к тебе равнодушен.

- Много ты в чувствах понимаешь! Может, тебе показалось, что ко мне равнодушен нежный Гэб? Так я могла бы тебе порассказать, как некоторые лорды предают влюбленные в них сердца!

Болтун заржал:

- Нежный? Вот здесь я бы на твоём месте не надеялся. Будь ты мальчиком, девочкой или фаханом из преисподней, шансов нет.

Я собралась обидеться, а потом вспомнила про своё изуродованное лицо. Брось, Шерези, в дамском образе у тебя ни с кем теперь нет никаких шансов на нежную страсть. Оставайся мальчиком. Хотя и тут...

- Ты случайно не подслушал, какими судьбами трое моих друзей и враг оказались в замке? Они же разговаривали, пока я без чувств валялась?

- Ты не валялась, - возразил Болтун. - Подхватили, потащили, уложили. Блондин, который Патрик, хлопотал над тобой более прочих. Я даже подумал грешным делом, что на него фейское колдовство не действует, и он в тебе деву рассмотрел.

- Он знает, - вздохнула я. - Патрик лорд Уолес просто разгадал мою тайну.

- Значит, остальные ещё не осведомлены. То-то он от тебя менестреля со здоровяком отгонял.

- Говорили о чём?

- Свадьба у них, насколько я понял. Даже имя счастливицы могу тебе сообщить - Дидиан ван Сол леди Дювали.

- Понятно, - грустно протянула я.

- Она так долго ждала брака...

- Я знаю.

- И вот дождалась.

- Все ясно.

- Её величество Аврора велела своим миньонам... Все правильно, они миньоны?

Я вспомнила, что у каждого из моих друзей поблескивала у щеки алмазная звезда, и кивнула.

- Ну вот, они приехали готовиться к торжеству. Леди Дидиан с рыцарями долины явятся вслед отряду, который тоже вскорости прибудет. В Бюре станет довольно многолюдно. Отрядом командует Виклунд, а замок теперь принадлежит Уолесу.

Чудесно. Значит, ван Харт наконец решил расстаться с холостяцкой жизнью.

- Что даёт этот брак? Погоди, не отвечай. Я понял даже это. Сразу вслед произнесения брачных клятв на голову достойного лорда будет возложен княжеский венец Дювали.

- Хорошая цена за свободу.

- А ещё говорят, что леди Дидиан великолепна в...

- Достаточно!

- Ты чем-то расстроена?

- С чего бы это? Я наконец вернулась в свой мир, встретила друзей. Да я счастлива, тысяча дохлых фаханов!

Мы помолчали.

Да! Счастлива! И нечего недоверчиво шевелить стебельками у меня на макушке. Отвлекает.

Мне же еще планы на будущность наметить надо. Что я дальше буду делать? Как действовать?

Толкотня за место у трона меня, пожалуй, утомила. Отправлюсь-ка я в Шерези! Да! Великолепное решение. Там же без меня вот-вот все рухнет. Арендаторы разболтаются вконец, пейзажи пропустят посевную. Или уборочную? Время года у нас в Шерези какое? Ай, неважно! Без моего чуткого правления они пропустят решительно все.

- Куда ты спрятала стрелу?

- Что, прости?

- Я говорю, - Болтун легонько дернул меня за волосы, - что стрелу Этельбора нужно тщательно укрыть ото всех. Если она случайно попадет в руки фахана...

Святые бубенчики! Где стрела?

Я вскочила с постели, отбросив на нее пустой уже кувшин.

Я уронила футляр, чтоб застегнуть на талии пояс. Или это произошло раньше, еще в полете?

Думала я вслух и на бегу. Болтун указывал направление зала, откуда меня несли, параллельно осыпая разнообразными эпитетами острый ум некоей девы. И с каждым из обидных слов я сейчас была согласна.

- Не топай! - неожиданно велел он мне. - Остановись!

Я согнулась, оперев руки в колени.

- Не сопи так громко!

- Что там? - отдышавшись, спросила я.

- Там у камина беседуют четверо достойных лордов.

- И почему мы должны затаиться?

- Потому что спросить и получить ответ ты можешь почти всегда, а услышать, что говорят за твоей спиной...

- Подслушивать - не достойно дворянина! - гордо сказала я и, приблизившись на цыпочках к двери, приникла к щели.

- Ты отправил сообщение в Ардери? - спрашивал Патрик.

К кому был обращен вопрос, я поняла, только когда услышала тягучий голос Гэбриела ван Харта:

- Количество наших почтовых птиц ограничено, не уверен, что новость о графе Шерези столь важна...

- Что за бред? - Виклунд громыхнул кулаком по столу.

- Этот бред ты повторишь слово в слово перед большим или малым королевским советом. Либо даже перед дознавателем, - холодно сказал ван Харт, - от встречи с которым я в нашей ситуации отнюдь не стал бы зарекаться.

Оливер пробормотал что-то неразборчиво, потом до меня донесся скрип дерева о дерево, видимо, великан прилаживал на место разошедшиеся доски столешницы.

- Дело не закончено, - продолжал канцлеров сынок. - Судя по тому плачевному состоянию, в котором находится наш... ах, простите, господа, - *ваш* друг Цветочек, заточение его не было ни легким, ни приятным.

- Лицо Басти изуродовано, - грустно сказал Патрик.

- Шрамы украшают мужчину.

Я не поняла, кто именно изрек эту пошлую сентенцию, но после нее в зале повисла тяжелая тишина.

- Он успел рассказать, где его держали?

- Нет, Гэб. Малыш грохнулся в обморок, едва успев поздороваться.

- Какая странная картина... - Звуки мандолины по обыкновению сопровождали слова Станисласа. - Этот красноглазый фахан будто наблюдает за нами.

- Если эта мазня тебе неприятна, - любезно предложил Патрик, - давай снимем ее со стены. В любом случае я собираюсь завесить здесь все стены неральдическими полотнами.

- Твой многодетный батюшка отжалеет тебе полотенце Ленстеров с крошечным клевером в уголке?

- Обижаешь, дружище. Я оплатил большой заказ гильдии златошвеек!

- Судя по всему, кто-то во время ученого совета усомнился в твоей платежеспособности! - заржал Виклунд. - И ты решил всем всё доказать!

- Это же леди, - горячо возразил Уолес. - Первая дамская гильдия в Ардере, я не мог...

- Дамы? Это многое объясняет! - скрипнуло дерево. - Ладно уж, сдерну я для вас эту мазню...

«Вдруг повреждение картины с этой стороны откроет путь Караколю?!» - подумала я и влетела в залу.

- Доброй ночи, господа.

- Басти!

- Цветочек!

- Дружище!

На столе стояли винные бутылки и разномастные то ли кубки, то ли бокалы.

- Граф Цветочек Шерези, - вяло кивнул мне меченый красавчик ван Харт.

Я посмотрела в его серо-зеленые глаза и ухмыльнулась, повернувшись к камину изуродованной щекой.

«А ведь он изменился больше остальных, - думала я, присаживаясь к камину и принимая из рук Патрика бокал с вином. - Повзрослел? Вошел в силу? Раньше он не был столь спокойно-высокомерен. Ах, кого я обманываю! Гэбриел и высокомерие всегда были синонимами, но... Святые бубенчики, как же сложно сформулировать даже не само ощущение, а тень его! Раньше надменность ван Харта была лишь игрой, но понятно это стало лишь сейчас, лишь в сравнении с прошлым!»

Я даже повеселела, справившись со столь сложной мыслью, и подняла бокал в вытянутой руке:

- За встречу, любезные лорды!

Вино было вкусным, но даже если бы во рту у меня сейчас оказался уксус, он бы мне все равно понравился, потому что в напитках главное - компания, в которой они потребляются.

- Ура!

Добрый Патрик подвинул ко мне блюдо с ломтями сыра, а добрейший Виклунд вручил горбушку серого хлеба.

- Поешьте, граф, - велел ван Харт. - О вашей способности надираться первым же бокалом вина уже слагают легенды.

- И песни! - пропел Станислас.

Лорд ван Харт сидел спиной к картине, поэтому мой взгляд невольно был постоянно направлен в его сторону. Как там Караколь? Не шевелится ли?

- Так откуда ты к нам вылез, Цветочек? - весело спросил Оливер.

Я прожевала кусок.

- Когда я, как ты любезно заметил, вылез, не было ли при мне некоего предмета?

- Например?

- Например, футляра со стрелой Этельбора в нем? - Ван Харт опустил руку в карман.

- Не открывай! - Я повалилась животом на столешницу. - И картину тоже трогать нельзя!

Друзья смотрели на меня с удивлением.

- Граф Шерези нас подслушивал? - протянул наконец ван Харт, кончиками пальцев толкая футляр в мою сторону. - Как благородно!

- Гэб, - лорд Уолес покачал головой.

- Ах, простите! Как предусмотрительно.

Я отползла обратно вместе с футляром и посмотрела внутрь, приоткрыв крышку чуть больше чем на волосок. Стрела была на месте, слава Спящему. Что же до инсинуаций меченого красавчика, они были мне безразличны.

- Я был в Авалоне! - сообщила я с уместной гордостью.

- Два с лишним года? - всхлипнул мандолиной Станислас.

Патрик бросил быстрый взгляд на ван Харта, тот едва заметно ему кивнул. Кажется, информация среди миньонов распределяется неравномерно.

- И где же все это время были вы? - Если мой вопрос прозвучал с обвиняющим оттенком, я в этом не раскаивалась.

На меня излились потоки сожалений. Они искали меня, по-настоящему искали. Королевским повелением была организована целая экспедиция по моему спасению. Они прочесали всю Ардору, от Тиририйских гор до побережья, они подняли на уши Доремар и десяток приграничных гарнизонов.

- Мы потеряли твой след... А через полгода... - Виклунд запнулся. - Я приложу все силы, Басти, чтоб заслужить твое прощение.

- Колдун, который читает мысли, был все это время с тобой? - перебил его ван Харт.

Я подумала, что кто-кто, а меченый красавчик никакого раскаяния не испытывает.

- Колдун, - строго напомнили мне.

- Со мной, - я кивнула. - А скорее со своей королевой. Он - мужская ипостась феи, их там называют фаханами. Как вы узнали, что Ригель с приспешниками скрывается именно в замке Блур?

- Мы об этом даже не подозревали. - Виклунд посмотрел на Станисласа, а другая парочка опять переглянулась.

- Любезные лорды! - весело и громко сказал лорд Уолес. - Грозный тиририйский великан и лучезарный королевский менестрель, нам с вами пришло время покинуть залу совета. Граф Шерези теперь с нами, это главное, а мне, счастливому владельцу этих величественных развалин, требуется незамедлительная помощь друзей.

- Ты поняла, кто у них главный? - ожил Болтун. - Не бойся, никто, кроме тебя, меня не слышит.

Я молча кивнула покидающим нас лордам. Кажется, меня ждал допрос.

Пока шаги друзей удалялись по коридору, ван Харт молчал.

- Проход из Авалона находится в этой картине? - он указал себе за плечо.

- Да. Я не уверен, что это именно картина. Сейчас не уверен. Время здесь и в мире фей течет с разной скоростью, вполне допускаю, что в этой раме скорее окно между мирами. С той стороны оно выглядит как мельтешение линий, а с этой...

- Умная девочка, - одобрительно поцокал тем, что у него вместо языка, Болтун. - Эффект разницы временных потоков...

Ван Харт подошел к стене, посмотрел на Караколя, потрогал кончики его крыльев, вызвав у меня приступ самой настоящей паники.

- С этой стороны проход открыть невозможно. - Он вернулся к столу и отпил из своего бокала.

- Позволь узнать, - протянула я, - по какому праву именно ты меня допрашиваешь?

- А кого ты хотела видеть на моем месте?

- Да кого угодно. - Я хлебнула вина и откинулась на стуле. - Интересно, что произошло за прошедшие годы, если ты все решаешь за всех... И прекрати называть меня в женском роде.

- Отчего же?

- Ну, хотя бы... - я повернулась к нему покалеченной щекой, - какой даме приятно напоминание об уродстве?

- Сколько времени прошло там, в другом мире?

Он смотрел на шрам с нескрываемым отвращением.

- Меньше недели.

- Рубец гораздо старше.

- Поверю тебе на слово. - Я цедила свое вино и с удивлением заметила, что порядком захмелела. - Твоя подруга Ригель-Моник проделала в моей щеке дыру, знаешь, такую, сквозь которую можно было рассмотреть зубы... Кстати, раз уж наша беседа приняла такой интимный характер, позволь спросить. Когда ты с ней спал, не замечал за ней склонности к кромсанию и разрезанию человеческой плоти?

- Ни в коей мере, - спокойно ответил ван Харт. - Когда с кем-то спишь, замечаешь другие вещи. Кто тебя излечил?

- Подгорные цверги, к которым меня оттащил Караколь.

- Это имя фахана?

- Не притворяйся. Имя ты знаешь, Патрик слышал его в подземелье ардерского замка.

Он хмыкнул, как мне показалось, одобрительно.

- Чем ты отплатила фахану за спасение?

- Глупый вопрос. Что я могла ему дать?

- Тогда зачем ему стараться ради глупой девчонки? Или, может, ты что-то ему пообещала? Обещать - не значит дать...

- Болван! - Я грохнула по столу доньшком бокала. - Нельзя ничего обещать феям! Цвергам я отдала свои волосы. О, ты себе даже не представляешь, какие локоны у меня отросли!

- За две недели?

- За два дня! Подгорные цверги - великие колдуны. Они уложили меня в волшебную остову, которая срастила все переломанные кости! А волосы! Я могла в них закутаться, как в плащ, и...

- Сейчас он спросит тебя, почему волшебная остова, излечив все раны, оставила тебе шрам, - скучающе сказал Болтун. - И вообще, Бастинда, что-то ты слишком горячишься.

Я глубоко вдохнула, наполнила из бутылки свой бокал и продолжила уже спокойнее:

- Конечно, Караколь помогал мне вовсе не из человеколюбия. Он - раб этой безумной коровы Ригель. Нет, - я подняла ладонь успокаивающим жестом, - она вовсе не растолстела до безобразия, так, распустилась слегка. Просто «корова» - немножко похоже на «королеву», а королевой я ее называть не могу...

- Ты лежала в хрустальном саркофаге?

- Почему в хрустальном? Ты слышал о таких случаях?

- Это старинная дювалийская сказка, - улыбнулся ван Харт и стал немножко походить на человека, видимо, воспоминания о детстве доставляли ему удовольствие. - Принцесса, отравленная злой мачехой в борьбе за престол, погружается в бесконечный сон, из которого ее пробуждает поцелуй прекрасного принца.

- Жаль, что с прекрасными принцами у меня не сложилось. Знаю двух, и оба... Один из них - ты, а другой - крысиный принц Караколь.

- А ты вообще не принцесса.

- Правильно, я - граф. И попрошу тебя об этом помнить!

- Вы еще долго пикироваться будете? - Болтун уколол меня за ухом. - Во-первых, мне надоело, а во-вторых...

- Итак, - ван Харт наполнил свой бокал, только не из бутылки, а из стоящего перед ним глиняного кувшина, - тебя вылечили цверги, облобызал крысиный принц...

- Знаешь, что смешно? - я говорила почти добродушно. - Если бы я не была ему, Караколю, так нужна, мы бы, наверное, не оказались в Авалоне. Ригель просто переполняли кровожадные планы. Несчастный Вальденс...

- Несчастный покойный Вальденс. Его труп мы обнаружили несколько часов назад.

- Да? - Я прошептала молитву, набожно сложив руки. - А я все думала, куда он подевался...

- Караколь.

Ван Харту, если честно, можно было посочувствовать. Я здорово захмелела, а ему,

бедняжке, приходилось разбирать мои путаные речи.

- Слышал сказание о семи подземных принцах и небесных девах? Нет? Неудивительно, мне один болтун рассказал. Дело было так. Подземный король отправил своих сыновей выполнять какие-то нелепые задания. Ну, знаешь, в счет наследства, как у этих королей принято. Ну, вот они и повстречали дев...

- А Караколь?

- Что? Ах! Точно. Караколь был как раз восьмым, и его задание было в человеческом мире. Я так поняла, это что-то вроде обязательного экзамена или обряда инициации. Юный фахан проживает с людьми целую жизнь, потом возвращается, а в его фахановом мире всего-то полгода прошло или год. Очень удобно получается, спрессованный опыт.

- Я рассказывал все совсем иначе, - фыркнул Болтун. - Но общий сюжет ты уловила.

Гэбриел слушал меня с таким нескрываемым интересом и вниманием, что я не замолкала:

- Юный глупый Караколь попал в передрыгу в ближайшем же злачном месте. Подозреваю, что это был бордель, но не уверена.

- Она его спасла, - сказал Болтун.

- Моник спасла его, - послушно повторила я. - И он поклялся ей служить. Феи, а фаханы, в сущности, - те же феи, только мужского пола, не могут изменить клятве. Вот он и служит, а так как Ригель - «золотая кость», жизнь ее гораздо длиннее человеческой...

- К тому же она из тех немногих, кто может убить фею, - кивнул ван Харт.

- Да, «золотая кость» может убить фею. А фея «золотую кость» - нет. Никто из ныне живущих не может. И тут мы переходим к той части истории, в которой замешан ваш покорный слуга. - Я, привстав, исполнила полупоклон. - Этельбор, великий канцлер прошлой династии, мог это и оставил нам, своим потомкам, чудную вещицу. - Я покивала в сторону футляра.

- Последний довод, - прошептал ван Харт.

- Ты понимаешь теперь, почему Караколь сдувал с меня пылинки?

- Он желает смерти своей госпоже.

- Кто угодно бы желал, - уверенно сказала я. - Поверь, даже ты мечтал бы об этом, окажись в ее власти. Она же... безумна. И жестока сверх всякой меры.

- Ты хочешь сказать, Моник лично душила тебя у миньонских казарм?

- Стрела не довершила начатое.

Ван Харт задумчиво провел пальцем по ободку бокала:

- Какая изящная интрига.

- Караколь очень умен! - Я хлопнула в ладоши. - Ах как он тонко подталкивает Ригель к нужным ему приказам! Ведь когда я бежала и почти умерла от ран, он заставил ее пожелать перенестись в Авалон. Без цверговой остовы я бы точно уже оказалась в чертогах Спящего, а стрела стала бы для него бесполезна.

Ван Харт смотрел на меня, но, как мне казалось, должного восхищения крысиным принцем не выказывал.

- А еще он так трогательно ухаживал за мною, заставляя поверить, что влюблен...

- Какое коварство...

- Но я была во всеоружии! Благодаря тебе, Гэбриел, я ни на мгновение ему не поверила!

Тут я слегка кривила душой. Чутьочку поверила, и даже была не против эту его страсть принять.

- И как ты собираешься отблагодарить меня за науку?

Я хихикнула:

- У меня теперь ничего нет, даже красоты.

Я всхлипнула, почувствовала, что по щеке скатилась слеза, и испуганно спросила:

- Когда темное полнолуние?

- Через два дня.

Перемены в настроении стали мне понятны – женская сущность графа Шерези просится наружу перед ликом Нобу, темной королевы.

Ван Харт налил мне вина.

- Знаешь, – я отхлебнула и дурашливо на него посмотрела, – моя благодарность за науку будет выражена в том, что я не расскажу о наших уроках твоей прекрасной невесте Дидиан ван Сол.

Гэбриел отсалютовал мне бокалом, принимая дар.

Патрик лорд Уолес вернулся в залу перед рассветом.

- Мы предали земле лорда Вальденса и его ратников.

Ван Харт кивнул и отвернулся от висящей на стене картины.

- Это похоже на какую-то казнь. – Патрик присел к столу и стал задумчиво перебирать пустые бутылки, на нем теснящиеся.

- Или на жертвоприношение. В их крови искупали меч Арктура, чтоб открыть путь в волшебный мир.

Патрик кивнул, соглашаясь. Жалости к отступнику Вальденсу никто из них не испытывал, а то, что вместе с ним погибли его солдаты... Такова, к сожалению, оказалась их судьба.

Гэбриел пошарил под своим креслом и извлек оттуда непочатую бутылку вина:

- Угощайся, я буквально в драке отобрал ее у Шерези.

- И правильно сделал. Я заглянул в спальню по пути сюда и видел нашего в усмерть пьяного Цветочка, спящего на твоей постели.

- Не забудь завтра вслух посетовать, что больше свободных жилых комнат в твоей развалюхе нет.

- Только в благодарность за добытое в бою вино.

Они помолчали, они вообще любили и умели молчать в компании друг друга. За прошедшие два года они настолько сдружились, что слова иногда были лишними.

- Скажи-ка мне, любезный ван Харт, – Патрик зевнул и вытянул ноги к едва тлеющему уже камину, – ты наконец счастлив?

- О нет, – Гэбриел покачал головой. – Я пока только доволен, дружище. Наши расчеты оказались верны, место то самое. Блюр!

- Наилближайшее к предгорьям Авалона и не принадлежащее Тарифу. Не слишком сложный расчет.

- На эту несложность мы с тобой потратили довольно много времени.

- Потому что добыть списки вальденсовых владений мне мешал лорд Мармадюк!
- Не напоминай мне о нем, - скривился ван Харт, а потом пропищал: - Это никуда не годится, цыплятки, с вашими стратегемами только против девок на сеновале воевать!
- Обманом или силою, - таким же высоким противным голосом проговорил Уолес.

И достойные лорды привычно заржали шутке.

- Кстати, о сеновалах, - ван Харт умел изменять как тон, так и предмет разговора, - ты знаешь, чем будешь кормить те десятки лошадей, которые уже послезавтра окажутся на твоих конюшнях?

- Оставьте заботы о хозяйстве хозяину, мой лорд, - гордо ответил Уолес. - Или здесь кто-то забыл, кому принадлежит замок Блюр?

- Как же об этом забудешь, если об этом напоминают каждые четверть часа?

- Кстати, о девицах, - лорд Уолес тоже умел уводить беседу в сторону. - Тебе не кажется, что то, что появление нашей девицы...

- Она джокер, Патрик, - сказал Гэбриел устало. - Джокер в любой своей ипостаси. Аврора же говорила нам об этом раз двадцать. Смысл существования джокера в том, чтоб оказываться в центре игры. То, что Басти появилась именно сейчас, может значить, что игра уже началась, или не значить ничего.

- И если игра началась...

- Я ее выиграю, и тогда, только тогда, мой друг, буду счастлив.

И Гэбриел ван Харт осторожно прикоснулся пальцами к футляру, в котором лежал последний довод последнего канцлера прошлой династии.

Глава 5

Лжец, лжец, лжец

Организовано все было наилучшим образом. Канцлер ван Хорн явно готовил заранее и побег, и обманные маневры, призванные этот побег скрыть.

Два десятка вооруженных всадников сопровождали пару повозок, которые удалялись от столицы по главному тракту на юг, дюжина стражников разбила лагерь у речной переправы к востоку от города, а сами беглецы тем временем, разделившись на два отряда, продвигались к тарифской границе, чтоб встретиться у самых предгорий Авалона.

- Мои шпионы доложили мне, что Мармадюк где-то на побережье, - пояснил секретарю ван Хорн. - А так как в нашем государстве уже стало традицией, что любое политическое событие происходит при участии лорда-шута, все решат, что королева спешит к нему.

- Среди дворцовых слуг запущены нужные слухи, - кивала леди Сорента.

Ее величество не кивала, погруженная в бессознательном состоянии в свою карету, она лишь часто и поверхностно дышала. Фрейлина взяла с собою двух служанок, заверив лордов, что прекрасно со всем управится. Лорд ван Хорн возглавил эту часть отряда, отправившись с ними.

Канцлер ван Харт путешествовал вместе со своим креслом, закрепленным веревками у борта повозки, и своим секретарем, никак к повозке не прикрепленным и оттого постоянно укачиваемым.

Через две недели ван Диормод, заметивший у линии горизонта клубы пыли, поднимаемой копытами лошадей, понял, что они встретились с передовыми силами Дидиан ван Сол леди Дювали. А еще через час леди Дидиан, вопящая: «Дядюшка Адэр, какая приятная встреча!» - тискала в объятиях слабо сопротивляющегося канцлера.

Оливер сказал, что не заметил, когда прекратился дождь.

Станислас - что фахан на картине явственно шевельнул крылом при нашем появлении.

Я же заявила, что не собираюсь притворяться женщиной.

Мы втроем вошли в каминную залу, как я ее называла, и каждый не то что думал, а даже говорил о своем.

Я была в бешенстве, о чем уже во всех нюансах просветила Болтуна, пока мы с ним занимались обычными утренними делами в клозете и умывальне. К слову, в первом из этих помещений Болтун мне торжественно поклялся закрыть как то, что у него заменяет глаза, так и то, что можно было бы счесть ушами. Так что не исключая, что какую-то часть моих стенаний он вполне мог упустить.

О великолепном плане ван Харта мне на рассвете сообщил Патрик.

- Это великолепный план, - сказал он, плюхая на мой лоб смоченное в воде полотенце. - И как только ты справишься с похмельем, преимущества его станут тебе очевидны.

- Преимущества похмелья? - застонала я.

- Да нет же. - Патрик сменил компресс и сел на краешек постели.

- Я должен притвориться женщиной, чтоб никто не догадался, что Бастиан Мартере граф Шерези опять жив?

- Басти...

Лорд Уолес погладил меня по щеке. Он знал мою тайну, поэтому нежность относилась скорее к дамской ипостаси графа.

- Тебе нужно позавтракать, милая, и выпить гадостной настойки от похмелья, которой

снабжает нас ван Харт.

- Он все еще варит свои зелья?

- Ну должны же быть у достойного лорда хоть какие-то развлечения, - Патрик пожал плечами.

А потом он ушел, а я стала злиться.

Зачем ван Харту скрывать мое возвращение? Неужели, чтоб леди Дидиан не вспомнила, что когда-то ее прочили в жены мне? Сам же гадостный ван Харт и обещал мне руку леди Дювали! Он обещал сделать меня герцогом! Где все его посулы?

- Тпру-у-у, - пытался меня урезонить Болтун. - Слабый ум! Бастинда! Ты бы определилась, чего именно хочешь от этой жизни.

- А ты бы молчал, когда тебя не спрашивают!

- А ты спроси.

- Что спросить?

- Ну, например, кто именно из четверых достойных лордов делил с тобою ложе этой ночью.

- Мне это абсолютно не интересно, - сказала я и залилась краской.

Потому что я знала, чей запах остался на моей подушке.

- И вообще, между нами, мужчинами, это называется «делить походный плащ».

Итак, после утренней рутины, доведя свое бешенство до температуры расплавленного металла, я очутилась в зале с камином и настенным Караколем, который, если верить Станисласу, шевельнул крылом при виде меня.

- Я не собираюсь притворяться женщиной! - сказала я громко.

- Он и правда движется. - Болтун пошевелил моими ушами. - Вот так.

- Почему? - Станислас поправил на переносице дужку очков. - Это ведь идеальный способ спрятать тебя до поры до времени от любопытных глаз. Да и, ко всему, это может стать довольно забавным. Отбросьте смущение, граф.

Он затренькал на мандолине и быстро пропел:

- Отбросьте граф, смущенье!

- О Спящий, я в сомненьях! - передразнила я его, взяв довольно высокую ноту.

- Я с удовольствием составлю тебе компанию. Хочешь? Будем как две подружки.

- О, лорд Доре, конечно же. Что может быть незаметнее двух мужеподобных девиц, у которых на двоих целых три особые приметы - шрам, очки и мандолина.

Я рассмеялась, Станислас исполнил куплет с рефреном «шрам, очки и мандолина».

- Он реагирует на твой пояс, - решил Болтун. - Я имею в виду фахана. Ты носишь на талии фейский артефакт, а феям близко феево.

Отвечать ему я в любом случае не собиралась. Поэтому села завтракать в компании Станисласа и Оливера, через несколько минут к нам присоединился Патрик, принесший флакончик с притертой пробкой.

При виде флакончика и менестрель, и великан слегка позеленели.

- Ну что за представление! - пожурил их лорд Уолес, сам, впрочем, держащий флакончик слегка на отлете. - Лорду Шерези нужно принять эту настойку от похмелья.

- На самом деле Гэбриел ван Харт нас ненавидит, - сообщил не в рифму лорд Доре. - Поэтому снадобье сие не только тошнотворно отвратительно на вкус и обладает запахом тысячидохлых кошек...

- Но еще и прекрасно снимает симптомы похмелья, - закончил его фразу Гэбриел ван Харт, явившийся к столу собственной угрюмой персоной.

- В том-то и коварство, милорд, - кивнул ему Патрик. - Никто не может отказаться от твоего чудесного снадобья, но на пути к выздоровлению придется еще пострадать от запаха и вкуса.

- Глупости! - Ван Харт выхватил флакон, выдернул пробку и, прежде чем я успела рассказать ему, как я его, меченого красавчика, ненавижу, запрокинул мою голову и влил в рот все содержимое флакона.

По небу будто забарабанил дождь, свежий и мятный, и защекотало череп изнутри, видно, вспучилось то самое вещество, на отсутствие которого у меня сетовали цверги.

- Ну как? - спросил Виклунд.

- Приятный вкус, - удивленно сказала я, - и запах.

Я подула в сторону Оливера, подтверждая свои слова.

Великан потянул носом, затем с негодованием фыркнул:

- Что, любезный наш лорд ван Харт, для любимчиков - все, для остальных...

- Для остальных - справедливость, - отрезал Гэбриел и уселся рядом со мной за стол.

И мы стали завтракать, как будто не было этих двух с лишним лет. Как будто после завтрака нам предстоит спешить на лекции или на ристалище. Мы болтали и подшучивали друг над другом, и мне приходилось бороться с нелепой мелочной ревностью от того, что ван Харт прекрасно обжился в компании моих друзей.

А потом как-то получилось, что за столом остались только мы с Гэбриелом, и он спросил:

- Как тебе удалось обмануть Караколя?

- Он не смог прочесть мои мысли. - Тут я поморщилась, потому что Болтун кольнул меня в висок, призывая к осторожности.

- Я не буду тебя спрашивать, каким образом. - Ван Харт посмотрел на стену. - Спрошу иначе. Сейчас он смог бы прочесть твои мысли?

- Нет, я для него зарыта, то есть закрыт.

- Прекрасно...

Я хихикнула.

- Позволь узнать, в чем причина твоего веселья?

- С возрастом ты становишься похож на обоих своих отцов, - просто ответила я. - Когда ты сказал «прекрасно», я ожидала, что ты начнешь жевать губами в манере канцлера ван Харта.

- Вот так?

- Именно! - Я опять рассмеялась.

Гэбриел наблюдал за мною искоса, это выражение лица мне тоже было знакомо. Веселое предвкушение. Он что-то задумал.

- Нас оставили с тобой наедине не случайно?

- Не собираюсь оскорблять твой ум ложью, - кивнул Гэбриел.

- Тогда не оскорбляй его и лестью. Что ты хочешь мне предложить?

- Партнерство.

Я фыркнула и замотала головой:

- Партнерство с тобой оскорбит не только остатки моего ума, но и воспоминания о совместных прошлых каверзах.

- Я уже просил твоего прощения.

- Неужели?

- Заканчивай кокетство, - велел Болтун. - Спроси его, почему он избегает вина.

Я замерла. А ведь действительно, вчера, когда мы с друзьями отдали дань хмельному, ван Харт пил из отдельного кувшина. Он пил воду!

Озвучив вопрос Болтуна, я получила в ответ лишь пожатие плечами.

- Скажи ему, что сможешь только при условии полной откровенности с его стороны.

- О каком партнерстве может идти речь? - промолвила я с дамской грустью и затрепетала ресницами, будто смаргивая набежавшие слезы. - Ты опять хочешь использовать меня втемную?

- Я не пью вина, - после паузы сказал Гэбриел.

- Почему?

- Потому что таково было одно из условий посвящения меня в ближний круг жрецов Спящего лорда.

- Их не существует, этих мифических жрецов! Лет пятьдесят или все двести...

- Они есть, Бастиана, - вздохнул ван Харт. - Теперь «они» есть, в минимальном для множественного числа количестве. Их двое, и я - один из них.

Я смотрела на Гэбриела во все глаза. Дювалийский принц настолько стремится к власти, что...

- Тебя не удивило, что наконец получив тебя в свою постель сегодня ночью, я не заявил своих прав на твое тело?

- Не удивило! Если мы оставим в стороне обоснованность твоих, как ты изволил сказать, «прав», мой шрам послужил достаточной защитой от «тру-ля-ля»!

- Шрам! - Гэбриел рассмеялся. - Ты решила, что какой-то дурацкий рубец меня остановил?

- Прекрати задавать мне вопросы, которые не требуют ответа! - Я начинала горячиться. - Да! Шрам! Да! Остановил! А что еще? Ты добивался моего несчастного тела, сколько я тебя помню! Ты хотел меня, даже когда думал, что я мужчина! Конечно, в прошлом я была довольно милостивым молодым человеком...

Виклунд, кажется, не окончательно починил хлипкую столешницу, потому что когда Гэбриел ван Харт толкнул ее, стол осел обломками.

Я пискнула, когда Гэбриел схватил меня за плечи, и продолжала пищать, когда его быстрые руки шарили под рубищем, расстегивая пояс, и застонала, когда моя грудь вжалась в его, а губы, напротив, раскрылись, принимая поцелуй.

Святые бубенчики! Как же давно я не целовалась!

- Когда придет время, глупая ты девчонка, - зло шептал ван Харт, - я устрою тебе такое «тру-ля-ля», что ты не сможешь ходить, и убью каждого фахана, которому ты это «тру-ля-ля» пообещала.

«Обещать – не значить дать», – подумала я то ли о своих обещаниях, то ли о его.

А Болтун пробормотал:

– Какой напор! Парень горяч, будто у него несколько лет не было женщины!

То, что в поцелуе нас было не двое, а некоторым образом трое, меня несколько отрезвило. Я оттолкнула ван Харта, уперевшись руками в его грудь:

– Без вина и женщин? Два с лишним года?

Он, тяжело дыша, сел в свое кресло:

– А также без мяса, сладостей, азартных игр и развлечений. Условия вступления в ближний круг Спящего лорда довольно строги.

– Надеюсь, оно того стоит.

Я нашла под ногами пояс и застегнула его на талии.

– Стоит, – уверенно сказал Гэбриел. – Только жрец Спящего может сразиться с феями и победить их.

– Все это, чтоб Караколь не мог прочесть твои мысли?

– И для этого тоже. Тебя не удивило, что наши друзья-миньоны многого не знают и предпочитают не знать? Не удивило, что тебя не мучают расспросами о подробностях твоих колдовских перемещений?

– Меня удивило, что информация в вашей компании поделена между членами неравномерно. И показалось, что ты и Патрик знаете больше.

– Тебе не показалось. Без помощи Патрика я не справился бы. Именно он корпел над фолиантами королевской библиотеки, пока мы с Виклундом зачищали от изменников вотчину Доре, именно лорд Уолес нашел способ закрыть человеческий разум от волшебства фей.

– Тогда почему он, мой самый близкий и преданный друг, сам не вошел в эту организацию жрецов?

– Потому что мы с лордом Уолесом решили, что в твоём похищении моей вины больше, чем его.

Ван Харт покачал головой и развел руками, демонстрируя искренность. Я поняла, что искренностью там не пахнет.

– Он уверен, что сможет защитить твоего красавчика, если дойдет до заварухи, – решил Болтун. – То-то я ощутил в этом Гэбе какую-то чародейскую силу, как только он оказался на пороге. А мне он нравится, Бастинда. Соглашайся! Я сейчас не о ваших постельных делах, тут он твоего разрешения спрашивать явно не собирается. Помоги ему надрать задницу тем, кто эту задницу неосмотрительно вам показывает!

– Кто наши враги? – спросила я ван Харта. – И каков твой план?

Уже потом, когда я в спальне возилась с завязками панталончиков и засовывала непослушные волосы под дамский чепчик, я смогла проанализировать все, о чем мне сообщил Гэбриел лорд ван Харт.

Болтун наслаждался как своей прозорливостью, так и намечающимся партнерством.

– Я люблю колдунов, Бастинда. А ваше человеческое жречество – это не что иное, как чародейство. Эй, девчонка, с колпаком поосторожнее, мне трудно из-под него выглядывать.

– Обращайся ко мне уважительно, – фыркнула я, поправляя завязки, – иначе я не оставлю прорезей для твоих усиков!

- А я тогда не буду скрывать твой разум от фаханов и от фей... Хотя... Было бы там что скрывать.

Я завернула край чепчика.

- Всё-всё, достойнейшая из смертных, выпутай меня из складок этой ткани, и я обещаю петь тебе дифирамбы перед сном и даже во время оно!

- Лучше перед и во время продолжай развлекать меня волшебными историями, от них больше пользы, чем от льстивых речей.

- И это правильно.

Я посмотрела на нас в зеркало. Болтун торчал усиками над моей макушкой, превратив меня в подобие девы-улитки, сказку о которой мне немедленно захотелось придумать.

- Никто ничего не заметит.

- Болтун... - Я разгладила ладонями подол жесткой крахмальной юбки, в прошлой жизни принадлежавшей какой-нибудь пухлой замковой служанке. - Объясни мне простыми словами, что такое джокер.

- Ты сейчас спрашиваешь о себе?

- В том числе. Мой достойный учитель лорд Мармадюк говорил, что моя роль - трикстер. Эти два понятия как-то связаны?

- Вряд ли, - задумался артефакт. - Трикстер, в сущности, - интриган, направляющий и плетущий заговоры. Джокер же - просто карта в игре. Сильная, конечно, но не решающая, как именно ее разыгрывают.

- Значит, я хочу быть трикстером.

- Ну тогда, Бастиана, тебе придется играть собой.

- В какой игре? Той, которую нам предлагает Гэбриел ван Харт?

- При всей моей симпатии к твоему перспективному любовнику...

- Но-но! Осторожней с формулировками!

- Ну сама посуди, интрига твоих друзей проста, как тарелка каши. Они - достойнейшие представители ардерской молодежи, достигшие в данный момент потолка своих возможностей. Если они своими силами заточат безумную Ригель в ее пузыре навечно, это поднимет их еще на ступень. Три ключевых позиции во власти будут у них в кармане. Ах ты сейчас не о политике? Извини, я сразу этого не понял. Но повторю сентенцию - сама посуди. Жениться на тебе твой колдун не сможет при всем желании, а отдать тебя другому не пожелает. Поэтому то, что он сделает тебя своей любовницей, - вопрос времени. Ну хочешь, сама у него спроси.

- Я не хочу становиться его любовницей!

- И ничьей? И лучше умрешь, чем подаришь честь...

Я хлопнула ладонью по затылку:

- Я не для того стремлюсь к власти, чтоб отдать ее за постель!

- Ты собиралась возвращаться в Шерези, утомившись этой борьбой.

- Ну так не удалилась! И сейчас я желаю говорить как раз о политике. Каковы расклады в этой игре?

- Ну, на кону точно не Дювали, долина и так в любой момент к услугам ван Харта. И он использует ее как рычаг давления на королеву, тем более что Дидиан ван Сол...

- Кстати, а чем она столь великолепна? Ты говорил мне давеча, что она великолепна, а я

не дослушала. Красота? Ум?

- Ну, она леди-коннетабль рыцарей долины. Думаешь, о чем это говорит? О красоте или об уме?

- Или скорее о том, что в ее распоряжении самая большая армия Ардеры. Леди-коннетабль?

Я даже присвистнула, и мне очень захотелось самой жениться на достойной леди. Даже если она страшнее Караколя или глупее сойки-карезы. Интересно, а Гэбриел ван Харт собирался «тру-ля-ля» меня до своей первой брачной ночи с Дидиан или после? А его Спящий лорд не будет возражать против супружеского «тру-ля-ля» с коннетаблем?

- Но, скорее всего наш сладкий колдунишка не обо всем нам рассказал... - Болтун барабанил усиками по моей голове. - Насколько я знаю...

- А, к слову, откуда ты все это знаешь? Не о волшебнo-фейских авалонских делах, а, например, о тонкостях ардерской политики?

- Мой слух, умнейшая Бастиана, превосходит человеческий в разы, я могу прочесть любое письмо с другого конца комнаты, даже если оно лежит вверх ногами...

- Меня это не убеждает.

- А моя нечеловеческая способность к самообучению тебя убедит?

- Не уверена.

- А то, что политика, в сущности, в любом из миров одинакова, отличаются лишь имена игроков и названия боевых единиц, которыми эту политику продолжают?

- Так что он нас утаил ван Харт?

- Ну, он не поведал тебе о том, что на самом деле отдал за свое посвящение.

- Вино и женщины!

- Если бы это было так просто, по вашему миру бродили бы орды голодных колдующих кастратов!

Я пожала плечами:

- Значит, Гэбриел ван Харт в очередной раз пытается использовать меня втемную. Значит, что он всего лишь хочет, чтоб я не мешалась под ногами, пока он надевает на себя дювалийскую княжескую корону.

- Тебе говорили, что твоя рассудительность граничит с безнравственностью?

- Я приму это за комплимент. Неужели кто-то еще может думать, что от одного поцелуя я потеряю голову?

- Ты пообещала ван Харту помощь!

- Обещать - не значит дать! - Я расхохоталась зло и громко.

- Ты соврала?

- Я - миньон ее величества Авроры, и верен лишь моей леди! Ради нее я буду врать и пресмыкаться перед кем угодно!

- Послушай, Бастинда, - осторожно проговорил Болтун, терпеливо переждав все три минуты моего злодейского смеха, - что бы ты там не придумала, я на твоей стороне. Не потому, что особо к тебе привязан, а потому, что точно так же, как ты, стремлюсь к власти и величию. Если я приведу тебя к победе, моя следующая ступень будет взята.

- И чем ты тогда станешь?

- Чем-то сакральным, - торжественно ответил он. - Не ниже по званию, чем меч Спящего, или...

- Это одно из трех важнейших наших дел, - перебила я. - Караколь оставил меч где-то в замке.

- А два других?

- Мы должны отправить весточку королеве и не дать ван Харту жениться на леди ван Сол, по крайней мере, пока не убедимся, что ее величество согласна на этот союз, угрожающий целостности ее королевства.

Притворяться мужчиной, который притворяется женщиной... Что может быть противоестественнее? Но пояс на мне все-таки был, под панталонами и плотным корсажем платья. Когда я наклонялась, звенья впивались в кожу, причиняя неудобство. Но я рассудила, что изменившийся голос Цветочка Шерези слишком удивит моих друзей, по крайней мере, двоих из трех.

- Какая миленькая служаночка! - Виклунд не отказал себе в удовольствии хлопнуть «служаночку» пониже спины, когда она пришла к нему на конюшню.

- А вы, наверное, тот самый достойный лорд, который дерется, как девчонка? - пропищала я жеманно и следующие полчаса бегала по двору, уворачиваясь от вставшего в боевое неистовство великана.

«Итак, на детскую обзывалку про девчонок он реагирует все так же. Наверное, и прочие его милые причуды остались при нем», - думала я, запрыгивая на Оливерову холку. Крестик, на который следовало нажимать, чтоб вывести тиририйца из безумия, был также на месте, на шее под волосами.

- Я ничего не понял, Бастинда, но ты играешь с огнем, - задумчиво сказал Болтун, когда мы с ним стояли над бесчувственным телом Виклунда в ожидании, пока он придет в себя.

- Какой из него лорд-командующий получится, с такими-то недостатками?..

- Ты бы не задавал глупых вопросов, если бы лично видел, как я обращаюсь с боевым тараном. - Виклунд открыл глаза.

- И под тараном ты подразумеваешь...

- Таран! - Оливер хихикнул. - Цветочек, клянусь бубенцами, ты покраснел!

- Я запыхался от бега!

- Как же я скучал, фиалка ты садовая!

Подсечка была молниеносной. Через мгновение я уже валялась на земле, подвергаемая щекотке и тисканьям.

- Какие у тебя пылкие друзья, Бастинда! Осторожнее! Вы меня поломаете! - вопил Болтун.

Я тоже что-то вопила и стала вопить еще громче, когда к нам ласточкой прыгнул Станислас Шарль Доре.

- На подходе красавчик Патрик, - предупредил меня артефакт. - Сейчас вы тут устройте...

Чтоб устроить что-то еще и с Уолесом, его пришлось сначала загнать к стене конюшни, затем, следуя командам будущего лорда-командующего, взять ленстерца в клещи классической атаки.

- Это бесчестно, лорды, - отбрыкивался ученый муж. - Улорда Шерези преимущество юбок, он может пинаться!

- Соперники часто имеют перед нами преимущество, - поучал издали лорд Виклунд. -

Цветочек, право, верх! Станислас, не отвлекайся на мандолину, ее никто не тронет!

Менестрель обернулся к инструменту, чем незамедлительно воспользовался Уолес: он схватил Станисласа за плечо, развернул его руку, а же присела, протиснувшись между Патриком и стеной и оттолкнувшись от нее, нанося сокрушительный удар.

- И победу в этой драке одерживает, - зычно прокричал Виклунд, - Бастиан Мартере граф Шерези в облике премоилы служанки!

Я раскланялась, сложив руки перед грудью в женской манере.

- И в награду я лишая строптивую девицу жалованья! - Патрик недовольно ворчал, поднимаясь, отряхивая одежду.

- Как можно, любезный лорд? - пропищала я, кривляясь. - Чем слуга ваша может заслужить прощение? Желаете, я почищу ваш курятник? Или как там называется помещение, где вы держите почтовых птиц? Покажете мне свои владения, мой добрый хозяин?

- Покажу, я тебе все покажу! - Лорд Уолес широким жестом пригласил меня сопроводить его. - Лорд Доре, составьте нам компанию, если не желаете ковыряться в навозе с нашим тирийским великаном.

Менестрель не желал навоза.

- К обеду здесь будет кипеть работа, - Патрик вошел в роль замковладельца. - Мы наняли для ремонта пейзаж из ближайшей горной деревушки, хотя, может, они и не пейзажане вовсе, а охотники...

С замковой стены открывался вид на мощеную дорогу, убегающую в лес.

- Вы пришли по ней пешком?

- О нет, все было гораздо...

- Интереснее! - сказал Доре.

- ...осторожнее, - закончил свою фразу Уолес. - Нам пришлось оставить лошадей у подножия и пробираться, прорубая путь через кусты.

- Не этих ли лошадей, любезные лорды? - кивнула я через стену.

- На наших всадников не было. - Лорд Доре поправил на носу окуляры.

Тем временем на дороге появлялись все новые всадники, затем - пеший отряд без опознавательных штандартов и, насколько я могла судить, без оружия.

- Это наши пейзажане, - прищурился Патрик.

- Их сопровождают рыцари долины.

- Мы ждали леди ван Сол в начале следующего месяца.

- Значит, дева решила поторопиться. А вот и она, видишь, Цветочек?

Леди Дидиан ехала верхом на белоснежном жеребце и издали была похожа на настоящую сказочную принцессу. Ее распущенные волосы струились по плечам, спадая на круп лошади, а под ними переливался всеми геральдическими цветами драгоценный плащ.

«Блондинка, - подумала я с отвращением, - и кривляка».

Мои друзья приветственно махали руками со стены, она, заметив это, сжала бока скакуна, поднимая того на задние ноги.

Расстроив ее брак, не испытаю ни малейших душевных терзаний.

- Тысяча дохлых фаханов! - вдруг сказал Виклунд, бесшумно появившийся рядом со мной. - Посмотрите только, кто притащился в Блюр!

Повозки такой странной конструкции мне раньше видеть не приходилось. На помосте, снабженном невысокими бортами, крепился массивный трон. Я моргнула, присматриваясь. Трон с колесами по бокам.

- Канцлер ван Харт! - ахнул Станислас.

- С верным ван Диормодом, - кивнул Оливер. - Это его секретарь, Цветочек, видишь, он сидит у изножия кресла, свесив ноги?

Зеленый оттенок секретарского лица виден был даже с такого расстояния.

- Надо сообщить Гэбу новости! - Патрик быстро пошел прочь.

- Не доверяет старикан сынуле, - протянул Оливер. - Ох не доверяет.

«Милый старикан, - подумала я. - Я тоже его сынуле ни на грош не верю».

А потом мне пришло в голову, что в браке Гэбриела с леди ван Сол канцлер ван Харт заинтересован больше прочих, а значит, у меня появился еще один соперник.

Встречать гостей я не осталась. По словам Станисласа, почтовые птицы содержались в северной башне. Я даже не потрудилась быть осторожной в расспросах. Спросила прямо, получила столь же прямой ответ, даже без уточнений причин моего орнитологического интереса.

У клеток с птицами на ящике лежали писчие принадлежности и ворох тонких бумажных полос. Я быстро написала на одной ленте: «Всегда к услугам своей звезды. Миньон граф Шерези», - и, свернув послание трубочкой, засунула его в легкий берестяной патрон. Патроны были ссыпаны в миску на манер сухой фасоли, к каждому из них крепились тончайшие завязки из конского волоса.

Птица оказалась покладистой или хорошо обученной. Когда я, приоткрыв клетку, засунула внутрь руку, пичуга доверчиво прыгнула мне на ладонь.

Я набросила петельку патрона на птичью ножку и осторожно извлекла из клетки своего гонца.

- Ты уверена, Бастинда?

- Я хочу, чтоб королева знала, что ее миньон опять в мире живых и что она может рассчитывать на его верность.

- И ради этого ты собираешься потратить почтовую птицу? - Гэбриел ван Харт вышел из дальнего угла.

- К вам там невеста приехала, - сказала я, поджав губы, - с батюшкой и секретарем. А лорд Уолес с ног сбился, чтоб вам эту новость сообщить. А вы, оказывается, здесь прячетесь.

- С кем ты говорила?

- Сама с собой, - пожала я плечами. - Иногда людям с тонкой душевной организацией хочется поговорить с кем-то равным.

- А так как равных тебе нет... Кто из моих батюшек к нам приехал?

- Канцлер.

- Кто из канцлеров?

- Тот, у которого есть секретарь...

С каждым словом меченый красавчик приближался ко мне, я отступала. Наконец он, потеряв терпение, ринулся в атаку, я отпрыгнула к стене и просунула руку в узкую

бойницу.

Ван Харт схватил меня за плечи, но я уже разжала ладонь, выпуская птицу в небо.

- Можешь теперь меня наказывать, - я повернулась к ван Харту лицом.

- С удовольствием.

Наказывать он меня решил основательно, для начала расстегнув мой пояс. Но планам его палачества мешал плотный корсет и завязки панталончиков.

- Всё-всё, - хихикала я, отталкивая ван Харта. - Будем считать, что ты наказал меня щекоткой!

- Размечталась! Моя ценная почтовая птица стоит гораздо больше!

Раздался треск ткани, юбка поехала в сторону, корсаж разошелся по шву. Я пискнула, когда холодные ладони ван Харта добрались до обнаженной кожи.

- Как дети, честное слово, - сокрушался Болтун. - Даже я, бесполое, в сущности, создание, понимаю смысл этих игр...

Ван Харт победно поднял над головой пояс:

- Это наказание за своеволие.

- Что? - с моего лица сползла улыбка.

- Без него ты не посмеешь подойти ни к кому из королевских миньонов, следовательно, лишишься помощи в каверзах.

- Отдай.

Он покачал головой, смотря на меня с хитрецей.

- А знаешь, Гэбриела, мне пришлось в голову, что ты ни разу меня не целовала.

- Двойная ложь! Меня зовут иначе и...

- Нет-нет! - Он встряхнул поясом. - Всегда целовал тебя я, а ты отвечала или не отвечала. Сделаешь это? Подаришь мне настоящий страстный поцелуй?

- И ты вернешь мою вещь?

- Обещаю.

Я приблизилась, он отвел за спину руку с моим артефактом. Болтун что-то болтал, видимо, предостерегающее. Я же поднялась на цыпочках и поцеловала ван Харта в его лживый рот. Губы мерзавца не дрогнули. Я усилила нажим.

- Недостаточно пыла, - вяло пробормотал ван Харт.

Но он открыл рот, и я ринулась в атаку. Когда мой язык проник внутрь, крепость пала, меченый красавчик громко задышал, схватил мои бедра, приподнимая их, и ответил на поцелуй.

- Еще немножко, и пояс тебе не понадобится уже никогда! - Болтун наконец привлек мое внимание.

Я отстранилась, Гэб чуть разжал руки, позволяя мне опуститься на пол, а затем дернул на себя серебряную цепь, когда я ее почти получила.

- Ты обещал! - закричала я и топнула ногой.

Он криво улыбнулся и одними губами прошептал: «Обещать - не значит...»

А потом это эталонное его мерзейшество развернулось на каблуках и удалилось из башни, на ходу засовывая мой артефакт в карман камзола.

- Какая ты дурочка, Бастинда, - умилился Болтун.

А у меня разрывалась грудь от унижения и ярости.

В северной башне я просидела до полудня. Когда лорд наш Солнце... Ах, к фаханам эти округлые фразы о времени суток! Внизу кипела жизнь, по двору и галереям сновали слуги и ратники, через перила переваливались ковры, из которых выбивались клубы пыли, на просматриваемом с башни пяточке выгуливали по кругу лошадей. Я даже пару раз видела королевских миньонов. То один, то другой появлялся ненадолго с указаниями слугам. Болтун молчал. Он поначалу пытался развлечься беседой, но я наградила его дожиной или даже сотней обидных словечек и велела заткнуться. Предатель с нечеловеческим слухом! Как же он не учуял, что в птичьей башне мы не одни? Как он мог позволить подобраться ко мне злокозненному ван Харту? Я предъявлю претензии подгорным цвергам! Они подсунули мне абсолютно бесполезные бубенцы! Я потребую обратно свои волосы, даже если они будут из металла и прорастут внутрь моей головы!

- Полдень, - осторожно сказал артефакт, когда в животе у меня заурчало от голода, и Болтун смог притвориться, что я первой прервала молчание. - Если мне позволено будет предложить... И, к слову, я действительно не учуял в башне ван Харта. Кажется, он гораздо сильнее, чем я мог предполагать.

- Надо его напоить, - мечтательно протянула я. - Подлить в кувшин крепкого вина, чтоб поганый обманщик не сразу понял, что именно пьет.

- А потом овладеть для надежности, нарушив оба его зарока.

Я хихикнула, представив надругательство над беспомощным меченым красавчиком.

- Что ты там предлагал?

- Если ты не можешь спуститься во двор, мы сможем пройти по стене на запад, там есть переход на балюстраду.

- Раньше сказать не мог? - возмутилась я и, не слушая оправданий, отправилась к переходу.

С этой самой балюстрады я когда-то сиганула в реку. Мне стало любопытно, в каком именно мире я тогда находилась. Следов крови на камнях не было, но причиной этого могла стать уборка, которую только что закончила стайка девушек-служанок. Они как раз спускались вниз с пустыми уже ведрами. Я дождалась, пока последняя из них скроется, и прошла к арочному входу этого этажа.

- Патрик лорд Уолес умеет организовать хозяйство, - похвалил моего друга Болтун. - Куда тебя вести? Хочешь дождаться ван Харта в его спальне?

- Глаза бы мои его не видели!

Я все еще чувствовала злость и унижение.

- Не могу этого гарантировать. И причина тебе известна.

- Мне нужны покои Патрика, - решила я. - Он знает мою тайну, так что ни девичий голос, ни прочие... гм... округлости его не шокируют. Ты знаешь, где спальня хозяина, Болтун?

Он конечно же знал или предполагал, что в его случае - почти одно и то же. Он слышал одновременно сотни голосов находящихся в замке людей, разбирал слова и фразы.

- В другое крыло. Пройди насквозь залу, ну это не совсем зала, а нечто вроде анфилады. Дальше лестница и коридор, внешняя лестница...

Хорошо, что он не молчал, так я не трусила, а походка моя приобрела уверенность.

- Это здесь, Бастиана, но не спеши входить, там...

Я толкнула дверь и ворвалась в покои.

«Первым делом я попрошу лорда Уолеса доставить мне обед, а затем...»

Я быстро присела, поэтому золоченый сапожок ударился о наличник, а не размозил мне череп.

- Какого фахана?! - раздраженно спросила леди Дидиан глубоким контральто и посмотрела на другой сапожок, который пока был в ее руке.

- Лорд Уолес прислал меня служить вам!

Подниматься я не спешила, был шанс, что эта поза сойдет за поклон.

- Откуда у лорда Уолеса найдется в этом захолустье горничная? - Леди ван Сол разжала пальцы и проводила взглядом рухнувшую на пол обувь. - Меня надо причесать и одеть! Я путаюсь в этих фахановых дамских тряпочках!

Леди Дидиан показала фахановы тряпочки, видимо, некоей потусторонней сущности, потому что подняла полу плаща и погрозила ею небесам.

Я распрямилась и несмело приблизилась. Через несколько шагов странные телодвижения дювалийской леди стали мне понятны. Драгоценная булавка, скрепляющая ворот плаща, погнулась и защемила один из белокурых локонов. Любое движение головой причиняло девушке боль.

- Я помогу вам, миледи, - проговорила я самым успокаивающим тоном, на который была способна. - Сейчас я освобожу вас.

Булавка не желала отпустить добычу, застежка тоже погнулась, завязав металл твердым узлом.

- Возьми меч и отрежь, к фаханам, эти патлы!

«"Фаханы" и «патлы» не должны произноситься таким голосом», - подумала я, но вслух сказала:

- Как можно, миледи... Ваши прекрасные волосы...

- Пусты меня, - велел Болтун и потянул стебельки за моими руками, я наклонилась, чтоб ему было удобнее, и вскоре зловредная булавка звякнула обломками на полу.

- Уфф... - Леди Дидиан помассировала голову обеими руками и плюхнулась спиной на кровать. - Благодарю за службу, солдат!

Что на это отвечать, я не знала, поэтому просто поклонилась, сложив перед грудью руки.

- Патрик лорд Уолес предоставил мне свои личные покои, - продолжала леди доверительно. - Я, оказывается, примчалась в Блур гораздо раньше намеченного срока и несколько спутала достойным лордам все карты... Как зовут?

- Простите, леди? - переспросила я после паузы и тычка за ухом от Болтуна.

Дело в том, что я не слушала будущую леди ван Харт, рассматривая ее. Она действительно была великолепна. Без всяких «но». Высокая, соразмерно сложенная, с выдающейся грудью и прекрасной осанкой, которая, как я предположила, выработалась годами усердных тренировок. Еще у нее были высокие дювалийские скулы и голубые глаза, чуть более светлые, чем предписано романтическим каноном, но, так же, как и скулы, намекающие на происхождение дювалийской леди.

- Как тебя зовут? - повторила леди Дидиан громче и медленнее.

- Бастин... да... - с запинкой ответила я.

- Откуда?

Я лихорадочно подумала, что, представившись местной пейзажкой, рискую. Я не выучила ни одного здешнего названия и не буду узнана предполагаемыми односельчанами, если дойдет до расспросов, поэтому с поклоном сообщила:

- Лорд Уолес привез меня из столицы, чтоб вы, миледи, пользовались мною на свое усмотрение.

- Чудесно, Бастинда! - Она поставила ударение на последней «а», что заставило меня сдерживать рвущийся наружу смешок. - Назначаю тебя своим личным адъютантом! Нет! Фах-хан!.. Горничной! Нет!.. Фрейлиной!

От обилия свалившихся на меня должностей впору было растеряться.

- Меня, знаешь ли, с детства окружают одни мальчишки... А то, что они выросли... Не все, разумеется, а только те, кто выжил... Мужчины, знаешь ли, имеют дурацкую привычку гибнуть в сражениях... - Леди Дидиан широко зевнула. - Ты умеешь шить?

Я кивнула.

- А одевать настоящих женщин и причесывать их?

Я опять кивнула.

- Ты немногословна. - Леди ван Сол пошевелила босыми ногами и посмотрела на свои пальцы, будто советуясь с ними. - Твой шрам, Бастинда, он получен в бою?

- Вследствие несчастного случая, миледи.

- Вследствие, - протянула она. - Надо же... Столичная ты штучка. Шрам так шрам. Если тебя кто-нибудь будет им дразнить, скажи мне.

- И что тогда произойдет? - уточнила я на всякий случай.

- Я нарисую обидчику точно такой же своим клинком... - Она опять зевнула.

Я почтительно ждала продолжения фразы, но услышала лишь спокойное размеренное дыхание.

- Она, кажется, уснула, Бастинда! - Болтун тоже нажал на последнюю «а» и злорадно захихикал. - Поздравляю с повышением. Личная прислуга жены колдуньки! Как удобно. Я бы даже сказал, вдвойне удобно, и ему, и тебе. Будете наставлять воинственной леди рога, далеко не отходя от супружеского ложа.

Я посмотрела в спокойное лицо Дидиан. Она была как дитя, наивное и безмятежное. И этого ребенка я собиралась обвести вокруг пальца? Стыдитесь, Шерези!

- О чем задумалась? - спросил Болтун, когда я, выйдя из спальни, присела в первое попавшееся кресло у окна.

Теперь я могла ему отвечать.

- О том, что мне хочется защитить леди ван Сол от фахановых интриганов. И о том, что она достойна лучшего, чем служить разменной монетой в политической сделке.

А еще меня посетила мысль, что молниеносные перемены моих настроений абсолютно точно связаны с приближающимся полнолунием Нобу и женскими неудобствами, которые мне оно сулит.

Группа беглецов во главе с канцлером ван Хорном продвигалась в направлении Блюра гораздо медленнее, чем ему хотелось.

- Очередной привал? - вскричал опальный канцлер, когда на исходе третьей недели путешествия леди Сорента велела отряду остановиться.

- Ее величеству стало хуже, - пояснила фрейлина, поджав губы. - Ей требуется отдых от бесконечной тряски.

- Неужели ничего нельзя сделать? Мы уже отстали от плана почти на неделю!

- Выбирайте, милорд: либо мы разбиваем лагерь немедленно и продолжаем путешествие на рассвете, либо в замок прибудет тело покойной королевы!

Ван Хорну послышался серебристый смешок, донесшийся из закрытой повозки ее величества.

- Ее величество бредит, - грустно покачала головой леди Сорента. - Она часто смеется или напевает песни, не приходя в себя.

Канцлер подумал, что кончина королевы Ардерской в его планы не входит.

- На рассвете, Сорента? Вы обещаете?

Фрейлина уверенно кивнула, и ван Хорн велел отряду спускаться в лощину, где в излучине неширокой реки виднелось ветхое строение.

- Прекрасный выбор, милорд, - одобрила его решение фрейлина, рассматривая вывеску придорожного трактира, которым это строение оказалось при приближении. - Под крышей, защищенная от сквозняков, наша любезная Аврора отдохнет и наберется сил.

К вечеру Гэбриел лорд ван Харт был раздражен просто до предела. Ван Диормод смог почувствовать это в полной мере, когда наследник хозяина отловил несчастного секретаря в коридоре замка и, бранясь, как площадной забияка, затолкал его в ближайшие покои.

- Быстро, Диормод, - заявил Гэбриел за закрытой и запертой на ключ дверью, - у меня нет ни времени, ни сил на политес. Зачем?

- Что именно вас интересует, милорд?

- Зачем ты притащил сюда старикана? Спящий, храни моего достойного родителя!

- Это было его решение, - испуганно возразил секретарь.

- В этом у меня нет ни малейших сомнений. Ты, кажется, спрашиваешь его соизволения даже на посещение клозета.

Ван Диормод мог оскорбиться и, к примеру, вызвать наглого аристократа на дуэль. Хотя нет, не мог. Дуэль имела бы предсказуемый и печальный для секретаря финал. Поэтому он не оскорбился и даже не обиделся.

- Может быть, при всем моем почтении, милорд, вам стоило бы задать вопрос канцлеру лично?

- Я задал! - Ван Харт опять выругался. - А потом битый час приводил в чувство старого комедианта! С ним стало трудно, Диормод. Он в полной мере умеет извлекать выгоду из своей болезни.

Секретарь кивнул, соглашаясь. А потом подумал, что, вполне вероятно, видит сейчас перед собою будущего монарха.

- Что ж... - начал он с поклоном. - Причина визита заключается в том...

В середине откровенного обстоятельного рассказа ван Харт прервал молодого человека и, распахнув дверь, велел кому-то из спящих по коридору слуг разыскать и привести сюда Патрика лорда Уолеса, и чтоб тот прихватил с собою карту Оливера лорда Виклунда.

А когда рассказ почти приблизился к финалу, повествуя о случайной встрече с передовой дювальной конницей леди Дидиан, в покои явился лорд Уолес с картой лорда Виклунда и самим лордом, несущим эту карту перед грудью. Лорд Доре явился названным, но тоже нес перед грудью нечто - бренчащую мандолину.

Ван Харт кивнул миньонам, выхватил карту и расстелил ее прямо на полу скудно меблированных покоев.

- Повторите свою историю для моих друзей, ван Диормод, будьте столь любезны.

Секретарь, польщенный уважительным обращением, начал с самого начала, а лорды Виклунд и ван Харт опустили на четвереньки, отмечая на карте места, ван Диормодом

называемые.

Потом секретарь удостоился благодарности наследника и заверил, что о сегодняшней беседе лорд Адэр не узнает. За что его пожурили и напомнили о верности и вассальной клятве.

- Ну и зачем ты издеваешься над бедным юношей? - спросил Гэбриела Станислас, когда дверь за секретарем закрылась. - Он был с тобою покладист и откровенен.

- Я слишком зол, чтоб щадить чужие чувства.

Менестрель понимающе вздохнул.

- Твой бывший родитель великолепно все рассчитал. - Лорд Виклунд лежал животом на полу и подниматься не спешил. - Я бы и сам, при этих исходниках, направил преследование к побережью.

Лорд Доре тоже посмотрел на карту:

- Не о том думаете, господа. Я, конечно, не большой знаток картографии, но съем профессорскую шапочку Патрика, если наша королева не посетит по пути тот самый постоянный двор, воспоминания о котором до сих пор заставляют стоять дыбом мои волосы.

- Ты прав, дружище. Хотя вынужден тебя предупредить, что шапочку в путешествие я захватил, и если ты голоден...

- Я не могу покинуть Блур, - сказал ван Харт.

- Ты, разумеется, должен сторожить фаханову картину с фахановым фаханом.

- Вечером он повернул голову в профиль. - Станислас извлек из инструмента тревожный аккорд. - Надеюсь не застать момента, когда его крючковатый нос проткнет полотно.

- Как пожелает милорд. - Виклунд поднялся на ноги и поправил перевязь. - Мы с тобой сейчас же отправляемся на небольшую прогулку.

- Куда?

- Спасать наше драгоценное величество, разумеется. Гэбриел останется сторожить крючковатый нос, Патрик будет сторожить сторожа, а мы с тобой вернемся в столь поразившее тебя место.

- Ужаснувшее место!

- С ужасом, любезный лорд, - наставительно сказал Виклунд, - надо бороться методом преодоления. А пока мы будем махать мечами, возвращая твою храбрость, поразмысли, как и чем мы будем развлекать ту уйму народа, которая вскорости окажется в замке Патрика лорда Уолеса.

- А мы еще кого-то ждем?

- Судя по задумчивому виду лорда ван Харта - нашего Гэба, а не Адэра, вид которого, если честно, не внушает оптимизма, я предположу, что одна из почтовых птиц сегодня отправится в столицу с сообщением для королевского совета. Так что да, будет очень многолюдно.

- Ты хитрый фахан, Оливер! - Ван Харт одобрительно рассмеялся. - Ван Диормод предупреждал, что ее величество очень слаба...

- Не пытайся контролировать абсолютно все!

- Не буду.

- Если бы ты женился на королеве ардерской, я бы, конечно, не посмел так с тобой разговаривать.

- Самое забавное, что если бы леди Дидиан не примчалась в Блур раньше намеченного, мне бы действительно пришлось...

- Ну да, сейчас оба канцлера нейтрализованы военным преимуществом дражайшей леди ван Сол.

- Но-но! - прикрикнул ван Харт. - Вы, все трое! Стерли с рож мечтательные ухмылки! Это Дидиан, и я не потерплю нескромных поползновений в ее сторону.

- Ревнивец и тиран, - решили миньоны.

А затем двое из них отправились в спасательную экспедицию.

Глава 6

Урок любовной геометрии

Лорды Уолес и ван Харт решили ожидать возвращения друзей в зале с картиной. Это было, пожалуй, единственное в замке помещение, которого сегодня не коснулась уборка. Слуги сюда также не допускались, поэтому достойные лорды лично сервировали свой скромный ужин.

- Позовем Цветочка? – спросил Патрик, расставляя на покачивающейся столешнице приборы. – Ты знаешь, где его носит?

- Скорее всего *он*, – на слове «он» Гэбриел многозначительно приподнял бровь, – в эту самую минуту меряет шагами мою спальню, ожидая, когда я соизволю кое-что вернуть.

Серебряный пояс лег у кувшина с водой.

- Однако! – Патрик неодобрительно хмыкнул. – Не слишком ли жестоко?

- Скорее предусмотрительно. Фахан, – тут Гэбриел кивнул в сторону картины, – каким-то образом реагирует на присутствие этого артефакта. Я не хочу оказаться не первым, кого он обнаружит, выбравшись наконец сюда.

- Теперь мне понятно. Бедняжка весь день пряталась от Станисласа и Оливера, чтоб не попадаться им на глаза. А ей ты свои действия пояснить соизволил?

- Ты распорядился подготовить покои для ее величества?

- Если любезный лорд ожидает, что я попеняю ему желанием контролировать каждую мелочь, он ошибся. Я сообщу лорду, что его попытка сменить тему беседы потерпела сокрушительное фиаско.

- Я скорее ожидал, что профессор в ответ спросит меня, отправил ли я весточку в столицу.

- Профессор спросит. Отправил?

- Да. Покои?

- Конечно.

Они отсалютовали друг другу бокалами.

- Надеюсь, парни справятся с задачей, – после довольно продолжительного молчания сказал Уолес.

- Да куда они денутся? Как только Станислас осознает, что сила и мощь его друга бессильна перед феями...

- Ты все так же уверен, что музыка может служить оружием?

- Я видел, как корежило... Как его, то бишь, звали? Силá? Точно, он еще притворялся трактирщиком, пока не понял, что их маскарад раскрыт.

- Он среагировал на мелодию?

- Скорее на звук. Станислас споткнулся, мандолина вознеслась, от ее струн... Это выглядело как круги, расходящиеся по воде. То есть в этот миг звук стал видим, и судя по тому, что случилось с чудовищем, вполне осязаем.

- Жаль, что мы их не убили.

- Смертный не может убить фею, в отличие от «золотой кости».

- Дружище! – Патрик хлопнул себя по лбу. – Аврора ведь может! Она – «золотая кость».

- В профессуру королевского университета стали набирать кого попало, – простонал

Гэбриел.

- Ты знал?

- И ты, и все об этом знают!

- погоди. Я спрошу иначе. Ты помнил? Ты осознавал, что ее величеству ничего не грозит, когда снаряжал экспедицию по ее спасению?

- Отвечу тебе молчанием, полным грустного недоумения и скорби, твоя недалекость причиняет мне страдания.

Патрик порывисто перегнулся через стол и заключил друга в объятия:

- Дай я тебя расцелую, бука ты эдакая! Я неделями ломал голову над тем, как заставить Станисласа вновь почувствовать свою важность и нужность! Он же явно в последнее время тосковал.

- Только с профессором я сегодня не целовался! - Ван Харт картинно прикрыл глаза ладонью. - Направь свою страсть в более естественное русло. Обрати ее на дам. Например, на нашу госпожу, сиятельную Аврору, которую мы вскорости будем с восторгом лицезреть.

Патрик отодвинулся, налил себе вина и задумчиво проговорил:

- Ты стал бы хорошим королем, Гэб. Правда, без обиняков, - хорошим. Ты наслаждался бы властью, блюдя при этом интересы подданных. Может быть, идея твоих отцов не так уж дурна? Не спеши возражать. Подумай. Если решиться на этот шаг тебе мешает тревога за судьбу Дидиан, я прошу у тебя ее руки.

- Ты влюблен в мою леди ван Сол? Я видел сегодня, как вы ворковали на балюстраде.

- Конечно же нет! Дидиан? - Уолес громко расхохотался. - Сильная и неловкая, приходящая в смущение от любого взгляда или улыбки. Она может вызвать лишь опасливое восхищение! Она просто благодарила меня за предоставленные ей покои. Если со стороны это могло показаться воркованием...

В коридоре что-то гроыхнуло, звякнуло, покотившись по полу.

- Что произошло?

Ван Харт вскочил, распахнул дверь:

- Нас подслушивали!

- Надеюсь, не леди ван Сол, - равнодушно пожал плечами Патрик. - Этот коридор соединяет кухню с парадными залами. Думаю, это просто служанки уронили что-то по неосторожности и бежали, опасаясь моего гнева.

- Я тебя на время оставлю, - сказал Гэбриел, пряча в карман серебряный пояс.

- У меня неплохая компания! - Уолес щелкнул пальцами о горлышко бутылки. - Надеюсь, ее величество прибудет раньше, чем я надерусь.

Ван Харт отправился в свои покои, и на губах его играла предвкушающая улыбка, которая, впрочем, сменилась сначала удивленной гримасой, затем раздраженной. А когда благородный лорд не нашел своей Бастианы ни на кухне, ни в северной башне, ни в еще десятке мест, им овладело бешенство.

Гэбриел ван Харт лорд Дювали терпеть не мог моментов, которых не мог просчитать.

Сон леди Дидиан длился ровно четверть часа. Такой вот ратный, фахан его дери, обычай. Поэтому сбежать вовремя и незаметно мне не удалось.

- А я тебе говорил, - интонации сварливой жены Болтуну давались без труда. - Говорил - руки в ноги? Говорил - давай смоемся, пока она не проснулась?

Надоел! Я прихлопнула его ладонью.

- Что, Бастинда, хода нет? - Дидиан торжествующе хмыкнула. - А считается, что новичкам в картах везет.

Вечерело. Леди скучала (под леди я подразумеваю сейчас вовсе не свою скромную особу) и поэтому обучила меня правилам некоей карточной игры.

- Ну почему же?

Я торжественно бросила поверх стопки шестерку.

- Это меньше, чем туз!

- Ты сама в самом начале говорила, что единственная карта, которую бьет шестерка, - это туз и есть!

Мы уже часа три были на «ты» с леди, и это обращение не вызывало ни у нее, ни у меня никаких возражений.

- Фах-хан! - Дидиан проводила грустным взглядом стопку выигранных мною карт. - Могла бы и сделать вид, что забыла.

- Ты привыкла, что твои командиры тебе поддаются?

- Поэтому и перестала коротать время за игрой в их обществе.

Командиров этих я уже видела. Покои лорда Уолеса посещались подчиненными леди-коннетабля с какой-то ритмичной регулярностью. Настоящие вояки, я бы даже сказала - головорезы, ветераны, лица и доспехи которых украшали шрамы нешуточных битв. Им требовались приказы. И леди ван Сол приказывала. Слова леди отличались четкостью и простотой, что говорило как о ее светлом уме, так и об отсутствии нелепого высокомерия. Я вообще преисполнилась к своей случайной хозяйке немалого уважения.

- Ты выиграла! - Дидиан смешала на столе карты и откинулась на спинку кресла. - Мне скучно!

- А как ты обычно развлекаешься, я имею в виду в свободное от войны время?

- Тренировками, - пожатие плеч. - А еще турнирами и тренировками перед ними, а еще зубрежкой стратагем.

- Чтение романов?

- Не люблю. Подобные истории слишком живо напоминают мне о том, чего я лишилась, выбрав стезю воина.

- Мне тоже казалось, что это скорее мужской путь. У тебя же есть брат!

- Ты знакома с Дэни?

С пажом-дювалийцем, кузеном ван Харта? Еще бы я его не знала! А может ли знать этого юношу девушка Бастинда?

- Я видела его пару раз во дворце. И он нисколько не похож на тебя.

- Да, братец получился мелковатым. - Дидиан хихикнула. - Да и получился он у родителей, когда я уже командовала своим первым полком. Ван Сола, знаешь ли, исторически должны чем-нибудь командовать.

- Дэни не такой.

- Я тебе больше скажу: он настолько «не такой», что добавляет седины моему достойному батюшке. Он же занимается танцами!

- Не вижу в балете ничего зазорного для мужчины.

- Ты и в балете его видела?

Я не могла ответить прямо. Особо врать не хотелось, вполне может случиться, что за прошедшие годы Дэни ван Сол достиг в балете невиданных высот. А то, что я помнила...

- Когда он танцует, его глаза зажигаются светом искусства, - наконец сказала я. - Есть когорта людей, одаренных волшебным огнем при рождении. Не знаю, чей это подарок - Спящего или фей, но пренебрегать им - грех!

Дидиан одарила меня удивленным взглядом:

- Я запомню эти твои слова, Бастинда, и повторю их родителю, когда он в очередной раз станет поносить нашего малыша.

- Пользуйся на здоровье. - Я потянулась в своем кресле. - Чем займемся? Раз чтение нас не интересует, предлагаю привести себя в порядок и прогуляться на балюстраде.

- Я встретила там сегодня Патрика лорда Уолеса...

- Она покраснела? - оживился Болтун. - Точно покраснела! У нашей боевитой госпожи чувства к твоему красавчику?

- Думаешь, Патрик бродит там до сих пор? - спросила я Дидиан, поднимаясь. - В любом случае, если мы встретим его, то будем во всеоружии.

Следующий час мы занимались приятными девичьими делами: потрошили дидиановы сундуки с приданым, буквально купаясь в разноцветном шелке, расчесывали ее волосы драгоценными гребнями, закалывали локоны сотнями шпилек.

- Тебя тоже надо приодеть, - решила леди-коннетабль, любуясь собою в зеркале.

Полюбоваться, к слову, было на что. Платье я ей выбрала лазоревое, с чуть более светлым атласным лифом и квадратным глубоким вырезом. Шея Дидиан, и без того длинная, стала изящно-бесконечной, а ложбинка между грудей, которую обеспечил плотный и жесткий лиф платья, манила даже Болтуна.

По крайней мере, что-то такое он болтал у меня над ухом, пока я застегивала на шее Дидиан ониксовую треугольную подвеску.

- Это же герб ван Хартов?

- Подарок жениха.

Я неловко дернула цепочку, отчего леди взвизгнула, но не пошелохнулась.

- Воинская выправка, - похвалила я Дидиан. - Прости мою неловкость.

- Дело житейское, - ответила она, а потом быстро спросила: - Гэб тебе неприятен? Подожди, Бастинда. Ты сейчас ответишь - «нет, с чего бы это», а я обижусь на ложь. У тебя за время нашего знакомства могло создаться впечатление, что я - наивная дурочка. Оно в корне неверно. Есть уйма вещей, в которых я ничего не понимаю, - какие-то дамские премудрости или флирт. Но то, что касается слов, тона, которым они сказаны и выражения лица во время разговора, я считываю без труда. Я, знаешь ли, командир, и всегда должна знать или догадываться, о чем думает другой человек.

Я вспомнила, с каким подчеркнутым уважением ведут себя с леди-коннетабль ее подчиненные, и решила, что она не хвастается и не преувеличивает.

- Я ненавижу твоего жениха. Я боюсь Гэбриела ван Харта и не доверяю ему. Если ты читаешь людей как раскрытые книги, ты должна это недоверие разделять.

Застежка наконец защелкнулась, и я опустила подвеску.

- Раз мы с тобой подруги, - Дидиан развернулась ко мне, даже не взглянув в зеркало, - я тебе скажу: Гэб вовсе не такой, каким может показаться. Иногда он груб, иногда слишком расчетлив, но благороден и добр.

- Добр? До тебя доходили слухи о том, какой невероятной интригой он добился отречения от него лорда ван Хорна?

Дидиан покраснела и опустила очи долу:

- Я не в восторге от интриг и сторонюсь их. Но дядюшка Гэбриел многое сделал для того, чтоб потерять сына. И кроме бесконечных побоев и унижений...

Дидиан вздохнула, отчего оникс блеснул в свете свечей.

- Там осталось что-нибудь от нашего обеда?

Это было второй причиной, почему я не бежала от новой хозяйки. Она покормила меня обедом. Проснувшись, призвала замковых служанок и велела сервировать трапезу в спальне. На две, заметьте, персоны. Ну не милашка ли?

- Вино?

- Именно то, что надо.

Она подошла к разоренному столу и налила в бокал бордового дювалийского.

- Гэбриел с самого детства был несчастен. И это грех обоих его родителей.

- Ван Харта и ван Хорна?

- Лорда и леди ван Хорн. Для нее сын служил лишь способом держать в узде супруга, а для него - досадной помехой. Что бы ни делал юный ван Хорн, ничто не радовало супругов. Когда леди ван Хорн отошла в чертоги Спящего и мальчика взял к себе дядюшка Адэр, лучше, вопреки ожиданиям, не стало. Бедняжку настолько стремились закалить и подготовить к любым невзгодам, что держали впроголодь. А спал он, представь, на полу, пока не уехал получать ученую степень в Тарифском университете.

- Вы с самого детства знакомы?

Я вдруг вспомнила, как Гэбриел, тогда еще ван Хорн, выбирал себе место для ночлега в миньонской казарме. Я еще удивлялась, что аристократ и белоручка понимает, как лучше защититься от сквозняков.

- Да, - просто ответила Дидиан. - И, поверь, друга старинней и преданней у Гэба в этом мире нет. Мы одноклассники, и первые ратные уроки получали вместе, были партнерами на тренировках и после них.

- Именно тогда вспыхнула ваша любовь?

- Какая еще любовь? - Леди по-мужски хохотнула. - Нас обручили лет в десять, наверное. Это было выгодно обеим семьям. А мы...

Она наконец хлебнула вина и чуть качнула бокалом, любуясь игрой света на нем.

- Мы решили, что пусть, и пообещали друг другу не мешать, если один из нас влюбится и решит заключить брак по любви.

Дидиан прошлась по комнате.

- Я влюбилась первой. В тринадцать. Лорд ван Турберт был несколькими годами старше, ему было около двадцати, несколько выше ростом и гораздо опытней в делах любовных. Пара комплиментов, парочка поцелуев - и я уже была готова свалиться в его руки, как спелый плод.

- И ван Хорн...

- Я, разумеется, поведала ему о своих желаниях. Гэб не отговаривал меня, заметив лишь, что благородный дворянин на месте моего возлюбленного подождет бы несколько лет, пока я достигну подходящего для телесной страсти возраста. Я возразила, что сердцу не прикажешь.

- Он разлучил тебя с этим парнем? - спросила я едко. - Это же так похоже на Гэбриела: он следил за бедным юношей, пока тот не оступился, а потом привел тебя полюбоваться на его падение? Кого он ему подсунул? Служанку? Белошвейку?

- Нет. - Дидиан грустно улыбнулась. - Все было совсем не так. Гэб вызвал Турберта на дуэль. Чтоб ты понимала, в свои тринадцать мой официальный жених был худеньким нескладным подростком, едва доставал макушкой до моего плеча и выглядел так, будто прихлопнуть его будет делом минуты. И вот, представь, этот заморыш бросает вызов одному из лучших дювалийских бретеров, тому, на счету которого уже пять или шесть побед в подобных поединках.

- Твой возлюбленный не мог отказаться от дуэли. Это опозорило бы любого дворянина.

- Он и не отказался. Но, как вызываемая сторона, выбрал бой на клинках, и не до первой крови, а до смерти.

- В уверенности, что убьет Гэба?

- Именно. Он мог выбрать рукопашную, он мог сказать, что бой будет вестись тренировочным затупленным оружием, но выбрал именно то, что выбрал...

Леди ван Сол отпила из бокала и зажмурилась. Было заметно, что воспоминания не доставляют ей удовольствия.

- Что произошло потом? Ты разочаровалась в возлюбленном и предотвратила поединок?

- Как я могла? Я стояла как дура и смотрела, как оба претендента на мое сердце и руку пытаются покрошить друг друга в капусту.

Дидиан замолчала.

- Судя по тому, - сказала я осторожно, - что ты до сих пор невеста Гэбриела, его не убили.

- Тебе знакомо слово «вольтижировка»?

- Впервые слышу.

- Неудивительно. Это особый вид ведения боя, сложный и предназначенный для очень легких и подвижных бойцов. Два изогнутых клинка в обеих руках, они как бы порхают вокруг тела. Гэб осознавал свои недостатки, но обернул их достоинством. Он даже не стремился атаковать, уходил от ударов и защищался. Через полчаса соперник устал, еще через четверть ван Турберт стоял передо мною на коленях с клинком у горла и просил прощения.

- За что?

Дидиан пожала плечами:

- За то, что пытался совратить ребенка, которым я тогда являлась, за то, что, овладев мною, собирался отправиться к моему батюшке и демонстрировать тому кровь на простынях.

- Какой кошмар! - искренне воскликнула я. - А ему не пришло в голову сначала просить твоей руки, а после свадьбы махать простыней, подтверждая консумацию?

- Турберт был глуп, это я поняла позже, и ему в самом деле не пришло в голову действовать честно. Тогда я решила, что хуже интригующего глупца не может быть человека.

- Что с ним стало?

- Спящий знает. - Леди-коннетабль отставила бокал и вернулась к зеркалу. - Я попросила Гэба его отпустить, и он это сделал. Наверное... скорее всего...

Это «скорее всего» было сказано с таким милым кокетством, что я даже хихикнула.

- А надо было убить. - Леди Дидиан задумчиво поправила медальон в ложбинке между грудями. - А то теперь при виде любого высокого светловолосого мужчины я на мгновение пугаюсь, что это ван Турберт. Я имею в виду - действительно высокого мужчины, как, к примеру, этот тиририец Виклунд.

- Ну, в одном я уверена: Оливер лорд Виклунд - не твой незадачливый ухажер. Если он на семь лет тебя старше, а ты одногодка с ван Хартом...

- Конечно, это не он! Просто я не доверяю мужчинам выше меня ростом. Можешь это счесть моей личной причудой. - Леди ван Сол схватила из вороха платьев, лежащего на постели, бордовый наряд и протянула мне: - Примерь. Эта тряпочка мне коротка и узка в талии, так что, думаю, как раз тебе подойдет.

В дверь постучали, очередному вояке требовались приказы, поэтому, подхватив бордовое платье, я скрылась в смежных покоях. Этой комнаты внимание хозяина пока не коснулось. Она была пыльной и полутемной и, видимо, служила предыдущему владельцу чем-то вроде кабинета. Здесь был стол у стены, парочка стульев, но зеркала не наблюдалось.

- Милая она девица, - протянул Болтун, когда я уединилась. - Я имею в виду леди ван Сол.

- Странная.

- Нет, милая.

- Это-то и странно. Она видит меня первый раз и тут же приближает к себе и пускается в откровения.

- Ты везде ищешь второе дно, Бастинда.

- Я осторожна.

- Это не осторожность. Я почти уверен, что для твоего образа мыслей рано или поздно изобретут название и станут считать чем-то вроде болезни.

- Ну хорошо, - я выбралась из платья служанки и стала застегивать на спине бордовый атлас нового наряда, - расскажи мне, как ты видишь нашу леди-коннетабль. Может, я сочту твою точку зрения достойной внимания.

- Женщина-воин, - торжественно изрек Болтун. - Прямая и бесхитростная, как ее меч. Всю жизнь лишенная женского общества, она обрадовалась обретению подруги.

- Подруги предают первыми!

- Ну она-то этого не знает! Напротив, из ее рассказа мы можем заключить, что ее предал светловолосый великан, и она не доверяет именно таким мужчинам.

Я оправила юбку и покрутилась из стороны в сторону.

- Что скажешь про платье?

- Оно цвета бычьей крови.

- Я различаю цвета. Мне впору?

- Присядь, - велел артефакт. - Треска не слышишь? Значит, в самый раз.

- Мне нужно зеркало, - решила я. - Вернись в комнату к Дидиан.

- Подожди. Ты не желаешь отвоевать свой пояс, чтоб опять притворяться миньоном?

- Ни в малейшей степени. Должность фрейлины меня устроит, и пусть теперь гений вольтижировки заморыш ван Харт сам бегаёт за мной, чтоб вернуть мою вещь!

- Ты точно нездорова, - прошептал Болтун с благоговейным ужасом. - И теперь я понял, для чего тебе вечерняя прогулка по замку. Ты собираешься искать меч Арктура,

спрятанный где-то внутри.

Когда я проскользнула в покои, леди ван Сол заканчивала фразу:

- ...и десяток у изгиба дороги, там, где открывается вид на замок. Скрываться не нужно, даже, напротив, дозволяется жечь костры и балагурить.

- Лучников я расположу выше, за уступом скалы, - кивнул воин.

- Именно, - сказала Дидиан. - Исполняйте.

Затем, когда ее подчиненный вышел, она повернулась ко мне:

- Выглядишь нарядно.

- Как и должна выглядеть фрейлина столь родовитой леди. - Я крутилась перед зеркалом.

Платье хорошо облегало там, где нужно было облегать, свободно струилось, где положено, и не требовало ни малейшей подгонки. Я сдернула чепчик, вызвав никому, кроме меня, не слышное возмущение Болтуна. Волосы, конечно... м-да-а...

- А не отрубить ли нам руки твоему кауфюру? - предложила дева-воин. - Предполагаю, что и без конечностей он без труда достигнет такого же эффекта.

- Волосы, любезная леди, - поучающе сказала я, - не зубы, они отрастут. А нет ли в вашем приданом какого-нибудь головного убора подходящего оттенка или текстуры?

- Имеется у меня пажеский берет братика Дэни, любезная девица. Он, конечно, мужской, но...

Она выдвинула из-под кровати еще один сундук.

- Вот он!

Берет оказался черным с темно-красной атласной оторочкой и пучком длинных пегушиных перьев в качестве украшения.

- Расчудесно, - решила я, надев его на голову и расправив перья таким образом, что они прикрыли покалеченную щеку.

- Тебя не смущает, что он мужской?

- Ни в коей мере. А на глумливые вопросы завистников мы будем отвечать, что такова новейшая столичная мода, о которой вопрошающий не осведомлен.

Дидиан рассмеялась:

- Будь я мужчиной, Бастинда, уже приударяла бы за тобой.

- А будь я мужчиной... А, впрочем, это глупый разговор. Позвольте сопроводить мою леди на прогулку?

- Куда мы отправимся? - Леди ван Сол пружинно поднялась из кресла и сразу стала на две головы меня выше.

- Сначала на балюстраду, а затем куда глаза глядят.

- А глаза наши зыркают по сторонам в поисках меча Арктура, - закончил для меня Болтун.

«Эх, жалко, что эннены уже не носят, - мысленно сокрушалась я, сопровождая Дидиан. - Надень его леди-коннетабль, эффект был бы просто убийственный!»

Но и без эннена наша немногочисленная процессия вводила встречных в ступор. Дидиан чеканила шаг, лазеревые шелка юбки развевались, уложенные над висками локоны подпрыгивали в такт шагам.

- Она похожа на богиню, - шепотом решила одна из служанок, группка которых вежливо прижалась к стене, уступая нам путь.

- На белую Алистер, - так же шепотом согласилась другая.

Я не тянула даже на темную Нобу, тем более что приходилось почти бежать, поспешая за широкими шагами моей леди.

Мы побродили по балюстраде, любуясь закатом. Дидиан вздыхала, я зевала, Болтун злорадствовал.

- Признайся, Бастинда, - тянул он последнее «а». - Ты собираешься свести свою случайную хозяйку со своим ученым другом? Он явно ниже ростом. Хотя он блондин, это минус. А может, попробуем предложить ей четырехглазого музыканта? Он, во-первых, шатен, а во-вторых, слабее котенка.

- Может, - я замаскировала свой ответ зевком. - Дидиан, отсюда можно рассмотреть ратников, которых ты послала охранять дорогу к замку?

Леди ван Сол отошла к самому краю балюстрады.

- Заканчивай сплетничать, - шепотом велела я артефакту. - Ищи меч! Где он, к фаханам, может быть?

- Я постоянно весь внимание, - заверил Болтун. - Я могу одновременно и говорить, и слушать. Вот сейчас, к примеру, я слышу, что лорды Доре и Виклунд покидают замок.

- Ах, Бастинда, - вернулась ко мне грустная Дидиан, - кажется, я не прочь что-нибудь перекусить.

- Неплохое развлечение. Велеть служанкам?

- Давай попробуем на кухню! - возбужденно предложила леди. - И утащим что-нибудь вкусненькое тайно и незаметно.

Я искренне сомневалась, что с габаритами леди можно связать слова «тайно» и «незаметно». Но сомнения мои были посрамлены довольно скоро.

Дидиан умела подкрадываться! Она умела слиться со стеной даже в лазоревом платье и в локонах. Более того, она сумела и меня заставить замаскироваться. Я, следуя указаниям, дающимся шепотом и жестами, дышала редко и поверхностно, соотнося биение сердца с легчайшими шагами.

Когда мы почти достигли кухни, Дидиан замерла, прислушиваясь.

- За дверью ван Харт и Уолес, - скучающе сообщил Болтун.

Леди ван Сол поманила меня к себе, и мы обе приникли к крошечной щели. Болтун понял, что и без него я узнаю, о чем ведут разговор достойные лорды, и на время замолк.

- ...тревога за судьбу Дидиан, - голос принадлежал Патрику лорду Уолесу. - Я прошу у тебя ее руки.

Я бросила быстрый взгляд на спутницу, от ее щек можно было зажигать свечи.

- Ты влюблен в мою леди ван Сол? - Это говорил ван Харт, не говорил, а глумливо тянул слова. - Я видел сегодня, как вы ворковали на балюстраде.

Дидиан громко задышала, улыбнулась несмело, будто не веря в то, что слышит.

А потом Патрик рассмеялся, а она...

Раньше я не понимала значение слова «помертветь», но Дидиан леди ван Сол в один миг помертвела лицом, с него сошли все выражения, а черты застыли горестной маской.

- Сильная... - доносилось до нас. - Неловкая... Лишь опасливое...

Дидиан стукнула кулаком по стене, снеся к фаханам ближайший светильник. Покореженный металл покотился по полу.

- Бежим! - Я схватила ее за руку и потащила прочь. - Плюнь! Ни один мужчина не стоит твоих слез! Будь он тысячу раз благородный лорд и три тысячи раз красавчик!

Я утешала ее как могла, думая при этом, что вовсе не зря проломила голову этому бесчувственному болвану, когда еще думала, что Безумный Ригель - это он и есть. Прямо как чувствовала...

А потом я заперла наши покои изнутри и всем визитерам отвечала через дверь, что леди-коннетабль изволит отдыхать и не велела ее беспокоить. Вояки выражали обеспокоенность коннетаблевым здоровьем. Я посылала вопрошающих к фаханам. И мы прощались, вполне друг другом удовлетворенные.

- Прекрати реветь! - наконец не выдержала я и бросила в страдалицу десятый по счету носовой платок. - Ты же боец! Борись!

- Я женщина-а-а!

- Тогда отомсти и забудь, как настоящая женщина.

- Что ты имеешь в виду? - Она перестала плакать, будто по волшебству. - Отомстить как?

- Да как тебе угодно, - я пожала плечами. - Подумай, что доставит тебе удовольствие. Я, например, когда парень изменил мне с подругой, отомстила обоим.

- Тебе изменили?

- А что, мне не могут? - Я даже подбоченилась, изобразив возмущение.

- Бастинда, ты похожа на огонь. Это на тебя должны лететь мужчины, как мотыльки на свет!..

Мне стало приятно, поэтому я строго прервала комплимент:

- Всем изменяют.

- И как ты отомстила?

- Женщина получила горсть жгучего перца в исподнее.

Тут Дидиан одобрительно икнула - видимо, наглоталась воздуха, когда рыдала, и теперь он выходил наружу вот так.

- А предателя выпороли по голому заду.

Я не стала уточнять, что экзекуцию проводила самолично, ведь тогда я была в личине графа Шерези. А еще не уточнила, что вторая моя месть, меченому красавчику Гэбриелу, так и осталась неисполнимой.

- Что из этого тебе понравится?

- Голый зад лорда Уолеса, - она говорила в медлительной задумчивости, - мне неинтересен. Да и вообще. За что мстить? За то, что сама себе что-то придумала и сама обиделась?

- За то, что он бесчувственный болван!

Тут в дверь опять заколотили. Я заорала:

- Леди-коннетабль изволит почивать! - Если бы она действительно спала, мой вопль ее точно бы поднял, он, кажется, мог бы поднимать покойников на много лье окрест. - Идите в бездну! Спасибо за...

- Басти? - донеслось удивленное.

- Гэбриел? - икнула Дидиан.

- Я отвлекся, - ойкнул Болтун. - Отвлекся, представив зад лорда Уолеса, и не успел...

- Спящий, дай мне сил! - сказала я, отпирая дверь покоев и встречая раздраженный взгляд ван Харта.

Потом сложила руки перед грудью и приветливо засюсюкала:

- Проходите, любезный лорд, ваша невеста ждет вас.

- Это Бастинда, - тихонько сказала Дидиан, - ее прислал лорд Уолес.

- Лорд Уолес? Бастинда?

Я опять поклонилась:

- Именно так, достойный лорд...

- Замолчи! - велел меченый красавчик, проходя через комнату и присаживаясь напротив леди ван Сол. - Выйди за дверь, Бастинда, и ожидай, пока тебя позовут.

Я бессильно заскрипела зубами. Пререкаться с ним на глазах у леди Дидиан я не могу. Оставлять их наедине тоже не хочется, мало ли что он успеет ей наговорить.

- Я его не почувствовал! - Болтун был явно расстроен. - И дело вовсе не в заднице красавчика Патрика. Я не могу слышать именно этого вот красавчика. Конкретного ван Харта. Тогда в башне это была не случайность, как я смел надеяться. Я не могу его читать, даже приложив усилия. Что же он отдал за инициацию? А, дево-граф, неужели тебе не любопытно?

Ну вот! Я теперь не смогу узнать, о чем беседуют дювалийцы. Как бы заставить ван Харта передумать?

- А тогда почему я слышал его внизу в каминной зале? - продолжал размышлять Болтун. - Я же явно слышал и лорда Патрика, и лорда Гэбриела... Нет! Точно нет. Я слышал только Уолеса, и то, что он обращался к собеседнику по имени, и логично заключил...

- Бастинда останется со мной, - неожиданно громко проговорила леди ван Сол. - Эта девушка - моя фрейлина и будет находиться при мне неотлучно.

- Как тебе будет угодно, Ди.

Ди?! Мне есть еще чем скрипеть? Еще не все зубы истерлись в труху?

И голос прожженного интригана был ласков, каким никогда не бывал с другими.

Я поклонилась в пространство, так что каждый из присутствующих мог принять поклон на свой счет, и, посеменив к кровати, попыталась скрыться в тени драпировки.

- Ты настолько доверяешь этой девице? - Ван Харт говорил вполголоса, но я слышала каждое слово.

- Она не попыталась убить меня, когда застала беззащитной. Мне этого достаточно. Да, я доверяю Бастинде.

- Ах Ди! - Ван Харт взял невесту за руку. - Ты позволишь мне побеседовать наедине с твоей новой фрейлиной?

- Новой? - Дидиан несмело хихикнула. - Первой и единственной. До сего времени моими наперсниками были адъютанты и оруженосцы. А о чем ты намерен беседовать с моей... подругой?

- Я должен убедиться, что она не представляет для тебя опасности, Ди. Ты и не предполагаешь, на какие каверзы способны некоторые особы одного с тобою пола.

- Мой ответ - нет, женишок! Я привыкла встречать опасность с открытым забралом.

- А теперь следи за его жестами, - велел мне Болтун. - Наш колдун начинает... Что это? Призыв? Направление или...

Ван Харт соединил пальцы свободной руки кольцом, расслабил их по одному, но не по порядку. Когда его раскрытая ладонь упала на колено, в дверь постучали.

- Миледи! - Ратник, появившийся на пороге, был юн. - Дозорные что-то заметили на северо-западе от замка! Капитан сказал, что вы велели сообщать о малейшем движении.

- Можем начинать бояться, дево-граф! - Артефакт возбужденно шевелил усиками и кончиками петушиных перьев.

Леди ван Сол выпорхнула из покоев, вырвав свою руку у жениха и шурша шелками.

- Чудесный выбор наряда, - сделал комплимент ван Харт, развернувшись в мою сторону вместе со стулом.

Я вышла из тени драпировок и сдула со щеки болтающееся перо:

- Чье из платьев имеет в виду достойный лорд? Мое или своей невесты?

- Своей невесты. Леди ван Сол, кажется, никогда на моей памяти не выглядела столь миловидно.

Я присела в поклоне и развернулась к двери:

- Доброго вечера, любезный лорд. Я обязана сопроводить госпожу.

- Стоять!

- Невестой своей покомандуй!

- Ты не хочешь вернуть свой пояс?

- Носи его сам! Может, с его помощью ты прибавишь себе хоть немного мужественности!

- Сурово! - решил Болтун. - Только не забывай следить за его руками, он использует магию жеста.

Мне как раз показалось, что ван Харт как-то противоестественно изогнул запястье. Я прыгнула к нему, схватила за плечи, прижимая к спинке стула.

- Послушай меня, болван!

- Какая страсть...

- Ты ощутишь ее в полной мере! - Я укусила его за ухо и горячо зашептала в него: - Если ты не прекратишь меня преследовать, я овладею тобой с особым цинизмом и не испросив согласия. Я устрою тебе такое эпическое «тру-ля-ля», что все твои приобретенные навыки колдовства развеются дымом!

Ван Харт обхватил ладонями мои бедра и усадил к себе на колени.

- Желаете начать немедленно или мое горячее согласие противоречит этому коварному плану?

Я многозначительно поерзала. Не знаю, насколько его согласие было горячим, но твердым оно явно было. Эту твердость я чувствовала бедрами.

- Для этого благородный лорд желал уединиться?

- Не для этого, - ответил ван Харт и равнодушно столкнул меня со своих коленей.

Я шлепнулась на пол, взметнув над головой багровый шелк юбок.

Какой позор! Так меня еще в этой жизни не отвергали.

- Прости. - Он протянул мне руку.

- Ни за что!

Помощь я не приняла, поэтому, покопошившись, перевернулась на колени, прежде чем встать на ноги.

- Говори, что хотел. Я тороплюсь.

- Леди ван Сол отправилась к отряду, приставленному охранять дорогу. Ты без труда ее разыщешь.

- Ну, если тебе больше нечего сказать... - Я пошла к двери.

- Бастиана! - Голос меченого интригана стал почти нежным. - Прошу тебя об одном: не мсти Дидиан.

- Что? - Я даже остановилась, держась за дверную ручку.

- Как бы ты ни желала унижить или оскорбить меня, не впутывай в наши битвы ее.

- Потому что только ты можешь ее впутывать? Да?

- Дидиан - мой друг, я никогда не позволил бы себе...

- Лжец! Ты просто обманщик, ван Харт. Ты обещал руку леди направо и налево. И если ты сейчас скажешь: «Обещать - не значит дать», - я... Я завизжу и не остановлюсь, пока замок Блур не провалится в фаханову бездну от одного моего визга!

- Я обещал ее только тебе!

- Лжец!

- Я говорю правду. Когда я, слепой дурак, принимал тебя за юношу, я хотел и для тебя, кого я мечтал назвать своим другом, и для нее только лучшего. К слову, - ван Харт улыбнулся, - в обличье бравого графа Шерези ты пришлась бы по сердцу моей леди ван Сол. Ей нравятся такие мелкие юркие забияки, готовые всегда как к смеху, так и к драке. Цветочек Шерези стал бы герцогом и моим другом и получил бы в жены самую добрую и честную девушку в Ардере.

Мне захотелось плакать. Фаханово темное полнолуние! Только оно было повинно в моих сентиментальных настроениях.

Гэбриел ван Харт мечтательно замолк, а я, собрав волю в кулак, спокойно заявила:

- Ты прав только в одном: Дидиан добрая и честная. Ты ее не достоин! И твое высокомерное покровительство ей попросту оскорбительно.

- Она тебе нравится?

- Любезный лорд удивлен? Ты не привык, что она может нравиться кому-то, кроме хитреца Гэбриела? А хочешь, я объясню тебе, почему ты вхохчешь вокруг девы-воина, как целая стая наседок? Ты боишься ее потерять. Ты ревнуешь ее, болван!

- Сурово, но справедливо, - неожиданно сказал Болтун. - Но, если ты не собираешься продолжить скандал, который вполне может закончиться «тру-ля-ля»... Кстати, если «тру-ля-ля» делают втроем, это называют «лямур де труа».

Сию бесценную информацию я получила уже в коридоре, когда бежала по нему в тщетной попытке нагнать леди Дидиан.

Мне показалось, что «лямур де труа» по звучанию похоже на «коко-де-мер», мои где-то беззаботно теперь растущие бубенчики. Они были лучше цвергова артефакта по многим показателям. В сто... нет, в тысячу раз!

Эту бесценную информацию я поведала Болтуну со злорадным удовольствием, а он взамен сообщил мне, что за два с половиной года бубенцы вполне могли начать плодоносить.

На что я стала вслух мечтать о том, как сорву с ветки прекрасный шершавый плод.

А Болтун на эти мечты усомнился, что для фрейлины леди ван Сол будет уместно носить в панталонах мужское достоинство.

Дидиан леди ван Сол обнаружилась на конюшне.

- Держись в седле, Бастинда? - спросила она и велела подготовить лошадь и для меня.

- Отоприте ворота! - зычно скомандовал капитан стражи.

И мы шагом отправились прочь из замка. Путь оказался недолгим. Нас сопровождал десяток воинов в авангарде и арьергарде. К седлу Дидиан был приторочен меч, который она, впрочем, обнажать не спешила.

- Тебе удобно в мужском седле?

- Конечно. По моему скромному мнению, дамские седла изобрели поганые женоненавистники, чтоб наполнить нашу жизнь страданием.

Дидиан рассмеялась:

- Эту глубокую мысль я тоже у тебя позаимствую, чтоб при случае повторить в мужской компании.

Мощеная дорога изогнулась, за поворотом горел костер и шатром стояли алебарды стражников. Дидиан кивнула в ответ на приветственные крики, запрокинула голову, глядя на скальный уступ в десятке туазов от нас:

- Лучники на месте. Прекрасно!

- Зачем тебя позвали?

Мы спешили и отдали поводья одетым в латы мужчинам.

- Там у подножья, - леди ван Сол кивнула в темноту, - что-то происходит. Наши разведчики заметили движение.

- Туда отправились лорды Доре и Виклунд, - любезно пояснил мне Болтун. - В спасательную экспедицию.

- А что там? - спросила я.

- Я слышу музыку, - удивленно ответил артефакт.

- Развалины хижины. - Дидиан подошла к огню и протянула к нему ладони, стоящие у огня ратники вежливо расступились, уступая нам дорогу. - Мне, к сожалению, не пришлось в голову обыскать их.

- Там были свежие следы лошадиных копыт, - сказал пожилой вояка слева от меня.

- Ты указал на них, дружище, - леди-коннетабль хлопнула солдата по плечу, - но я не приняла во внимание.

Тут я опять восхитилась этой девой-воином. Она признавала и принимала собственные ошибки и готова была отвечать за них, не перекидывая ответственность на плечи подчиненных. Где там в рыцари долины записываются? Я с удовольствием служила бы под таким справедливым командованием.

- А что мы делаем теперь? - От жара костра клонило в сон, поэтому фраза получилась по-дамски капризной.

- Ждем. - Дидиан обернулась, кивнула во тьму, и нам принесли два легких табурета, эдакие плетенки с ножками, которые в перевернутом состоянии вполне могли служить корзинами для стрел или для голов поверженных врагов-супостатов. - Посланные лазутчики едва успели спуститься к реке. Им нужно некоторое время, чтоб добыть информацию, и еще время, чтоб ее сюда доставить. Эх, Бастинда! Если бы у меня было... Кстати, ты слышала, что Патрик лорд Уолес достиг успехов в сложной науке под названием «оптика»?

Я вспомнила окуляры Станисласа и кивнула. Вернуть голову в исходное положение получилось уже с трудом. Мне было тепло и спокойно. Леди ван Сол сидела рядышком, вытянув к костру ноги в остроносых башмачках. Я зевнула и прислонилась к ее плечу.

- Потому что если он действительно оптик, его послал ко мне Спящий, - она, продолжая монолог, придержала ладонью мою голову. - С месяц назад я беседовала с одним доманцем, который бахвалился мне учеными доманскими изысканиями в области оптики ратной. Представь себе - трубка, похожая на довольно широкий и полый внутри посох, в нее вогнано несколько полированных линз...

- Чтобы далеко смотреть?

- Чтобы далеко видеть...

- И так как госпожа моя пустоголовая готовится отойти ко сну, - напевно вступил Болтун, - пришло время удивительных историй. Дошло до меня, о прелестнейшая из графов...

Эта сказка оказалась очень грустной. В ней был уставший от власти человек и юная дева, ненадолго вернувшая ему вкус к жизни. А еще была любовь, запоздалая, полная пряного горько-сладкого колдовства.

Он любовался, как ветер играл ее огненно-рыжими волосами, и гнал прочь мысли о том, что скоро предстоит сделать выбор между ее счастьем и счастьем целого королевства. И человек знал, что именно выберет. Он был уверен в своей правоте, но даже уверенность горчила. И юный паж говорил ему: «Тысячи жизней против одной, я так сожалею, мой лорд». Перед уходом человек взял с пажа самую нерушимую клятву, что юноша будет с нею всю ее земную жизнь, до самого порога. И паж поклялся страшной клятвой и отдал человеку свою искру...

Я открыла глаза. Светало. Дидиан рядом не было. Я сидела у догорающего костра в одиночестве, прислонившись боком к стопке лошадиных попон.

- Чем закончилась эта сказка? - спросила я Болтуна. - Дева полюбила пажа и они жили долго и счастливо? Или, напротив, бедняжка наложила на себя руки, чтоб поскорее уйти в чертоги Спящего вслед за возлюбленным?

- Эта история еще не закончена, дурочка, - ответил он напевно, а затем совершенно с другими интонациями велел: - Бегом за поворот, мне хочется лично посмотреть, как леди Дидиан орудует мечом!

- Там драка?

- Пока только засада. Лазутчики так и не вернулись, что немало встревожило нашу леди, поэтому она приказала ожидать нападения. А от подножия сей же час поднимается наша спасательная доремаро-тиририйская экспедиция. И, если доверять моему нечеловеческому слуху, лошадей там больше, чем всадников.

Я побежала, подхватив подол, петушиные перья беретата хлестали по лицу, но руки были заняты юбками. И расстояние то всего ничего, но запыхалась я преизрядно. Выскочив на середину пустынной дороги, я остановилась и, сложившись пополам, стала приводить в порядок дыхание.

- Где все?

- Дювалийцы? Я же тебе сказал - они в засаде.

Взгляд искоса по сторонам ничего не дал. Ну, на то и засада, чтоб было незаметно.

- Миньоны?

- Приближаются. И я удивлен, что ты сама этого не слышишь.

- Это свои! - громко сказала я в небо и замахала руками. - Дидиан! Это свои.

Стрела пригвоздила к земле подол юбки.

- Тебе предлагают заткнуться и скрыться, - любезно пояснил Болтун.

- Чтоб дювалийские лучники без помех перестреляли моих друзей? Ты же сам слышал, что всадников меньше, чем лошадей! Значит, были потери. Ни Оливер, ни Станислас не ожидают нападения. Они возвращаются в замок! Они, может быть, ранены.

Я с усилием освободила юбку, разорвав ее, и побежала вперед по дороге. Стрел я не боялась. Говорят, в долине Дювали обучают непревзойденных лучников, а леди-коннетабль, я очень на это надеялась, велела не убивать свою взбалмошную фрейлину.

- Какая ты дурочка, Бастинда!

Это не Болтун, сама леди Дидиан обращалась ко мне. Она выглянула из кустов и молниеносно набросила на мои плечи веревочную петлю.

- Ты понимаешь, что я не могу отсюда командовать стрелками? Они наверху и действуют по своему разумению.

- Там Виклунд и Доре! Ты устроила засаду на своих!

Кусты царапали не только платье, но и лицо, когда меня протаскивали сквозь них.

- У тебя видения?

Леди ван Сол освобождать меня от веревки не спешила - стянув ее к локтям, свободным концом обмотала мои запястья за спиной.

- Это для твоей же безопасности, чтоб ты не выбежала перед мишенью и не пострадала.

- Внизу на дороге бренчит мандолина, - сказал я уверенно. - Станислас Шарль лорд Доре почти никогда не расстаётся с инструментом.

- Мне никто не сообщил, что лорды покинули замок, и никто не видел, чтоб они выезжали за ворота.

- Потому что Оливер лорд Виклунд слишком осторожен для открытых маневров.

Она недоверчиво покачала головой. Мы сидели, скрючившись в колючих придорожных кустах, леди Дидиан даже сорвала с ближайшей ветки глянцевитую черную ягоду и отправила ее в рот.

- Я узнала об этом от ван Харта, - ложь давалась непросто, - он отправил двоих миньонов в спасательную экспедицию.

- Ты врешь, - спокойно проговорила леди ван Сол, вторую ягоду она сняла с ветки губами, просто вытянув шею. - Во-первых, это видно невооруженным глазом, ты не большая мастерица во вранье. А во-вторых, если бы Гэб тебе что-то такое поведал вчера вечером, нам не пришлось бы ночевать с тобой у костра.

- Жаль, что ты выбрала быть девочкой, - решил Болтун, - иначе мы могли бы побороться за руку и сердце этой мудрой женщины с твоим колдунишкой.

- Подводя итог нашей болтовни, - Дидиан придержала мой затылок и почти насильно засунула в рот горсть ягод, - могу тебе поклясться, что если это наши миньоны, с их голов не упадет ни волоска.

И, почти успокоив меня этими словами, она забормотала:

- Хотя если вдруг я решусь получить невинное удовольствие от падения волос

тиририйского великана... разумеется, вместе с головой... потому что эта седая шерсть, которую по недоразумению...

Она резко смолкла, прислушалась, потом развернула меня спиной к себе и зажала мой рот ладонью.

- Меч из такой позиции она быстро не достанет, - утешил меня Болтун.

У меня был великолепный обзор на переплетение веток и плотную зелень листьев, с которой художественно контрастировали черные ягоды. Я припомнила, что называются они «рубус» и используются также для приготовления вина в провинциях, где с виноградом не задалось. Во рту было кислотовато-приторно от этого самого рубуса. «Для настоек еще можно его использовать», - подумала я хозяйственно.

- На дороге повозка, - сообщил Болтун, видимо, посочувствовав моему бедственному положению. - Нет, вру, это скорее карета. Но без возницы и, насколько я могу рассмотреть, без пассажиров.

До моего слуха наконец донесся цокот лошадиных подков. В ладонь ткнулось что-то гладкое, я пошевелила пальцами. Кажется, во время нашей возни застежка драгоценного медальона будущей леди ван Харт расстегнулась, и у меня в руке оказалась полированная пластина. Я тут же принялась пилить свои веревки, кромсая то пеньку, то атласный лиф Дидиан, который очутился в опасной для себя близости. Ну и плевать. Подумаешь, дамская тряпочка! А не надо было меня связывать! Тоже мне командирша отыскалась! Пусть женихом своим командует.

- Я понял! - обрадовался Болтун. - Повозка должна выявить засаду лучников. Даже если они не выпустят стрел - выдадут свое местоположение.

Прекрасная идея, как раз в духе Виклунда. Только что он сможет поделаться против стрел?

Когда по ушам резанул высокий свист, я вспомнила, что, кроме луков, существуют также и пращи, широко используемые в горных наших пределах.

- Нечеловеческая меткость! - От непрошенных комментариев я избавиться не могла при всем желании. - И скорость тоже хороша. Все, дево-граф, стрелки на время выбывают из игры.

- Вот гаденыш! - ругнулась шепотом Дидиан. - Фахан тиририйский!

- Он был под каретой - видимо, держался за ось, пока не добрался до позиции. А наводчик... Слушай, Бастиана, а ведь его наводит менестрель! Ты слышишь эту мелодию? Она не ритмична ни разу.

Веревка лопнула, Дидиан, оттолкнувшись от меня, выпрыгнула из кустов и заорала:

- В атаку!

- Сидеть! - рявкнул мне артефакт. - Что ты там сможешь безоружная? Тем более что обзор и отсюда неплохой. Сейчас леди ван Сол слегка подерется, чтоб отомстить за позор своих стрелков.

Я разогнулась, сбросила обрывки веревки. Медальон спрятать было некуда, карманов в платье не предполагалось, поэтому я застегнула цепочку на шее.

А на открытом пространстве дороги меж тем кипел бой. Дидиан размахивала клинком, лорд Виклунд, впавший в боевое неистовство, разбрасывал мечников и алебардщиков, как пес - блох.

- Люблю берсерков, - сообщил Болтун. - Есть в них что-то божественное, нездешнее.

- Надеюсь, Оливер никого не убьет.

В это время Виклунд как раз отразил последнюю волну нападавших и остался один на один с Дидиан. В правой руке великана было нечто вроде столярного молота, в левой - тележное колесо на манер щита. Леди ван Сол изящно обошла его, рубанув по спице.

Оливер зарычал, отбрасывая прочь бесполезные обломки.

Клинок описал полукруг, дева отступила, балансируя на цыпочках. Берсерк, напротив, присел, опустив молот к колену. Она не выдержала первой. Финт, октав, батман... Все же у фехтования и балета много общего. Легкий даманский меч леди ван Сол танцевал вместе с ней. Виклунд пока вскользь парировал удары, изменяя направление. В наступившей вдруг тишине слышался лишь глухой звон ударов и тяжелое дыхание сражающихся. Купе – скольжение по клинку. Дидиан не успела вернуться в защиту и пропустила удар в предплечье.

«Пора вмешаться, – решила я. – Если нажать на татуировку».

Нога попала в дырку в подоле, я споткнулась, упала, подмятая колючие ветки, грузно сползла на грунтровку.

Сталь клинка встретила деревянный набалдашник молота с оглушительным звуком. Дерево расколосось, железо увязло в нем по самую рукоять. Леди ван Сол разжала пальцы, выпуская бесполезное теперь оружие, зарычала не хуже берсерка и отвесила Виклунду смачную оплеуху, он взмахнул рукой в ответ, Дидиан отшатнулась, уходя от удара. Недостаточно быстро – скрюченные пальцы тиририйца чиркнули по лифу платья. Может быть, если бы я не подрезала его своими стараниями, плотный атлас устоял бы, но я постаралась на славу. Ткань с треском разошлась до самого подола, обнажая как белоснежные груди леди ван Сол, так и все, чем одарила ее природа в полный, так сказать, рост.

– Как красиво! – умилился Болтун.

А я с удивлением поняла: чтобы вывести моего друга из состояния боевого безумия, необязательно искать крестик на его шее. И в этот раз после обратной трансформации Оливер лорд Виклунд даже не думал лишаться чувств, видимо, не желая упускать ни мгновения своей восхитительной жизни.

– Леди ван Сол? – жалобно спросил Оливер, с усилием отводя взгляд.

– Признаю свое поражение, лорд Виклунд. – Дидиан холодно улыбнулась, пожала обнаженными плечами, обернулась ко мне: – Бастинда, будь любезна подняться с земли и отыщи для меня какой-нибудь плащ. Думаю, мои солдаты не заслужили исполнять приказы голого коннетабля.

Коннетабль не был совсем уж голым. На нем были остроносые изящные туфельки и чулки с подвязками. Мы, помнится, когда вечером подбирали эти подвязки для коннетабля, еще шутливо сокрушались, что никто из мужчин не увидит всей их прелести.

Пока я, пошатываясь, поднималась на ноги и натягивала поглубже берет, чтоб сохранить инкогнито перед друзьями, звуки мандолины возвестили о появлении лорда Доре.

– Оливер? Леди? Оливер?!

Виклунд молча сдернул с менестреля дорожный плащ. Я ожидала, что он с поклоном предложит Дидиан одежду, но он самолично набросил ткань на ее голые плечи. Святые бубенчики! Я вспомнила, что когда-то Оливер рассказывал мне об обычаях тиририйских горцев. Мы хохотали над его рассказом просто до колик. Там принято жениться на деве, чью обнаженную грудь ты увидел. Даже специальные дамские уловки для ловли женихов существуют.

Я перевела взгляд на Станисласа, тот тоже все понял, и это понимание его не веселило.

– Ее величество желает продолжить процессию, – со вздохом сказал он. – С дороги!

С дороги! Эту официальную фразу выкрикивали глашатаи, возвещая о приближении королевы. С дороги!

Избитые ратники, кряхтя и подбирая разбросанное оружие, расходились в стороны, чтоб замереть в почтительном поклоне. Я недоверчиво хмыкала и вертела головой. Какая еще королева? Откуда?

Она появилась, будто выступая из рассветных лучей. Неторопливым шагом приближалась к нам лошадка с рыжеволосой всадницей. Аврора! Бледная и сосредоточенная, но сохраняющая безупречную осанку.

Я, на мгновение забыв, как дышать, пыталась впитать ее взглядом.

Чуть позади в приличном отдалении королеву сопровождали канцлер ван Хорн и главная фрейлина леди Сорента, за ними – еще две девушки, неловко себя чувствующие в мужских седлах, несколько воинов, последний из которых вел в поводу вереницу неоседланных лошадей.

Ее величество остановила лошадку, поравнявшись с Дидиан.

- Спящий, храни королеву! – прокричали все хором.

Аврора улыбнулась:

- Мои драгоценные подданные, леди ван Сол. – Она приветственно помахала рукой. – Мы решили поприсутствовать на вашей свадьбе.

Дидиан склонилась еще ниже и залепетала о том, какая это великая честь. А взгляд королевы остановился на мне и зажегся радостным узнаванием.

- Вынуждена просить вас, драгоценная леди ван Сол, – перебила она очередной витиеватый пассаж Дидиан, – проявить снисхождение к моим миньонам. Мальчики решили, что на дороге нас поджидает засада, и сразу ринулись в бой.

- Мы отправились к вам навстречу, – бойко соврала Дидиан, – и не были готовы к нападению.

- Я вижу всю степень вашей неготовности. – Аврора так многозначительно посмотрела на дорожный плащ лорда Доре, что леди-коннетабль залилась краской. – Надеюсь, все остались живы? Лорд Виклунд?

- Я возьму ответственность за всех воинов леди ван Сол, которые пострадали от моей ошибки, – смиренно сказал великан. – Денежная компенсация и лечение...

- При всем уважении, драгоценный лорд, я в состоянии сама позаботиться о своих людях.

- Продолжите эту дружескую беседу без нашего участия.

Святые бубенчики, как же я любила этот стальной, непререкаемый тон своей королевы!

И Аврора продолжила процессию.

- Она тебе подмигнула? – спросил меня Болтун, когда последняя лошадка скрылась за поворотом, а леди ван Сол принялась подсчитывать свои воинские потери. – Королева узнала тебя, леди-граф? Она ведь не успела бы примчаться в Блур, получив твое послание? Ты выпустила птицу вчера.

- Тебе не показалось, что ее величество нездорова? – Этот вопрос волновал меня в первую очередь.

- «Золотая кость»? Не знаю насчет нездоровья, но тебя она точно переживет.

Я улыбнулась.

- А я переживу всех вас, – пообещал артефакт, а потом вздохнул: – Хотя с тобой, Бастиана, я уже ни в чем не уверен.

Когда мы с леди ван Сол наконец вернулись в замок, в ее покоях меня ожидал еще один сюрприз – серебряный пояс фей, подвешенный одним из звеньев к завитушке канделябра. Дидиан промаршировала через комнату, бросила на пол плащ и голышом рухнула на постель. Я схватила волшебный артефакт и спрятала его за корсажем.

- Позорище! – простонала леди.

- Ты о чем сейчас сокрушаешься? - Я присела в кресло у кровати и приготовилась утешать. - Ну подумаешь, три десятка мужчин любовались твоими девственными прелестями! Может, это будет самое прекрасное, что они увидят в жизни.

- Какая глупость, Бастинда! При чем тут мои прелести?

- Ты боишься, что твои подчиненные потеряют уважение к своему коннетаблю?

- Если мне хотя бы покажется, что на меня кто-то из них косо посмотрел, велю маршировать голыми от замка и до обеда!

- Тогда в чем заключается позор?

- Я проиграла в поединке один на один! Вот в чем. Я была повержена каким-то деревенщиной, который и дрался-то не в полную силу, будучи уже утомленным дракой.

- Какая глупость, Дидиан! - зеркально воскликнула я. - Ты сражалась с настоящим берсерком и его боевым безумием. Он выше и крупнее тебя!

- Точно! - Она слегка оживилась, даже завозилась на постели, набрасывая на себя простыню. - Это было моей ошибкой. Я использовала силу против силы, что недопустимо, когда соперник превосходит тебя мощью и размером.

- Ошибка не критична. Зато ты получила бесценный опыт и в следующий раз...

- Я потребую реванша и вызову лорда Виклунда на дуэль. Как думаешь, он посмотрит на меня со значением, чтоб я решила, что он надо мною потешается?

- Посмотри, - пообещала я. - Но ты вряд ли этому интересу обрадуешься.

«А уж как ему не обрадуются все остальные... Хотя Патрик, например, наконец обратит внимание на прекрасную Дидиан. Мужчин ведь обычно интересуют те особы, которыми увлечен кто-нибудь еще. Тогда почему только Виклунд? Надо привлечь в кружок поклонников нашей леди как можно больше достойных кавалеров. Какие еще качества они ценят в женщинах?»

- Дидиан, ты умеешь петь?

- Никогда не пробовала.

- Значит, мы попросим Станисласа дать тебе пару уроков, и тогда Патрик...

- Кто?

- Лорд Уолес.

- Этот высокомерный коротышка? Пусть отправляется к фаханам со своим коротышечным задом!

Святые бубенчики! Я мысленно вздохнула. Кажется, мы с леди Дидиан говорим каждая о своем.

- Ах нет! - вдруг воскликнула леди-коннетабль. - Лорд Уолес мне еще понадобится. Если бы у меня сегодня была чудесная оптика, о которой рассказывал доманец, я не ошиблась бы столь фатально. Придумала, я попрошу Гэба, чтоб он истребовал дальнорюккую трубку в качестве свадебного подарка!

Тут в дверь постучали и, не дождавшись ответа, распахнули. Леди Сорента не любила ждать.

- Ее величество, - фрейлина присела в поклоне отсутствующему величеству, - желает одолжить вашу, леди ван Сол, девушку для услуг.

- Мою фрейлину? - Дидиан подтянула простыню повыше. - Бастинду?

- Соразмерено сложенную брюнетку со шрамом на щеке. - Леди Сорента посмотрела на меня с легким отвращением. - У вас есть другие девы с этими приметам?

- Нет.

- Тогда я отвечу «да» на оба ваши вопроса. Ее величество желает вашу фрейлину Бастинду для личных услуг.

Отказать мы не могли, а я еще и не хотела. Поэтому, оставив Дириан в одиночестве, я пошла за леди Сорентой.

Покои ее величества оборудовали в южной части замка. Спальня, гостиная, кабинет, солярий. Комнаты сияли чистотой. Фрейлина всю дорогу молчала, лишь у дверей спальни шепотом велела быть потише.

Аврора лежала в постели, у кровати дежурили две служанки. При нашем появлении королева открыла глаза.

- Покиньте покои обе, - велела Сорента девушкам.

Те на цыпочках удалились. Я молча ждала.

- Спасибо, милая, - сказала королева фрейлине слабым, надтреснутым голосом. - Теперь оставь меня на эту леди и отправляйся заниматься нашими делами.

- На прощание должна заметить, что была против ваших скачек с самого начала.

- Ты была права, милая. - Аврора улыбнулась. - Впрочем, как и всегда. И, будь добра, отведи наших служанок в замковую купальню и раздобудь им свежее исподнее. Они обе пахнут уже просто неприлично.

Лицо фрейлины пошло багрово-синюшными пятнами, предположу, что от смущения, и она быстро откланялась.

- Посмотри, все ли ушли, - велела мне Аврора, и после того как я осмотрела все ее комнаты и заперла на ключ дверь спальни, расплакалась:

- Глупая девчонка Бастиана! Я уж думала, что больше никогда тебя не увижу!

Глава 7

Камень, ножницы, бумага

Патрик лорд Уолес с должным старанием исполнял обязанности хозяина. Первый официальный ужин в его владениях проходил безукоризненно. Хотя назывался он «в узком дружеском кругу» и сервирован был не в главной зале, где как раз заканчивали приводить в порядок мозаичный пол, а в украшенной охотничьими гобеленами гостиной, небольшой и уютной. Присутствовали: ее величество, оба ее канцлера, пятеро ее миньонов и леди ван Сол по правую руку королевы.

Каким образом лорду Уолесу удалось вышколить слуг, которые, кажется, до недавнего времени видели только деревянные столовые приборы, стало загадкой для ван Диормода. Секретарь присутствовал так же, прислуживая канцлеру.

За плечом королевы стояла на страже леди Сорента, так внимательно рассматривая все блюда, оказывающиеся перед ее величеством, что присутствующие явно ощущали неловкость.

К слову, неловкость была просто разлита в воздухе. Ван Диормод истово молился каждую свободную минуту с самого утра, когда перед королевой Ардеры распахнулись ворота замка. В молитвах он просил немного: чтоб казнь, которой его совершенно точно предадут за участие в заговоре, прошла как можно быстрее, пыток он не хотел. Канцлер ван Харт, симулирующий очередной приступ болезни в своих покоях, даже попытался успокоить своего секретаря. Выслушав покаянные речи и выяснив, чем именно растревожен помощник, лорд Адэр хихикнул:

- Ну нельзя же быть таким ребенком, Диормод! Пока здесь находится моя воинственная племянница и воины долины, казнить нас никто не будет.

- А потом? - Секретарь вытер слезы рукавом кафтана. - Меня повесят?

- Ну ты же дворянин, благородную кровь проливать запрещено, конечно повесят, а не, например, обезглавят... Не реви! Это шутка!

- Милорд...

- Высморкайся и подумай. Ты же должен знать законы. Что нужно для казни?

- Палач?

Ван Харт пнул секретаря по колену, не вставая с кресла.

- Согласие большого королевского совета? - Пинок чудесным образом стимулировал мудрость. - А раз совета здесь нет, ее величеству понадобится отправить депешу в столицу.

- Ну наконец. А теперь беги в башню, где лорд Уолес держит почтовых птиц. А когда ты исполнишь свой долг... Кстати, Диормод, тебе придется организовать там пожар сразу после того, как ты свернешь птичьи шеи, - если сразу все посланники вернутся в Ардеру, даже без писем, это может вызвать подозрения.

Секретарь поклонился, заверил, что все исполнит наилучшим образом, и отправился напрямиком к лорду Гэбриелу. Потому что у него, у ван Диормода, племянницы-коннетабля не наблюдалось, а размен пешек, как известно, - любимое развлечение всех аристократов.

- Не реви. - Интонации ван Харта младшего были секретарю знакомы до боли. - Учить тебя пользоваться огнем?

- Но милорд...

Милорд как раз располагал в своих поясных ножнах изогнутые клинки числом два и выглядел крайне сосредоточенным.

- Ван Диормод, - наконец сказал он и похлопал секретаря по плечу, - ты выбрал себе

абсолютно неподходящую стезю. Разгребать грязь за другими интриганами – дело неблагодарное. Тут нужно быть либо существом беспринципным, либо настолько стремиться к власти...

– Я не стремлюсь к власти, милорд. Я готов разгребать! Но птицы! Батюшка когда-то разводил голубей...

Ван Харт заглянул в полные слез глаза дювалийца:

– Вот так сюрприз. Обещаю, дружище, когда все закончится, я подарю тебе надел на юге, ты будешь выращивать виноград, разводить почтовых птиц и забудешь столичные интриги как страшный сон. Устрой пожар в северной башне, если он успокоит достойного лорда Адэра. Птиц там не осталось ни одной, зато есть сухая солома и сухая лоза, из которой сплетены опустевшие клетки.

– А куда исчезли посланцы?

Ван Харт будто к чему-то прислушивался, поэтому ответил довольно рассеянно:

– Их пришлось отпустить.

Гэбриел махнул рукой наверх, они как раз шагали вдоль балюстрады к боковой лестнице. Секретарь проследил за жестом, в небе абсолютно бесшумно кружила большая стая птиц.

– Так много?

– Это не только наши... Иди исполняй приказ канцлера.

И ван Диормод пошел, а ван Харт младший спустился на этаж ниже, потом еще.

Когда секретарь, живописно перемазанный в саже и закончивший следить за тушением пожара с безопасного расстояния, возвращался к своему лорду, ему показалось, что в одной из нижних зал кто-то слишком рьяно передвигает мебель.

А вечером канцлера ван Харта пригласили на ужин «в узком кругу». И теперь ван Дирмиод наблюдал, не забывая подавать своему лорду салфетки. К слову, наблюдения эти доставляли ему некое извращенное удовольствие. Очень забавно было хотя бы то, что оба канцлера делали вид, что едва друг с другом знакомы: они не то что не беседовали, они даже не обменивались взглядами, зато то один, то другой с регулярностью поглядывали на неожиданную звезду вечера – графа Шерези.

С этим миньоном Диормод ранее не был знаком. По слухам, юный повеса несколько лет назад покинул двор в поисках приключений, и, видимо, порядком поистрепавшись, решил вернуться под крылышко своей королевы. Граф Цветочек Шерези явно пользовался благоволением монаршей особы и принимал его с тем ребяческим удовольствием, что так приятно дарителю. В отличие от большинства присутствующих, никакой неловкости Шерези не испытывал. Он со вкусом пил вино, подшучивая над молодым ван Хартом по поводу воды в его бокале, осыпал витиеватыми комплиментами леди ван Сол, которая на них абсолютно не по-дамски фыркала, требовал от лорда Доре исполнения каких-то подходящих, по его мнению, мелодий, в голос подпевал и даже станцевал для ее величества некую миниатюрку, сорвав королевские аплодисменты.

Ван Диормод завидовал миньону. Никого, проходимец, не боится! Никого и ничего. Секретарь был уверен, что вздумай кто-нибудь другой вести себя подобным образом, его бы попросту изгнали из общества. Шерези же дурачился, купаясь во всеобщем внимании. Хотя, говоря по чести, не все внимание было доброжелательным. Оба канцлера молодого человека явно на дух не переносили, а леди ван Сол будто бы дулась на бойкого дворянина. Будь ван Дирмиод прожженным интриганом, он обязательно попытался бы узнать, что именно произошло в прошлом, что вызвало такое отношение. Но, тут Гэбриел лорд ван Харт был абсолютно прав, интриги не являлись призванием секретаря.

Успокоившись этой мыслью, он перевел взгляд на Гэбриела и заметил то, что, видимо, ускользнуло от других. Ван Харт держался из последних сил, едва справляясь с болью.

Я была со своей королевой и я была счастлива.

- Рассказывай! - велела Аврора. - Не обращай внимания, что я иногда прикрываю глаза, мне нужно знать абсолютно все.

И я, вздохнув, присела на краешек постели и начала рассказ.

- Но-но, полегче! - вскричал Болтун, когда я через вполне длительное время перешла к описанию новых бубенчиков. - Никто не должен...

Но кто слушает Болтуна, когда рядом она, моя Аврора?

- Артефакт цвергов? - переспросила она удивленно. - И его не может увидеть даже «золотая кость»?

- Ну вы же его не видите? - Я покрутила головой.

- Уважаемый артефакт, - вежливо попросила ее величество мою макушку, - не будете ли вы столь любезны показаться мне на минутку?

- А что мне терять, тем более когда голос вопрошающего столь нежен, а лик столь прекрасен? - галантно ответил артефакт, и судя по тому, что королева радостно вскрикнула, явился пред ее очами.

- Вы - великое создание искусных мастеров, - сказала Аврора. - Уверена, что ваше будущее возвышение над собратьями не заставит себя ждать.

Про честолюбивые планы Болтуна я ей сообщить еще не успела, поэтому подивилась тому, как точно Аврора угадала слабость собеседника.

- До меня доходили слухи, о лучезарная, не только о вашей красоте, но и о прочих талантах.

- Вы могли бы поведать, о величайший, кто именно в Авалоне помнит о скромной ардерской правительнице?

- Вы знаете об этом лучше меня, чаровница! - Болтун продолжил уже другим, привычным мне тоном. - Какая она шустрая, твоя леди, Басти! Я скрылся от нее как видом, так и звуком. Говори ты. Знаешь, ведь я про нее действительно слышал, еще в прежней свой ипостаси...

- Милая, - жалобно сказала королева, - можешь оставить меня на несколько минут?

Я молча удалилась в смежную комнату и прикрыла дверь.

- Что мы делаем в гардеробной?

- Ждем, пока Аврора поплачет.

Я рассеянно провела ладонью по ткани платья, которое висело на плечиках манекена.

- А кем ты был в прошлой ипостаси?

- Да кем я только не был! - Болтун как будто принялся загибать пальцы. - Кольцом, извергающим молнии, - раз, волшебной пряжкой для пояса - два... поясом, стилем, окантовкой бокала, бокалом... В следующий раз попрошусь быть венцом, мне понравилось находиться на голове, надеюсь, следующая голова будет менее буйной, чем твоя.

- Удачи!

Я потрогала стопку одежды, там лежал даже карнавальный костюм паж, в котором я когда-то ревновала ее величество к ван Харту.

- Скорее ты ревновала ван Харта, - хихикнул Болтун.

- Ты читаешь мои мысли? - ахнула я возмущенно.

- Нет, ты болтаешь вслух все, что тебе взбредает на ум. Она долго собирается рыдать над этой тряпкой?

- Почему над «тряпкой»?

- Это такая твердая от краски тряпка.

- Холст?

Я подумала, что Аврора, кроме костюма паж, захватила с собой в путешествие также и портрет Этельбора из покоев лорда Мармадюка.

- Я же поняла, о ком ты рассказал мне сказку.

- Давно поняла?

- Почти сразу, просто у меня не было времени эту мысль развить. У нас же то драка, то колдовство.

- Весело живем.

- Что такое искра, Болтун? Что именно забрал Этельбор у Мармадюка, когда тот давал клятву?

- Вы, люди, назвали бы это, например, душой, или частью души, или сущностью.

- Это звучит страшно. Страшно и противоестественно.

- Тебе не кажется, что пахнет гарью?

- Не переводит разговор.

- Не пожаром, а скорее пожарищем... Как будто несколько часов назад или даже утром...

Болтун издал громкое сопение. Притворщик! У него даже носа нет!

- Пойду в кузню, - пригрозила я, - и нырну головой в чан с расплавленным оловом.

- С тебя станется! Дурочка! Тебе своих любовных терзаний мало, нужно в чужих поучаствовать?

- Искра, Болтун!

- Я не знаю, - раздраженно бросил он. - Ходят слухи... Что есть сущность? Это память, это магия, это свобода воли.

- У паж забрали волю?

- Ну, положим, про паж я присочинил, не был этот парень пажом...

Я кивнула: это-то я помнила прекрасно, звание Мармадюка тогда было иным.

- Ученик, юный чародей, жадный до знаний и до магии.

- Куда Этельбор помести эту искру?

- В меня! - Аврора стояла на пороге гардеробной, в ее опущенной руке было развернутое полотно картины.

Свободной ладонью ее величество отодвинула кружево пеньюара.

- Видишь?

Под левой грудью ее белоснежная кожа...

- Это, - я сглотнула, - желает выбраться наружу?

- Да, - просто ответила королева и, отвернувшись, побрела обратно к постели. - Искра

хочет вернуться к владельцу, поэтому Мармадюк... удалился.

- Чтоб не убить вас?

- Не убить раньше времени. - Аврора опустила на подушки, положив портрет Этельбора на грудь. - Мы с ним знали, что рано или поздно этот день настанет. Наш лорд... Впрочем, Басти, ты имеешь право на осуждение...

- Святые бубенчики! - Я подбежала, рухнула на колени и схватила ее холодную руку. - Я же клялась вам в верности!

- Лорд Этельбор был таким идеалистом, - она улыбнулась. - «Я служу не правителю, но государству», - говорил он. Последний колдун Ардеры! А последний король Ардеры желал, чтоб служили ему. А еще он хотел владеть чем-то большим, чем наше королевство. «Власть - это прежде всего ответственность», - говорил Этельбор. А его лорд отдавал жизни и души подданных за сиюминутное фейское колдовство.

- Феи берут в уплату волосы. Разве нет?

- Конечно, раз какое-нибудь другое овеществление им брать запрещено! Поверь, милая...

- Только абсолютно опустившиеся существа промышляют этим. - Оправданий Болтуна королева или не слышала, или не желала услышать.

- И тогда наше проклятое величество... надеюсь, фаханы поджаривают его пятки в бездне... призвал большую игру, поставив на кон Ардеру.

Игра? Караколь ведь тоже что-то говорил об игре? Я погладила Аврору по руке.

- Он проиграл, Басти... Этот коронованный идиот проиграл феям... «Золотая кость», тысячелетняя история, заветы Спящего - все катилось к фаханам.

- И что с ним случилось, с королем?

- Он, представь себе, не смог пережить поражения.

- Умер?

- Самым нелепым образом - откусив себе язык.

Я потрогала кончиком языка свои зубы - действительно, нелепая смерть.

- И тогда лорд Этельбор предложил феям сделку: все ардерское волшебство в обмен на двадцать лет передышки. Ты интересовалась у своего Болтуна, лишил ли он воли Мармадюка? Надеюсь, что нет. Потому что мы с моим верным шутком прожили целую жизнь, опираясь друг на друга. Этельбор взял его волшебство - все, которое тот смог накопить за время ученичества, и все, подаренное ему Спящим при рождении, а также память об этом волшебстве. Бедняжка Мармадюк все эти годы чувствовал опустошение, но не мог осознать его причину.

Я всхлипнула, Аврора тоже вытерла слезы.

- Несколько месяцев назад я поняла, что искра оживает, а к Мармадюку стала возвращаться память.

- И вы приехали в Блур...

- Меня сюда притащили эти противные стариканы, чтоб выдать замуж за Гэбриела ван Харта, пока я не умерла. Корона - лакомое наследство.

В дверь постучали:

- Ваше величество!

- Это Сорента, отопри, - велела Аврора.

Фрейлина запыхалась от бега:

- Королевские миньоны сейчас явятся к вам с официальным визитом!

- Вот ведь надоеды, - протянула королева. - Басти, твой пояс все еще при тебе?

В голосе ее величества прорезались так любимые мною шаловливые интонации, поэтому я с готовностью запустила руку в свое декольте.

- Давай их разыграем! Снимай платье. Сорента, помоги! Надевай пояс, иди сюда.

Ловкие руки главной фрейлины разоблачили меня в полминуты, я, оставшись в одной сорочке, застегнула под ней пояс и юркнула на ложе.

Болтун хихикал у меня над ухом:

- Там еще и оба канцлера идут, то есть один катится...

- Ты не носишь мою звезду, милый? - Аврора шаловливо дернула меня за ухо, когда в дверях появился торжественный лорд Виклунд.

Мандолина Доре тренькнула удивленно.

- Кажется, он остался в лапах Безумной Ригель, чаровница, - максимально низким голосом проворковала я.

- Я отомщу ей за каждую твою обиду. Мальчики? А где же ван Харт? Я имею в виду не достойного лорда Адэра. - Аврора кокетливо выглядывала из-под простыни.

Миньоны низко и синхронно поклонились, канцлеры сложили руки перед грудью.

Я хихикнула. Может, стоит сейчас заявить о своих правах на королевские конечности, чтоб выбить их сыночка хотя бы из одной брачной игры? Но тут я заметила бледное лицо леди ван Сол над склоненными спинами мужчин, и хихикать расхотелось. Проклятый шрам! Дидиан меня узнала!

Визитеры старательно делали вид, что ситуация их не сколько не шокирует. В сущности, так и должно было бы быть. Если следовать этикету, величество может принимать подданных, хоть сидя на горшке.

Станислас одобрительно подмигнул мне, Оливер улыбнулся, Патрик пожал плечами, лица дювальнойцев застыли масками.

Когда обязательные слова были сказаны, ее величество, хихикнув, как от щекотки, проговорила:

- Можете быть свободны, господа. Надеюсь, мы вскорости будем иметь удовольствие видеть вас снова. Милый?

Она быстро проследила за моим взглядом.

- Милый, будь добр оставить меня наедине с леди ван Сол. Леди Сорента, проводите достойных лордов, а затем помогите графу Шерези в гардеробной, там ожидает его премилый наряд.

Я сползла с кровати и юркнула в гардеробную, успев увидеть, как Дидиан ван Сол мнетя у порога, ожидая позволения присесть.

Сорента пришла ко мне минуты через две.

- Позвольте, граф.

Мне был предложен тот самый пажеский костюм, который я недавно рассматривала. Никакого удивления трансформацией Бастинды в мужчину фрейлина не выказывала.

- Интересно, где она прячет кинжалы, - проговорил Болтун. - Очень любопытно.

Кинжалы? Фрейлина? Я едва сдержала смех. Ее оружие - неодобрительные гримасы и убийственные взгляды.

- Наша девочка тосковала по вам, Цветочек, - неожиданно прошептала Сорента. - Вы - большой молодец, что умудрились выжить и вернуться к ней.

Фрейлина сняла невидимую пушинку с лацкана моего кафтана и выскользнула в спальню. Я едва устояла на ногах.

- Два - под юбками, - сказал Болтун, - один - на левом запястье и еще несколько совсем маленьких - на щиколотках. Видела, как этой немолодой леди приходится семенить, чтоб подол не приподнимался?

- Ты хочешь сказать, что эта кошелка - боец?

- Это с первого взгляда понятно.

- Тогда как ее притащили в Блур вместе с королевой?

- Ей пообещал теплую должность в новом правительстве. Это я слышал быструю беседу стариканов-канцлеров. Тот, который помоложе, ван Хорн, сокрушался, что его провели, как мальчишку.

- Второй, наверное, сказал на это - «не в первый раз, любезный зять»?

- Ты просто ведьма, Бастинда! Слово в слово.

- Значит, ее величество желала быть похищенной, и леди Сорента ее желание удовлетворила.

- Мне одно непонятно, дево-граф. Ты самое недоверчивое существо, которое мне знакомо. Почему ты веришь своей королеве? Причем зная, что являешься всего лишь одной из фигур в ее игре?

Я пожала плечами:

- Не знаю, Болтун. Просто я верна ей, без всяких «но». Расскажи, о чем она сейчас беседует с леди ван Сол.

- О тебе. Между прочим, они так орут друг на друга, что я удивлен, что ты сама их не слышишь.

Наконец дверь гардеробной открыла недовольная Дидиан:

- Ее величество ждет вас, граф.

Я вошла в спальню.

- Великолепно выглядишь, Цветочек, - сказала Аврора.

- За два года мода изменилась, и штаны фонариками уже не носят, - пожаловалась я, проведя руками по бедрам.

- Ты вернешь этому фасону былую популярность. Леди ван Сол любезно простила тебя и согласилась сохранить наш секрет от посторонних. Она, конечно, будет страдать без своей фрейлины, но мы не можем позволить этой милой девице вернуться в замок.

- Слишком приметный шрам. - Я поклонилась, сложив руки по-мужски.

- Ступай, милый. Проводи леди, куда она предпочтет отправиться.

- Прикажете мне затем вернуться к вам?

- Нет, милый, я устала...

Напрашиваться и дальше было неприлично. Мы с Дидиан поклонились и вышли.

Леди ван Сол печатала шаг, будто на плацу, я макушкой не доставала ее плеча. Комичная парочка.

В коридоре нам встретился счастливый всеобщий жених ван Харт, его вела в покои

королевы леди Сорента.

Мы молча раскланялись, я заметила, что меченый красавчик прихрамывает. Наверное, споткнулся, не чуя ног от радости встречи.

Дидиан при виде кузена замерла, потом решительно взяла меня под руку, а скорее вздернула из-за разницы в росте:

- Так вы, любезный граф, утверждаете, что милейший родственник был не против нашего с вами брачного союза?

Я в ответ что-то проблеяла, но леди-коннетабль повлекла меня дальше по коридору, поэтому как ван Харт отреагировал на ее фразу, увидеть не удалось.

- Прости! - прошептала я, когда мы с леди ван Сол очутились в ее покоях.

- Ты меня обманула!

- Прости...

- Я тебе доверилась!

- И я бы тебе доверилась. Думаешь, долго ли мне удалось скрываться?

- Ненавижу лжецов!

- А кто сообщил ее величеству, что выехал ей навстречу, хотя на самом деле поджидал в засаде лорда Виклунда?

- Это была не ложь, а военная хитрость.

- Пустое оправдание. Вранье есть вранье, врут все, иногда из лучших побуждений, иногда от безысходности. Если бы моя матушка не обманула всех, что у нее родился мальчик, наследник Шерези...

- Ты притворяешься с самого детства? - Дидиан жалостливо на меня посмотрела. - Бедняжка. Твоя мать была слишком жестока.

- У нее не было выбора. Если бы меня не выдавали за графа, наш замок отошел бы дальней родне, а матушке, храни ее Спящий, пришлось бы идти в приживалки.

- И поэтому... - неодобрительно начала Дидиан, потом запнулась, смешавшись. - Прости, я не вправе говорить плохо о твоих родителях. Вообще, самое низкое, что может сказать один человек другому, - это гадость о его предках.

- Ты добрейшая из женщин, леди ван Сол, - сказала я с благодарностью. - И почему только твой брат Дэни...

Тут запнулась уже я.

- Продолжай, раз начала.

- Он говорил, что его сестра леди Дидиан прекрасна внешне, но ее характер...

Дидиан рассмеялась:

- Сразу видно, Бастин... то есть Басти, что у тебя нет младших братьев. Конечно, после тех тумачков, которыми я его воспитывала...

Я присоединилась к ее смеху.

Потом мы болтали и шуршали шелками, выбирая несколько самых прелестных платьев для леди-коннетабля из вороха предложенных.

- И что мы намерены теперь с тобой делать, граф Цветочек Шерези? - спросила меня подруга.

- Ничего, Ди. Нам остается только ждать. Ее величество ведет свою игру, а наша задача

- выступить и отыграть за нее, когда придет время.
- Жаль, что она не родила наследника мужского пола. Это облегчило бы нам всем жизнь.
- Мне кажется, королева относится к тому типу женщин, у которых есть только один мужчина навсегда. Она не смогла предать свою любовь, вот и все.
- Ты так это сказала, - Дидиан всхлипнула, - что мне захотелось плакать.

Я обняла ее плечи:

- Это темное полнолуние, дурочка, навевает сантименты.

А ближе к вечеру лорд Уолес прислал нам приглашение на ужин «в узком кругу».

- О мече нам пока следует забыть, - говорил Болтун, когда я уже шла к охотничьей зале, где был сервирован стол. - Я тут покопался в памяти... Даже, если мы его найдем, толку не будет.

- Я надеюсь, ты присматриваешь за картиной-порталом? - тихонько спросила я.

- Ну...

- Что значит «ну»?

- То, что кто-то должен был понять, что там с картиной, когда ему вернули его пояс.

- Объясни! - Я резко остановилась, испугав сопровождающую меня служанку.

- Успокойся, девушка сейчас чувств лишится. Вообще ничего не говори! Молчи. Слушай. Я тебе всегда даю всю... заметь - всю, информацию. Как ты ее интерпретируешь, уже твое дело. Четко помню свою фразу о том, что крысиный принц реагирует на артефакт фей. По твоему недовольному сопению я понимаю, что и ты наконец вспомнила. Наш драгоценный ван Харт таскал пояс при себе, а потом галантно вернул, не требуя даже поцелуев. Из чего мы можем сделать вывод, что он великолепному Гэбриелу больше не нужен. Не дергайся! Блюр стоит на месте, значит, пока ничего страшного не произошло. Хотя обилие птиц в округе мне вовсе не нравится. А еще - ты заметила, что кое-кто явно приволакивал ногу, направляясь на аудиенцию к королеве?

Мы подошли к двери, обе створки которой были гостеприимно распахнуты.

- А теперь, граф Цветочек, иди туда и играй роль души компании и любимчика королевы. Ты все правильно сказала своей подружке - отыгрывай, твое время скоро придет.

Я отбросила все плохие мысли и ступила через порог с широкой улыбкой:

- Добрый вечер, драгоценные лорды!

Миньоны теснились у камина, никто не садился за стол, пока не прибудет королева. Патрик озабоченно сообщил, что оба канцлера тоже задерживаются. Виклунд неотрывно смотрел на дверь, я подумала, что знаю, чьего появления он с таким нетерпением ожидает.

Присев на подоконник рядом со Станисласом, я спросила его весело, но негромко:

- Наш тиририйский великан, кажется, попал? Мне поведали об эпичной битве с леди ван Сол.

- Без сомнения-а-а, - протянул ноту менестрель. - Кто бы мог подумать, что будь я менее удачлив, он сражался бы сейчас не с Гэбом, а с тобой.

- Твои речи мне непонятны, - пропела я удивленно.

- Помнишь, мы как-то вытаскивали тебя из покоев лорда Мармадюка?

Я припомнила, как разыграла друзей. Мне тогда еще показалось, что за мною

подглядывают в замочную скважину. Хмыкнув абсолютно не музыкально, я кивнула.

- Камень, ножницы, бумага... Моя бумага побилла камень, и я был удостоен чести рассмотреть твою подружку. Ах, какой у нее был голос! Ты познакомишь меня с ней?

- Если отбросить тот факт, что подглядывать за раздетой леди - недостойно дворянина и рыцаря, многое ли тебе удалось рассмотреть?

- Ты шутишь, Цветочек? Я тогда был более слеп, чем крот, - Станислас поправил на переносице дужку окуляров, - но силуэт был прекрасен. И голос...

- Кстати, о голосах, - быстро перевела я разговор со своих недорассмотренных прелестей, - как тебе обертоны нашей леди Дидиан?

- Божественно.

- Бедняжка всю жизнь занималась только делами ратными. Может, ты будешь столь любезен, что дашь ей несколько уроков?

- С удовольствием. У меня как раз появилась премилая баллада. Леди ван Сол!

Он спрыгнул с подоконника и ринулся к Дидиан. Леди ван Сол слушала менестреля с улыбкой, благосклонно кивала, но поверх его макушки награждала меня недовольными гримасами. Точно! Дальнзоркая трубка!

- Патрик! - Я дернула Уолеса за рукав. - Позволь отвлечь тебя от доблестного ван Харта. Леди Дидиан интересуется оптикой.

Я отгеснила ленстерца к подоконнику и быстро зашептала, не забывая широко улыбаться:

- Если ты, болван бесчувственный, посмеешь обидеть мою подругу...

- Басти!

- Жалость? Более ничего? Твои монахини не научили тебя галантности? Или ты мил только с мужчинами?

- Так это были вы с Дидиан? - Он быстро обнял меня за плечи и зашептал над ухом: - А что я, по-твоему, должен был говорить Гэбриелу? Он в любом случае решил бы, что меня манит герцогство, а не дева. Он сегодня уже успел разругаться с Оливером из-за своей кухни.

Я посмотрела в сторону ван Харта. Последний в этот момент своим взглядом свеживал и зажаривал лорда Доре. Фаханов ревнивец!

- Дидиан хочет трубу, в которую можно видеть на большие расстояния, - сказала я Патрику. - Ты сможешь сделать такую диковинку?

- Телескоп?

- Ей не нужны звезды. Ей нужен вражеский лазутчик или вражеский генерал.

Лорд Уолес моментально воспламенился:

- Драгоценнейшая леди ван Сол, наш друг Шерези поведал мне, что вы интересуетесь оптикой!

Теперь около Дидиан было двое кавалеров, и еще один страдал, подпирая стену, причем стена грозила рухнуть от этих подпираний.

Я подошла к ван Харту:

- Правду ли говорят, драгоценный лорд, что ревность причиняет страдания?

- Воистину, драгоценный лорд. - Лорд ван Харт обнял меня за плечи точно так же, как Патрик чуть ранее. - А если некая дева не прекратит флиртовать, ревность причинит

страдания окружающим.

Его ладонь скользнула по моему плечу вверх, пальцы легли на затылок у линии волос. Моя кровь будто заискрилась от этого прикосновения.

- Надеюсь, она не отравит твое сердце.

- Мое сердце давно мне не принадлежит...

Пальцы ван Харта пришли в движение, поглаживая кожу. Мне захотелось прижаться к нему всем телом.

- Ты дрался с Караколем? - спросила я, чтоб отвлечься.

- Караколь на одном из диалектов значит «улитка»...

- Это фахан тебе сказал?

Ван Харт не отвечал. И когда я подняла на него взгляд, увидела, что глаза его прикрыты, он как будто впитывал ощущения, которые передавались от моей шеи его руке.

- Гэб?

- Тсс... Помолчи, просто стой со мной рядом и молчи. Скоро все закончится, и если оно закончится плачевно для нас, я хочу запомнить...

Замерев, я чувствовала, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

- Не подходи ко мне больше, - он все шептал, и от этого шепота у меня по коже бежали мурашки, - я теряю контроль, когда ты рядом. Я не должен его терять...

- Вам придется отпустить моего любимого миньона, ван Харт! - Звонкая фраза ее величества послужила общим приветствием. - Бастиан, милый, сядь рядом со мной! Леди ван Сол, вы - по правую руку. Прочие пусть рассаживаются как им угодно, не чинясь. Все же это не протокольное празднество, а скромная дружеская трапеза.

Несмотря на заявленную «непротокольность», слова ее были встречены глубочайшими поклонами. Даже сидящий в кресле с колесами лорд Адэр скрючился до положенной глубины.

«А я и не заметила, когда в зале появились оба канцлера», - думала я, пробираясь к ее величеству. А еще полюбовалась небольшой молчаливой битвой за место по правую руку леди ван Сол - победил, разумеется, Виклунд. Но весь его вид выражал при этом такое страдание, что мне стало его немного жаль.

А потом мне ни до чего не стало дела. Потому что моя Аврора ждала от балагура Шерези определенных действий, и я не могла ее подвести. Тем более что без моих усилий ужин грозил превратиться в пренеприятнейшее времяпровождение. Три достойных лорда сражались за внимание леди Дидиан, а она, кажется, винила в этом исключительно мою скромную особу. Между прочим, это она сама выбрала мятно-зеленое с серебряной канителью платье, с таким глубоким вырезом, что пришлось драпировать его подходящего вида вуалью. Если не желаешь привлекать внимание, то толку в этом наряде я не видела никакого. Ее величество тоже была в зеленом, но более глубокого изумрудного оттенка, она сидела во главе, держа спину прямо, с присущим только Авроре горделивым изяществом. Противоположный торец стола был никем не занят, из-за небольших размеров залы его пришлось придвинуть почти вплотную к стене, поэтому, пофантазировав, можно было себе представить, что столешница - это некая дорожка, уходящая в украшающий стену пейзажный гобелен.

- Что-то надвигается, - шепнул Станислас, который сидел слева от меня. - Даже моя музыка стала тревожной.

- Мы справимся. - Я как раз салютовала бокалом канцлеру ван Хорну, просто чтоб позлить последнего, и говорила с широчайшей улыбкой.

- В этом уже никто не уверен.

Пламя свечей колыхнулось от резкого порыва ветра. В залу влетела птица, по виду чайка, но то, с какой быстротой она металась над нашими головами, не позволяло ее рассмотреть. Да и полноте – какие чайки в горах?

Секретарь канцлера по-девичьи ахнул, леди Сорента подхватила свои юбки, появилась еще одна птица, и еще одна. Я выхватила взглядом ван Харта, он даже не пошевелился, смотря прямо на менестреля. Лорд Доре кивнул Гэбриелу, откинувшись, придерживая все это время лежавшую у него на коленях мандолину. Резкий аккорд, мельтешение огней, птичий клекот, еще один аккорд, птицы как по команде юркнули в раскрытое окно.

– Какая чудесная старинная магия, – умилился Болтун над ухом. – Ее даже в Авалоне используют крайне редко.

– Колдунов в наших рядах прибыло, – прошептала я, а потом радостно и громко сказала: – Давайте танцевать, любезные лорды! Наши дамы заслуживают великолепных зрелищ.

Происшествие с птицами никого не удивило и не шокировало. То ли присутствующих отвлек мой безумный танец, то ли мало кто из них заметил колдовство Станисласа. В любом случае ее величество не остановила меня, следовательно, я продолжила делать то, что сочла нужным.

– Слуги покидают замок, – сообщил Болтун, пока я в произвольном порядке исполняла батманы и плие, а лорд Доре аккомпанировал. – Закончился вывод последних лошадей, войска заняли позиции ниже по склону.

– От кого исходили приказы? – пробормотала я.

– Молчи. Береги дыхание. Все организовали Уолес с ван Хартом, у последнего оказалось письменное распоряжение леди ван Сол, которому подчинились ее командиры. Дириан в курсе, и именно она попросила у королевы дозволения остаться в замке. Молчи! Королева тоже в курсе. Итак, что мы имеем? Двух колдунов, двух калек – под ними я подразумеваю канцлера и королеву, двух леди-воинов, берсерка и четверку бесполезных как в драке, так и в волшебстве, персонажей. Почему королева оставила канцлеров, понятно, она придерживала их, чтоб на воле они не принялись плести интриги. Ты здесь просто для придания полномасштабного хаоса происходящему. А вот зачем ей лорд Уолес? Ах и это я тоже понял! Красавчик Патрик – владелец замка, связан с ним силою своего фамильного кристалла.

В танце я приблизилась к ван Диормоду и отвесила поклон.

– Бедный юноша, – жалостливо сказал Болтун. – Вот уж кто оказался здесь абсолютно случайно.

– Хаос? – Мелодия закончилась, я раскланивалась перед зрителями и смогла себе позволить тихий вопрос.

– Джокер – карта, которая переворачивает игру. Если Гэбриел пользуется магией жеста, Станислас призывает силу мелодий, то ты всегда являешься средоточием хаоса, который, как известно, противоположен порядку.

Я вернулась к столу. Что ж, я о чем-то таком подозревала и раньше, просто не давала себе возможности поразмыслить. Но в том-то и состоит преимущество служения: ты можешь ничего не решать, доверившись воле сюзерена. Вот только обилие колдовства, пролившееся на мою бедовую голову, несколько раздражало. Наша жизнь и без того сложна и полна разного рода игр, добавлять в нее еще и чародейство казалось мне несколько избыточным.

Замковые служанки сменили сервировку, подав десерт, и удалились.

– Они последние, – сообщил Болтун, отвлекая меня от беседы через стол с лордом Виклундом. – Как только эти девушки выйдут за ворота, их закроют снаружи.

Мандолина Станисласа умолкла на ползувке, сам звук тоже умолк – не оборвался, а как будто продолжился дымом, огоньки свечей сначала вспыхнули, затем изогнулись, стелясь на ветру.

Ее величество подняла голову, глядя прямо перед собой, я проследила за ее взглядом. Гобелена на стене не было, впрочем, как и самой стены. Сначала мне показалось, что там появилось зеркало. И в зеркале отразился наш стол с прекрасной рыжеволосой леди во главе. Потом я заметила, что волосы леди слишком коротки, а корона, напротив, гораздо больше и богаче скромного венца Авроры. За плечами этой другой леди просматривались стены залы, так похожей на нашу, только тамошние гости не сидели на своих местах, а серой массой толпились у стен.

Безумная Ригель, красная королева, хотя сейчас она была в зеленом, как и Аврора.

- Ты меня ждала, - протянула Ригель и дребезжаще захихикала.

Я с ужасом оглядела своих друзей, они были неподвижны. Все присутствующие замерли, застыли в том положении, в котором их застало явление Ригель. Виклунд опустил подбородок в раскрытую ладонь, Патрик не донес до рта бокала с вином, Дириан держала пальцы на столовом ноже. Гэбриел? Он тоже замер над своим прибором. Какой толк отказываться от вина и женщин, если ты не можешь противостоять сумасшедшей бабе?

- Молчи! - велел Болтун. - Она успела выдоить фахана досуха. Не привлекай внимания, если не собираешься пополнить ряды замковых крыс.

Я поняла, что за спиной Ригель толпятся крысы, даже узнала некоторых.

Аврора сморщила носик, пережидая приступ смеха соперницы.

- Тебе придется многому научиться, милая девушка, если ты собираешься узурпировать мой трон. Например, форме приветствий для каждого случая. Их существует немало: для равных, низших по статусу и высших, для родственников и приближенных к трону друзей, для любовников. Ни одно из них не предполагает начинать беседу с вопроса, милая девушка.

- Не смей называть меня «милая девушка»! Это обращение к пейзажке!

- Не желаешь продемонстрировать доказательство благородного происхождения, чтоб заслужить обращение «леди»?

Ригель взмахнула рукой, и все стены исчезли, обеденный стол стоял теперь на вершине скалы под низким серым небом. Умом я понимала, что это скорее всего иллюзия, но невольно испытала ужас от бесконечности открывающегося пространства.

Красная королева поднялась с кресла, оно тут же развеялось, будто само его существование определяла лишь близость королевского седалища.

- Как тебе такое доказательство?

Изумрудные шелка взметнулись вихрем, и за плечами Ригель-Моник раскрылись чешуйчатые зеленые крылья.

- Не припомню, чтоб среди ардерских дворянских домов были... - Аврора опять сморщила носик, - ящерицы.

Ригель расхохоталась гулко и грозно, вторя ее смеху, в небесах громыхнуло и блеснула молния.

- Ты блефуешь, Аврора! Пытаешься держать лицо, на самом деле не испытывая ни грана уверенности. Твои мысли передо мною - как раскрытая книга. Ты опасаясь, что я сейчас выкину какой-нибудь фортель и покалечу или убью кого-нибудь из милых мальчиков, которые сидят по сторонам от тебя, или эту дылду, не знаю, кто это... Леди ван Сол? Так вот кому достанется в итоге мой сладкий Гэбриел?

- А ведь она в чем-то права, - грустно сказал Болтун. - Ваших ресурсов не хватит, чтоб противостоять той силе, что получила в свое распоряжение Ригель.

- Ах, любовь моя, - сюсюкала безумная королева, приближаясь к ван Харту, - помнишь ли ты все наши полные страсти ночи?

Она склонилась к юноше, как будто приючиваясь:

- Что такое? Разум моего лорда со шрамом прячется от меня? Не бойся, любимый, откройся своей Моник.

Она поцеловала шрам, из него потекла кровавая дорожка. Это было страшно. Движение красной струйки на неподвижном лице.

- Нет? Противный мальчишка! - Она слизнула кровь и мечтательно закатила глаза. - Я займусь тобой после, я выпотрошу твою голову, оставив там лишь приятные для себя мысли. Например, любовь. Ты, конечно, женишься на дылде, пусть. Княжеская корона Дювали будет тебе к лицу. Потом дылда нас безвременно покинет, это несложно. Но моей руки ты не получишь, я собираюсь окружить себя множеством красавчиков по примеру моей незадачливой предшественницы.

Аврора сокрушенно покачала головой. Кажется, это был тот максимум движений, которое ей позволяло колдовство безумной королевы. Я испуганно ущипнула себя за колено, убедившись, что меня заклятие не коснулось.

- Этот красавчик тоже будет в моей коллекции! - Ригель взъерошила золотистые волосы Патрика. - Какой строгий ум! Он ученый? Это лишнее с его-то внешностью. Пусть будет поглупее.

Она ткнула указательным пальцем в висок Уолеса:

- Главное, не перестараться, не хочу, чтоб он стал идиотом, пускающим слюни себе на грудь.

- Сидеть! - рявкнул Болтун. - Она врет! Твоему профессору ничего не грозит. По крайней мере, сейчас.

- Кстати, о слюнях, - продолжала Ригель. - Достойный лорд Адэр превратился в абсолютную развалину. Не люблю стариков, они жалки и противоестественны. Воцарившись, я немедленно казнь всех, кто переступил сорокалетний рубеж. И таким образом достигну сразу двух целей - окружу себя молодостью и красотой, одновременно питая свое колдовство. Ведь кому нужны волосы, если можно черпать магию из чужих бесполезных жизней? Например, этот калека уже сейчас может послужить великой цели. Хотя в нем жизни на доньшке, возьмем кого-нибудь менее ветхого.

- Она сейчас иссушит секретаря, - скучно сообщил Болтун. - Бедный мальчик.

Ван Диормода заклятие застало вплотную прижатым к канцлеровскому креслу, Ригель потянула молодого человека за волосы, поднимая его лицо.

- Ты бы зажмурилась, - предложил артефакт. - Зрелище предстоит преотвратное.

- Что ты сотворила с Караколем?!

Мой громкий вопрос заставил безумную корову вздрогнуть и развернуться ко мне:

- Уродина?

Я пружинно поднялась и поклонилась:

- Хотелось бы сказать: «К услугам вашим», - но ведь ты у нас теперь читаешь мысли, так что сразу поймешь, что я вру.

Аврора жалобно на меня смотрела, я же, взглянув на свою королеву, отвела взгляд.

Ригель взмахнула крыльями, поднимаясь в воздух, зависла надо мной.

- А ведь он любил тебя, мой славный фаханчик!

- Так он мертв или разлюбил?

- Что ты делаешь? - бесновался Болтун. - Она сильнее тебя, сильнее всех вас!

- Он... - Безумная корова чуть сдвинула крылья, опускаясь на твердь. - Он так страдал, когда ты его обманула. Наивный уродец считал, что после спасения ты преисполнишься благодарности, которая со временем превратится в нечто большее. Ты преисполнилась?

- Я зеркалю, - в голосе артефакта слышалось усилие.

- Нет? Я так и думала! А он этого боялся. Настолько, что исчез, разбудив тебя поцелуем от волшебного сна. Вот ведь глупый урод! А ты знала, что этот безумный шрам он попросил наколдовать тебе только затем, чтоб ты точно осталась с ним? Он думал, что тот, о ком ты мечтаешь дни и ночи напролет, отвернется от тебя в ужасе, увидев, как изуродовано твое лицо. Он отвернулся?

- Караколь жив? - быстро спросила я. - Он занимает довольно высокое положение в фахановой иерархии.

- Именно поэтому я пока сохранила его жалкую жизнь! Ты знала, какую многоходовую интригу задумал этот урод, чтоб избавиться от меня?

Святые бубенчики! Как же в этот момент мне было жалко несчастного фахана.

- Конечно, знала, ты же вечно все про всех знаешь!

- Ну, положим, внимание от секретаря ты отвлекла, - с нездоровым азартом сказал Болтун. - Но мне все равно непонятно, что ты задумала.

Я тем временем сделала еще один маленький шагочек назад и влево, очутившись уже за спиной Авроры.

- Фахану не удалось тебя превзойти, - сказала я Ригель и еще подвинулась, - ты оказалась хитрее. Bravo!

- Я велю твоему, то есть уже моему, доремарцу сочинить по этому поводу торжественную песнь.

Безумная корова посмотрела на Станисласа, я, воспользовавшись этим, миновала спину ее величества. Дальше сидели Ди и Оливер. К последнему я и направлялась.

- И в финале этого гимна будет сказано, что ты бросила крысиного принца... Кстати, куда ты его бросила?

- Уродина! - Безумная корова обернулась ко мне с радостным удивлением. - А ты уверена, что не питаешь нежных чувств к моей игрушке? Она, конечно, уже поломана, но я могу подарить ее тебе.

- Ну так подари.

Ригель взмахнула рукой. Ничего не произошло. Я недоуменно посмотрела по сторонам.

Безумная корова заржала:

- Ты поверила? Басти, какая же ты дура! Ты думала, что обыграешь саму Ригель? Надеялась, что я сейчас передам тебе во владение своего раба? Освобожу его от клятвы, чтоб он вернул себе всю магию, от него мною полученную? Дура!

- Что ж, - я достигла цели своих перемещений, - ты самая умная и хитрая, ты всегда всех побеждаешь...

И, быстро откинув в сторону белоснежную гриву Оливера, я нажала на татуировку. Если это не приведет его в сознание... Виклунд вздрогнул.

- Леди с крыльями сказала, что ты дерешься, как девчонка! - заорала я и отлетела в сторону, когда берсерк бросился в атаку.

Стол обрушился, мандолина громоподобно тренькнула, разбудив Станисласа. Менестрель подхватил инструмент. Стены залы вернулись на место. Ригель кричала и била крыльями, призывая крысиное воинство.

- Найди Караколя, у него стрела Этельбора, пусть она завершит дело! - Ван Харт схватил меня за руку и потащил к стене, на которой то появлялся, то исчезал гобелен. - Мы будем удерживать бестию до вашего прихода.

- Я покажу дорогу, - заверил Болтун. - Пошевеливайся, дево-граф!

- И если фахан полезет к тебе с поцелуями, - Гэбриел толкнул меня за стену, - я убью его собственноручно.

Я пружинно приземлилась в другой охотничьей гостиной. В спину ткнулось нечто тяжелое, я покачнулась, едва удержавшись на ногах.

- Простите, граф! - Секретарь ван Диормод низко поклонился. - Лорд ван Харт велел мне ждать вас с этой стороны.

- Потому что с той - толку от него нет! - Болтун холодной гусеницей сполз по моей шее. - Хорошее решение.

Секретарь тоненько взвизгнул, глядя мне за спину.

- Это не я! - испугался артефакт. - Меня он видеть не может.

Я обернулась. У дверного проема стояла Ярка.

- Привет, милая! - Я погладила крыску по голове, отметив, что она уже покрыта не шерстью, а вполне человеческими волосами. - Ты меня помнишь? Узнала?

Ярка кивнула на оба вопроса.

- Нюх у крыс хороший, - сказал Болтун. - По запаху и узнала.

- Ты же не драться сюда пришла?

Ярка замотала головой и, схватив меня за руки, прижала их к своей груди.

- Провожатые нам ни к чему, - скомандовал Болтун. - Пусть остается здесь охранять ван Диормода.

- Присмотри за этим молодым человеком, милая, - ласково попросила я. - Ты же не дашь его в обиду?

Она вдохнула и вдруг тихонько произнесла:

- Нет, не дам.

Голосок был тоненьким и писклявым, но тоже вполне человеческим. Да и вообще, крыска превратилась в премиленькую барышню, черноглазую и улыбочивую, с очаровательными ямочками на щеках.

- Так бывает, - вещал Болтун, не забывая указывать мне путь, для чего топтал сотней наскоро выпущенных ножек, перебегая с одного моего плеча на другое.

- Ты не мог бы стать на время венцом? - взмолилась я, утомившись его мельтешением. - Что бывает?

Он заполз мне на голову и замкнулся кольцом, прижавшись к вискам и затылку.

- Когда животные превращаются в людей. Это называется «конечная трансформация». Твоя Ярка, видимо, исполняет личное заветное желание.

Я поскребла щеку ногтем:

- А почему мой шрам все еще, к фаханам, не отвалился?

- А должен был?

- Ну ты же отвалился.

- Ты, Бастинда, выражения подбирай. Сравнить меня, венец цвергова творения, и какую-то безмозглую безделушку...

Караколь сидел в своих покоях. Тысяча!..

Я подбежала к фахану, откинувшемуся в кресле. Подняться самостоятельно он не мог. Кто-то очень сильный и абсолютно безумный сломал ему крылья, когда они находились в прорезях спинки.

- Болтушка, - прошептал Караколь.

Я саданула по спинке каблуком, дерево треснуло. Фахан упал на пол.

- Ты заметила, как изящно я усилил твой девчачий удар? - Болтун отвлек меня от кровожадных мыслей, в которых я играла в мяч рыжеволосой головой одной мерзавки. - Спроси его, где стрела. Время поджигает, несмотря на разницу потоков в мирах. Надо поторопиться.

- Караколь... - я опустила на корточки. - Ты знаешь, что твоя госпожа сделала со стрелой?

- Я просчитался, болтушка, - прошептал фахан. - Она получала мои силы одну за другой, так что когда мне наконец удалось выбраться к тебе, я оказался побежден высокомерным мальчишкой, только начавшим постигать азы колдовства.

- Ты его тоже потрепал, - успокоила я фахана. - Мальчишка отдал тебе мою стрелу, где она?

- Я не успел ею воспользоваться, прежде чем госпожа получила способность читать мысли.

- Караколь! - Я легонько шлепнула его по щеке, он схватил мою руку горячей ладонью и прижал к своему лицу.

- Стрела здесь.

- Где? - Я выдернула руку. - Ригель не попыталась бросить ее в самую глубокую бездну, ну или что там у вас, злодеев, принято?

- Чтоб кто-то другой нашел ее и воспользовался?

Фахан поднялся на ноги, прихрамывая, подошел к ширме и толчком свалил ее. На том месте, где раньше была ванна, стоял ковчег с нее размером, может, как раз из ванны и трансформированный.

- Открой! - кивнула я.

- Мне это запрещено.

Святые бубенчики! Безумная корова даже не заперла этот ящик. Я откинула крышку.

- Благодарю! - Я схватила футляр и быстро в него заглянула. - Обещаю, что скоро ты будешь свободен.

- Тебе нельзя приближаться к моей госпоже... - Караколь захромал к выходу. - Она убьет тебя прежде, чем ты успеешь выпустить стрелу, а без тебя артефакт Этельбора точно окажется бесполезен.

- Выходить из покоев тебе не запретили? - спросила я, распахивая дверь.

- Не вызывает у меня доверия этот крысиный принц, - стискивал мои виски Болтун. - Ни малейшего. Может, Ригель про его высокие чувства наврала? Хотя ты же ни в какие чувства не веришь...

Мы быстро шли к «охотничьей» гостиной по отраженному в волшебном пространстве замку. В этом мире Блур был грязен и неприветлив. В затянутых паутиной углах копошились какие-то твари, подошвы сапог липли к грязному полу, а свет

немногочисленных настенных факелов только нагонял жути.

- Даже для нас проще создать иллюзию порядка, чем его добиться. - Караколь будто извинялся, как хозяин - перед неожиданно приехавшим гостем. - Сейчас иллюзию перестали поддерживать, и...

- Ты же принц, - перебила я его. - Почему ты не попросил помощи у родни?

- Чтоб подвергнуться насмешкам? У нас не помогают друг другу, Басти, у нас глумятся над проигравшим и подчиняются победителю.

- А вот это правда, - влез с комментариями Болтун. - Семейка у крысиного высочества тех еще устоев. Нет, не налево, в другую сторону.

Я, проигнорировав жест фахана, свернула, куда указал артефакт.

Караколь последовал за мной, продолжая рассказывать о своей родне.

- Мне вот что интересно... - Болтун тоже не умолкал, а так как его монолог звучал у меня практически в ухе, его я и слушала. - Для чего его крысиное высочество напросился нас сопровождать? Из соображений безопасности ему выгоднее было бы ждать возвращения силы здесь. Может, он хочет лично лицезреть смерть мучительницы? Так, Бастиана, пора ускориться. Бегом!

Ван Диормод и Ярка, чинно сидящие рядышком на краешке стола, вскочили при нашем появлении. Крыска рухнула на колени перед принцем. Тот посмотрел на бурлящую дымную воронку на месте стены.

- Сможешь? - вдруг спросил Болтун. - Сможешь отнять жизнь безумной королевы таким бесчестным способом?

Это был удар ниже пояса, потому что именно эту мысль я изо всех гнала от себя.

- Промедлить - значит потерять честь! - ответила я девизом, сжала в кулаке древко стрелы, отшвырнула футляр и прыгнула в водоворот.

В полночь, когда над замковыми башенками появились оба ночных светила, несколько сотен человек, расположившихся на склоне, могли наблюдать, как Блур подернулся рябью и исчез, будто никогда его и не было.

Глава 8

Большая игра

Я прорывалась сквозь туман с усилием. Смогу или не смогу? Если безумная корова угрожает моим друзьям, я не промедлю ни секунды. Фаханов туман на ощупь был похож на паутину: прилипал к лицу, лез в ноздри и рот.

- Почему назад идти так долго? - сплунула я особо настырную паутинку.

- Время движется разными потоками. - Караколь взял меня за руку. - Знаешь, каков был последний приказ моей госпожи до того, как она лишила меня всех сил без остатка?

Я сжала его ладонь в ответ.

- Я извлек меч Арктур из камня-основания. Теперь все возвращается на круги своя, миры отдаляются друг от друга и от замка. Ригель пошла ва-банк. Она получит корону Ардеры и завладеет всем волшебством вашего мира. Просто потому, что других чародеев там не останется.

- Что же нас ждет?

- Мы могли бы сейчас с тобой повернуть чуть в сторону и, петляя туманными дорожками, выбраться в пределы Авалона.

- А потом?

- Будем просто жить, забыв о твоём мире как об интересном, но неважном сновидении. Если захочешь, я завоюю тебе какое-нибудь королевство, где ты сможешь наслаждаться интригами и властью, или построю дом с садом у тихой заводи.

- Сдается мне, любезные лорды, - протянул глумливо Болтун, - мы сподобились выслушать предложение руки и сердца. А что, дево-граф, подумай об этом. Я бы на твоём месте подумал. Сейчас наше крысиное высочество пуст, как прошлогодний каштан, но со временем вполне сможет собрать достаточно сил... Да нет, точно соберет. С такой-то морковкой перед носом.

Болтун подул... ну, то есть дуть ему было нечем, он просто издал похожий звук, и пласт тумана слегка отодвинулся. Далеко внизу я рассмотрела ристалище, похожее на расчерченную квадратиками доску. Там сражался Виклунд, орудуя огромным мечом, отбивалась от рогатых чудовищ Дириан, вздымал руки ван Харт, а со струн мандолины Станисласа срывались огненные птицы.

- Это называется большая игра, - пояснил Караколь. - Твоя стрела уже ничего не изменит. Игра началась.

Он кивнул вниз. Трон Ригель был огромным и белоснежным. Она не сражалась - наблюдала, расправив свои чешуйчатые крылья. Аврора восседала с другой стороны ристалища.

- Почему меня там нет? - раздраженно воскликнула я. - Почему, пока мои друзья дерутся, я парю в облаках в буквальном смысле?

- Может, потому, что кто-то вывел тебя из игры, чтоб ты не пострадала?

Я не заметила, кто из моих спутников это проговорил, меня душила обида и злость. Фахановы интриганы! Оставить меня над схваткой? Для чего? Чтоб было кому рассказать историю о славном сражении двух королей? Вот эту вот банальную ерунду? Да таких баек в любой таверне можно услышать с десятков за вечер. Добро против зла, сошедшиеся в кровавой сече. При этом обычно добро побеждает. А знаете, почему? Потому что историю пишут победители. И кто победил, тот и добрый.

- Басти!

Я отбросила руку фахана:

- Пусти! Это дурацкая история!

- Она развивается по правилам.

- К фаханам эти правила! - истошно заорала я. - Сначала зачин, потом событие, которое влечет за собою событие, которое приводит к результату. Это - правила?!

Я стояла под вишневым деревом, сквозь его крону светило полуденное солнце.

- Девочка права. Это банально.

- Это не девочка.

- Это не банально.

- То, что это не совсем девочка, пожалуй, забавно. Во всем прочем она права. История не блещет новизной.

- Ну есть же традиции, устои...

Три разных голоса, мне абсолютно незнакомые, раздавались со всех сторон и одновременно из ниоткуда, как бы растворяясь в пространстве или даже это пространство образовывая.

- Малышка - джокер, тайная карта одной из королев.

- Авроры. Потому что другая и без того безумна.

- Безумие не тождественно хаосу.

- Не начинай! Ни то, ни другое в малых дозах...

- Безумие пока побеждает.

- Правила есть правила. Это большая игра, в которой Ардера достанется победителю.

Вишня плодоносила, ее багровые ягоды призывно блестели. Я сорвала одну. Святые бубенчики, как вкусно!

Если не считать голосов, я была здесь одна. Даже Болтуна на голове не ощущалось.

- Правила всегда можно изменить, - уверенно сказала невидимая мне женщина.

- Только если замена достаточно забавна или парадоксальна, - проговорила другая.

Я сплюнула на ладонь вишневую косточку и, запрокинув голову, посмотрела вверх. Солнечный диск висел так низко, так призывно низко... Косточка полетела в него, прежде чем я успела о чем-то подумать.

Низкий мужской голос ахнул и сообщил нечто, чего от небесных голосов услышать обычно не ожидается.

- Туше! - хихикнул женский. - Меткая маленькая бестия.

- По новым правилам битвы на вишневых косточках, - присоединился к смеху другой голосок, - она только что победила.

- Басти! - Караколь встряхнул меня за плечи.

- Басти! - Болтун с силой сжал виски.

- Ты лишилась чувств? Уснула? Чем перемазаны твои губы? Ты ела в обмороке? Что ты, фахан тебя разбери, ела в обмороке?

- Птичью вишню, - честно ответила я обоим и развела руками стену тумана. - А вот и мы, дамы и господа!

Гостиная выглядела так, будто в ней развлекалась орда малихабарских обезьян или

проходило сражение, которое, впрочем, замерло при нашем появлении. Подробностей я не рассматривала, лишь быстро отыскав взглядом своих друзей. Все живы? Аврора?

- Стрела?! - закричала Ригель, отбрасывая в сторону Патрика.

- Стрела. - Я поклонилась, демонстрируя зажатое в кулаке древко.

- Ты не убил ее?! - Это она говорила Караколю, который стоял за моим плечом. - Я велела тебе убить любого, кто захочет взять артефакт Этельбора! Ты не выполнил приказ!

Она подошла, наступая на обломки, осколки и раненых, которые буквально усеивали все видимое пространство. К слову, за время моего отсутствия гостиная стала гораздо больше за счет разрушенных стен.

- На колени! - приказала Ригель.

Фахан рухнул, как от удара, я отодвинулась на пару шагов.

- Ты послушен, - протянула безумная королева. - Привычно послушен, ты не можешь мне противиться. Убей ее, милый!

Караколь проследил за движением руки своей госпожи и покачал головой:

- Я люблю эту женщину.

- Убей! И я подарю тебе сотню таких женщин, более красивых и изящных, я заставлю их желать тебя!

- Я люблю именно эту.

Ригель быстро обернулась ко мне, угрожающе подняла длань, в которой появился бесконечно длинный клинок. Фахан подпрыгнул, сбил меня с ног, прикрыл своим телом:

- Нет!

- Так не должно быть... - в голосе безумной королевы послышалась растерянность. - Не должно... Не должно! Не должно!!!

Каждое следующее слово произносилось все более громко. Наконец она сорвалась на визг.

Я приподнялась на локте и разжала кулак. Стрела была неподвижна. Фах-хан!

Караколь прикрыл меня изломанными крыльями, как шатром. Может, дело в этом? Я завозилась, отодвигая краешек. Стрела не шевелилась, а крыло ожило от моего прикосновения. Крысиный принц взмахнул им и поднялся, открывая мне обзор.

Ригель-Моник лежала на полу, из ее рта толчками выплескивалась кровь. Наконец конвульсии прекратились.

- Как причудливо повторяется история. - Ее величество Аврора осторожно взяла с моей ладони стрелу Этельбора. - Какая нелепая смерть.

- Безумная королева откусила себе язык! - ахнул Болтун.

Я посмотрела в окно, лорд наш Солнце показался из-за горизонта. Надеюсь, он не держит на меня зла за вишневу косточку.

Все закончилось? Правда закончилось?

Замок трянуло, отчего я опять упала, едва успев подняться на ноги.

- Отсроченная магия, - профессорским тоном сообщил Болтун. - Помнишь, наш фаханчик про меч Арктура признавался? Сейчас мы аккуратненько овестествимся в мире... Или неаккуратненько.

Пол ходил ходуном, я испуганно оглядывалась. Леди Сорента поддерживала Аврору.

- Защищать королеву! - проорала фрейлина, призывая бойцов.

- Ой, не того они защищать бросились! Кстати, тебе, дево-граф, невероятно повезло, что я опять прирос к твоей головушке.

Я не ответила, трудно отвечать, когда изо всех сил отбиваешься от чьих-то цепких конечностей. Потом в ушах свистел ветер, а перед глазами мельтешили цветные пятна.

- Этого можно было ожидать. - Болтуна мое похищение нисколько не встревожило, он азартно комментировал происходящее. - Я бы на твоём месте расслабился и начал привыкать к покорности. Насколько могу судить, крысиное высочество вновь полон сил.

Я громко сообщила, где, как и в каких количествах видятся мне фахановы силы.

- А за словами надо бы последить, дево-граф. Давно тебя голоса не лишали?

- С кем ты разговариваешь? - Глаза Караколя стали похожи на рубины.

Он осторожно поставил меня на камни. Мы оказались на уступе скалы под низким полуночным небом. Ни одной из лун не было, мерцающая россыпь звезд вращалась огромной лиловой воронкой.

- Что ты творишь?! - закричала я и толкнула Караколя в грудь. - Ты сошел с ума?

С таким же успехом я могла бы драться с каменной кладкой. Фахан не шелохнулся.

- Если ты дашь себе труд немного подумать, - сказал он наконец, когда его молчание почти довело меня до истерики, - то поймешь, что остаться со мной - наилучший для тебя выход.

- Я подумала. Верни меня обратно.

- Нет, - он покачал головой. - Сейчас в тебе говорят чувства, а для размышлений нужна холодная голова. Тебе кажется, что я лишаю тебя удовольствия от победы, я же храню тебя от разочарований.

- Какая невероятная доброта!

- Именно, - уверенно продолжил Караколь. - Королева использовала тебя, Бастиана.

- Я этого хотела.

- Но теперь ты ей не нужна. Аврора повергла соперницу и привлекла внимание высших сил. Знаешь, что будет дальше?

Я молчала.

- Она коронует наследника и покинет ваш мир, чтоб соединиться с тем, кто владеет ее сердцем.

- Наследника? - мой голос невольно дрогнул.

- Как думаешь, кто получит Ардери из королевских рук? Конечно же тот, кто ради власти принял магию. Гэбриел ван Харт.

- Даже если так, я приму выбор моей леди. Каким бы он не был.

- Глупышка, - фахан повел крылом, расписной шелк укрыл камни, - присядь, ты ведь так устала.

- Он пытается ломать твою волю, - сообщил Болтун. - Я пока в состоянии тебя защитить, но фаханов фахан невероятно силен.

Я присела на подушку, оказавшуюся за моей спиной, и кивнула Караколю. Пусть думает, что добился цели.

- Какое будущее ждет тебя с королем Гэбриелом, Бастиана? - Караколь присел рядом. - Сможешь ли ты и дальше притворяться мужчиной, чтоб быть с ним рядом? С твоей-то чувственностью! Или примешь женское естество, став возлюбленной монарха? Как долго продлится эта любовь?

- Недолго. - Я отодвинулась, не позволив его ладони опуститься на мое колено.

- Можем броситься со скалы, - предложил Болтун. - Разобьемся, к фаханам, но сохраним честь и все такое...

- Я буду любить тебя вечно. - Караколь взял меня за плечи, я приготовилась к самоубийству. - И моя клятва...

- Столь же нерушима, как и все прочие?

Этот тягучий глумливый голос мог принадлежать лишь одному человеку во всех обитаемых мирах. Гэбриел ван Харт - всеобщий жених и претендент на все блага земные и небесные, стоял на узорчатом шелке, марая его подошвами сапог.

Караколь вскочил, взмахнул крыльями.

- Я опять не почувал твоего колдунишку, - вздохнул мой артефакт, - вскорости покойного. Сейчас чьи-то внутренности добавят здесь красок.

Я бросилась к Гэбриелу. Уж не знаю, что я могла сделать. Ван Харт схватил меня за руку, не отводя взгляда от фахана.

- Ничего не происходит, - удивился Болтун.

Гэбриел изогнул запястье свободной руки, Караколь упал на камни, шелковые покрывала истаяли, как туман под лучами солнца.

- Ты дал клятву, - жестоко проговорил ван Харт. - Взял у меня стрелу Этельбора в обмен на девушку.

- Ты обманул меня, человек! Ты знал, что я не смогу воспользоваться артефактом!

- Ты. Дал. Клятву.

- Ты отправил Бастиану ко мне, когда не смог защитить ее сам!

- Она не пострадала. Благодарю... - Гэбриел опустил подбородок в легком поклоне. - Теперь ты оставишь нас.

На Караколя было страшно смотреть, его пальцы скрючились, рот искривился, глаза полыхали яростью. Он затряс головой, захихикал, затем смех стал громче.

- Высокомерный ублюдок! - Фахан без усилий поднялся на ноги. - Думаешь, твои фокусы на меня действуют? Человек! Я ранил тебя, когда был почти без сил. Неужели ты думаешь, что сейчас я уступлю тебе свою женщину?

- Она не твоя, - с притворным зевком сообщил ван Харт.

- Пусть она...

- Нет-нет, любезный. Я не собираюсь играть в благородство. Ты собираешься предложить этой леди выбрать, с кем из нас она останется. Чтоб облегчить ее выбор, ты сначала явишь нам свою колдовскую мощь, а затем предложишь оставить меня в живых в обмен если не на любовь, то на послушание.

- Думаешь, она пошла бы на такую жертву ради тебя?

Гэбриел подтянул меня к себе и обнял за плечи:

- Уверен.

- Тогда узри мою силу, смертный, и ужаснись!

Яркий свет залил все пространство. Из лилового скопления звезд показались луны, черная Нобу и белоснежная Алистер, и лорд наш Солнце нестерпимо ярким потоком света смыл темноту небес.

- Я взываю к закону! - прокричал ван Харт. - Это существо нарушило клятву.

- Какого наказания требует пострадавшая сторона? - Глас небесный был оглушителен.

- Справедливого.

- Да будет так!

И все исчезло: луны и солнце, и звезды, и застывший будто в глыбе льда Караколь. Осталась лишь я и Гэбриел ван Харт. И его рука на моих плечах.

- Изящно, - решил Болтун. - Даже если он не станет королем...

Я не отвечала, занятая поцелуем.

- Скольких еще лордов я должен от тебя отогнать, прежде чем все закончится? - прошептал ван Харт, отрываясь от моих губ.

- Стрела Этельбора?

- Я не знал, насколько ты увлечена этим фаханом, - усмехнулся меченый красавчик. - Мне нужно было обезопаситься от его притязаний, связав клятвой.

- А как же твоя уверенность в моей любви и жертвенности?

- Ах, милая. С тобой я ни в чем никогда не уверен.

Мне послышалось или сказано это было с легкой грустью?

Я посмотрела на замковые башенки, темнеющие на фоне рассветного неба.

- Сколько времени прошло?

- Пару дней? - Гэбриел пожал плечами. - Я не терял тебя из виду ни на мгновение, так что не знаю, что сейчас творится в замке.

- Ни на мгновение? Значит, ты слышал все, что мне говорил Караколь?

- Каждое слово.

- И...

- До Бюра отсюда лье три или даже четыре, - перебил Болтун. - И это если по прямой. Не знаю, как вы доберетесь туда без лошадей. Разве что колдунишка освоил полеты.

- Нам нужно вернуться в замок, - сказал ван Харт. - Никто так и не понял, каким образом была выиграна большая игра.

- А ты понял?

- Нет. Ты расскажешь?

- Может быть, - я кокетливо улыбнулась.

- А мне? - Болтун дернул меня за ухо. - Что ты поставила на кон?

- Я играла вишневым косточкой.

- У тебя вкус птичьей вишни... - Гэбриел провел кончиком пальца по моей губе. - Ты умница, милая. Королева будет...

Мне стало грустно.

- Что стало с Караколем?

- Ты так о нем тревожишься?

- Давай, Бастинда! - прикрикнул Болтун. - Вызови его ревность и раздражение! Пусть он оставит тебя здесь, в горах! Да и фахан бы с тобой. Но ведь здесь останусь и я, величайший артефакт!

Пока величайший артефакт ворчал, ван Харт начал колдовать. Его магия не была полетом, скорее напоминала тот волшебный путь, который некогда открыл с помощью меча Спящего Караколь.

Свет мигнул, вихрь подхватил нас, чтоб через несколько бесконечных мгновений бросить на каменный пол террасы.

Ван Харт, ни слова не говоря, схватил меня за руку и куда-то потащил.

- Привыкай к покорности, - заунывно завел Болтун.

- Но-но! - Я выдернула руку и остановилась. - Полегче, милорд! Граф Шерези не будет терпеть подобное обхождение!

Меченый красавчик ругнулся, сделал пасс левой дланью, отчего мои ноги безвольно ослабли, и закинул меня себе на плечо.

- Граф каналья Шерези! Я ни на мгновение не вижу в тебе мальчишку, дурочка! Стоило стать колдуном хотя бы ради этого! Посиди до завтра под замком. Я закончу дела, и мы без спешки...

Я укусила его в шею, за что была тут же наказана поцелуем. Меченый красавчик со мною не церемонился, больно схватив за волосы у затылка.

- Мне интересно только одно, - пискнул Болтун, - нас привяжут к кровати или...

Это «нас» меня доконало: я захихикала и смеялась все время, пока ван Харт нес меня по коридорам и лестницам и запирали в своей спальне. И лишь когда ключ повернулся в замке, икнула и вытерла слезы.

- Ты знаешь, как накажут Караколя?

- Знаю, - легко ответил артефакт. - Его не развеют и не лишат сущности, если тебя это тревожит. Он просто очутился нигде и никогда, пока верхние не решат, что наказание закончилось. Тебе его жаль?

- Как было бы жаль любого, кого обманул этот интриган ван Харт.

- Ты была готова всем пожертвовать ради этого интригана!

Болтун мастерски передразнил мои интонации, чем заставил меня улыбнуться.

- Скоро темное полнолуние, мое настроение...

- Сегодня.

- Прости?

- Темное полнолуние сегодня. Так что если тебе нужно провести ночь у текущей воды...

- Мне придется ее отыскать!

- За ближайшей дверью. Этот интриган, - опять передразнивание, - о тебе и тут позаботился.

Я спустила на пол ноги, проверяя их подвижность.

- Что ж, посмотрим, что там за вода.

Купальня, отделанная белым в розоватых прожилках мрамором; из стены бодро журчит ручей, наполняя ее.

Я вернулась в спальню.

- Ты сможешь открыть дверь?

- Дверь? Планируешь побег?

- Я никому не позволю собой управлять! Хочу видеть свою королеву и своих друзей.

- Королева в замке, она совсем слаба, и леди Сорента хлопчет у ее одра.

- Отопри замок!

- Лорд Уолес беседует с управляющим, - продолжал Болтун, проигнорировав мои слова. - Лорд Доре флиртует с какой-то мне незнакомой леди... Подожди - это фея! Замок полон фей!

Я распахнула створки окна и, сев на подоконник, свесила ноги наружу.

- Высоко! - заметил артефакт.

- Вижу.

- Твой «этот интриган» наложил здесь заклятие. Прыгай!

Я, прежде чем подумать, оттолкнулась от подоконника.

- Видишь? Ты даже покалечиться не сможешь.

Я болтала ногами в воздухе, зависнув в туалете от окна.

- Какой чудесный вид! - раздалось снизу. - Не хотел бы расстраивать любезного лорда, но штаны фонариками вышли из моды два года назад.

Я изобразила батман:

- О, милорд, видимо, до вашей провинции новейшие веяния не добрались. Мода сделала круг, вернувшись к истокам.

- Как и ты, Цветочек Шерези...

Раздался хлопок, я спланировала во двор подбитой птицей. Черные глаза Мармадюка смеялись.

- Рад видеть вас в добром здравии, милорд! - поклонилась я по-мужски.

- А уж я как рад! - Лорд-шут сграбастал меня в объятия и затормошил: - Почечуйник! Заставила же ты нас менжеваться.

- Еще один колдун? - недовольно начал Болтун.

- А это у нас что такое? - Мармадюк запустил руку мне в волосы и вытащил из них извивающийся артефакт. - Тонкая работа.

- Это мои бубенчики, - сообщила я. - Мне их сделали подгорные цверги.

- Шрам этот тебе тоже они извояли?

- Бастинда! Пусть он меня отпустит! Скажи ему! Мне больно!

- Сам скажи!

- А почему ты носишь бубенчики на голове? - Мармадюк надел мне на макушку превратившийся в венец артефакт.

- Потому что.

- Хороший ответ.

- А почему вы колдун?

- Потому что... - Лорд-шут запнулся, потом подмигнул: - Твои бубенчики тебе об этом не назвенели?

Я кивнула и скривилась, неудержимо захотелось разреветься от жалости.

- Ну-ну, милая... - Мармадюк привлек меня к себе, обнял, погладил затылок. - Это вовсе не грустно, а, наоборот, здорово.

Я всхлипнула:

- История про любовь и верность?

- Две истории, милая. Одна - о верности, другая - о любви, и обе они заканчиваются счастливым финалом.

- Но вы не встретили свою Мармадель!

Лорд-шут взял мое лицо в ладони и внимательно всмотрелся в глаза:

- Ты ведь не жалеешь, что ты - не она?

- А вы?

Он хитро улыбнулся:

- Я счастлив тем, что ты встретила меня, милая. Знаешь, у каждого человека есть слабости, у самых сильных она лишь одна. Болевая точка, то, на чем можно сыграть. Ты оказалась той самой единственной брешью в броне Гэбриела ван Харта. Ах как мы с Авророй боялись этого юноши! И она, и я знали, что когда он войдет в силу...

- И что же? - Я отстранилась и вытерла рукавом влажные щеки. - Вы заставили его чем-то пожертвовать?

- Короной, милая.

- Поясните, милорд.

- Ради твоего спасения он вошел в круг жрецов Спящего.

- Ах, так вы, милорд, тот самый «второй» из двух существующих?

- Именно! Правда, тогда, два года назад, я мог гораздо меньше, чем сейчас. - Мармадюк прикоснулся к моей щеке, затем показал серебристую бабочку, оказавшуюся на кончике указательного пальца. - Но смог ввести в круг юного Гэбриела в обмен на клятву.

Лорд-шут подул на бабочку, та затрепетала крылышками, взлетела, поднимаясь к небесам.

- Ради тебя Гэбриел ван Харт лорд Дювали отказался от трона.

- Какое благородство.

- Или слабость, - Мармадюк пожал плечами. - Я дарю тебе оружие, дитя. Ты сможешь стать проклятием этого мужчины.

- Это отвратительно!

Лорд-шут шагнул ко мне:

- Власть отвратительна, Цветочек! Учти, что тебя будет пытаться использовать каждый, кто пожелает управлять ван Хартом. А ты ведь натура страстная, увлекающаяся...

- Я не позволю никому управлять ни собою, ни им! - Я почти шипела, приблизив свое лицо к лицу Мармадюка. - Если ваша власть так отвратительна, я стану единственным якорем для своего мужчины! А вы, милорд... Мне вас жаль! Надеюсь, где-то там, на небесах, тот, кто пишет вашу судьбу... - Я сглотнула, мне показалось, что говорю эти

слова не я, а кто-то гораздо более взрослый и мудрый. – Надеюсь, вы достигнете своих колдовских высот, но не получите ожидаемого от них удовольствия, и много-много лет спустя судьба подарит вам встречу с вашей Мармадель. И, святые бубенчики, я уверена, что эта маленькая бестия заставит вас любить ее по-настоящему! И вы, мой лорд, будете страдать!

Я развернулась на каблуках.

– Не хочешь сказать спасибо за то, что я избавил тебя от шрама? – в спину мне сказал Мармадюк.

Я не ответила.

– Она хочет, сиятельный лорд, – прокричал Болтун. – И благодарит! Если бы не вы...

– Заканчивай лебезить, – велела я, когда свернула за угол. – Ты сбиваешь благородный пафос сцены.

– Куда мы идем?

– Не «куда», а «откуда». Мне нужно подумать. Молчи! Вообще ничего не говори! Ни единого комментария, ни полмысли! Иначе...

– Если сейчас ты свернешь направо, затем еще раз, окажешься в чудном садике, крайне удобном для уединенных размышлений... Все! Я умолкаю! Для моего мужчины? Пуффф!

Садик был чудесен, наверное. Скорее всего. Я топтала подошвами сапог клумбы пышных осенних цветов. Святые бубенчики, что я натворила? Я лишила Гэбриела ван Харта возможности стать королем? Как? Да нет, глупости. Это невозможно, решительно невозможно. Как?

– Глупый вопрос, – нерешительно сказал Болтун. – Дело сделано, так чего теперь страдать?

– Действительно, – пожала я плечами. – Нужно придумать, как отыграть это дело обратно!

– Какие мысли тебя по этому поводу посещают?

– Меня? Брось, величайшее цвергово творение. Твоя очередь делиться размышлениями. Что мы имеем? Клятву, данную под влиянием чувств некоему колдуну. Случайную клятву.

– Ну-ну... – саркастично хмыкнул венец.

– Если заставить Мармадюка отказаться от этой клятвы? Или пусть они откажутся одновременно – и лорд-шут, и меченый красавчик?

– Может, стоит сначала узнать мнение ван Харта по этому вопросу?

Я пнула носком склоненный бутон ближайшего цветка.

– Его ответ очевиден.

Артефакт покряхтел, затем решительно произнес:

– Первое: отменить клятву такого масштаба невозможно. Второе: если ван Харт ее нарушит – разделит судьбу нашего злосчастного Караколя. Третье: наследник, призванный заменить на престоле Ардеры королеву, подготовлен. Коронация скорее всего произойдет в ближайшее время. Ты помнишь, мы удивлялись, что в замке вдруг оказалось много фей?

– И что?

– То, что без их участия возложение не могло бы состояться. Феи издревле подтверждают права претендента.

- Кто наследник?

- «Золотая кость». Не важно, уверен, что наследник идеален по всем параметрам. Но ты не дослушала. Четвертое и последнее: ответ ван Харта на вопрос, столь очевидный для тебя...

Я закрыла уши ладонями:

- Замолчи! Не хочу слушать пустых утешений!

Болтун раздвинул мои пальцы усиками:

- Когда я стану большим и грозным артефактом, я буду управлять людьми не болью, дево-граф, - я научусь вызывать в вас любовь. Это будет гораздо действеннее. Скажи мне, Бастиана, что ты чувствуешь в этот самый миг?

Я опустила руки:

- Стыд! Невыразимый болезненный стыд. И еще... я разочарована.

- В себе?

- В лорде Мармадюке. Я нахожу его поступок низким и недостойным дворянина.

- Черноглазый лорд похитил твое сердечко?

- Управлять людьми ты научишься нескоро!

- У меня все время мира, стыдливая Бастинда, - едко парировал Болтун. - Кстати, если ты желаешь о чем-то спросить своего колдунишку ван Харта, поспеши. Он беседует с кем-то довольно крикливым в сотне туазов к северу от нашего убежища.

- Веди.

- Ты подготовила вопрос?

- Я спрошу, сможет ли он простить меня, невольную причину своего падения?

- Да куда он денется. - Артефакт вел меня по мощеной дорожке, огибающей хозяйственные пристройки. - А согласишься, забавно получилось. Мы предполагали, что ван Харт заделался колдуном, чтоб стать королем, а получилось с точностью до наоборот.

Ничего забавного я в этом не находила. Скажем так, если бы Мармадюк не назвал меня причиной, по которой Гэбриел дал клятву, я бы испытала даже нечто вроде злорадства. Я бы решила, что два хитреца плели сети интриг, а затем один из них перехитрил другого. И, о Спящий, я бы даже болела в этом противостоянии именно за его шутейшество. А что теперь? Прикажете пожизненно оставаться при ван Харте, искупая вину?

- Какая на тебе вина, безумная ты девка? - Я опять говорила вслух, потому что Болтун счел своим долгом мне ответить. - Ты его об этом просила? Нет! Колдунишка Гэбриел - взрослый мальчик и сам отвечает за свои действия, и...

Артефакт дернулся, потянув мои волосы:

- Ой! Ой-ой-ой!

- Что?

- Быстрей, Басти! Он, кажется, в беде!

Я побежала, задыхаясь, выскочила на хозяйственный двор и в удивлении замерла.

- В беде?! - переспросила с нажимом и щелкнула пальцем по вредному артефакту.

- А что я должен был сказать? - оправдывался Болтун. - Я не могу этого пропустить?

Хочу сам посмотреть на драку обоих твоих колдунов? Ты бы принялась со мной препираться, и тогда я бы точно пропустил это зрелище!

Зрелище было еще то, если начистоту. Если Болтун надеялся, что ван Харт с Мармадюком пуляют друг в друга огненные шары, изгибая под странным углом конечности, или завывают, озвучивая заклинания, ему пришлось разочароваться. Дуэль, а это была дуэль, так как чуть поодаль стояли секунданты – Виклунд с каким-то пока незнакомым мне вельможей, велась врукопашную. Также во дворе обнаружилось десятка полтора зрителей, которые, в отличие от секундантов, явно попали сюда случайно. Там были и поварята с окороками на плечах, и нагруженные стопками белья прачки, и девица с птичьего двора, держащая на вытянутой руке трепыхающегося петушка со связанными лапами, и даже фея, чей конусообразный эннен украшала вуаль.

– Кто кого вызвал? – деловито спросила я Виклунда, приближаясь к нему.

– Басти! – Великан обнял меня. – Как же я рад, что ты с нами!

Второй секундант поклонился мне рассеянно, не отрывая глаз от ристалища.

Я говорила, что зрелище не отличалось изяществом? Когда двое мужчин мутузят друг друга...

– И не вздумай куда-нибудь скрыться, Цветочек, – строго приказал Виклунд. – Стой здесь, и когда дуэль закончится, я не отпущу тебя, пока ты не расскажешь в подробностях, что именно произошло...

– И почему покойная Ригель называла тебя «она»? – Доре и мандолина были, разумеется, неподалеку от Оливера. – И почему Гэбриел...

– Твоя новая подружка? – указала я подбородком в сторону феи, доремарец смущенно улынулся. – Ты же помнишь, что будет, если она уговорит тебя отправиться с ней? Когда-то в Шерезском лесу ты избежал такой участи.

Станислас Шарль лорд Доре замер всего лишь на миг, затем низко поклонился:

– Мари-Сюзетт? Я должен был раньше догадаться.

– Святые бубенчики! – Лорд Оливер недоверчиво покачал головой. – Хочу сам удостовериться.

– Помнишь картину в королевском зале? Ту, где знаменитый художник Аданто изобразил обнаженную аллегория Изабилия?

Великан залился краской.

– Надеюсь, нарисованные прелести этой девы не заставят тебя искать ее руки?

– Я уверен, что уже ничьи прелести... – начал Станислас, но отвлекся на драку и не закончил.

Я тоже посмотрела. Соперники были достойны друг друга. По крайней мере, синяки их украшали вполне равноценные. Они оба были обнажены по пояс, и борьба уже перешла в партер. Мармадюк оказался снизу, ван Харт резко откинул голову и ударил его лбом в переносицу.

– До первой крови, милорды! – заорал Виклунд, подбегая. – Надеюсь, вы удовлетворены? Лорд Октобус?

Он обернулся к незнакомому дворянину, тот кивнул:

– У лорда Мармадюка пошла носом кровь. Дуэль закончена победой лорда ван Харта.

– Безотказный приемчик, – прошептала я. – Наверное, лорд Оливер научил его этому.

– Твои друзья восприняли новость о том, что ты женщина, слишком спокойно, – решил Болтун. – Думаю, они и раньше об этом подозревали.

- Хорошо! - кричал, смеясь, Мармадюк. - Молодость и напор победили зрелую мудрость. Зрители могут расходиться! А лордов-секундантов мы попросим вернуть клинки владельцам.

Одна из миловидных служанок помогала ван Харту облачиться в камзол. Я отвернулась, скрывая недовольство. Виклунд поднял лежащий у стены сверток.

- Ваше оружие, любезные лорды.

Девичий визг раздался неожиданно, я обернулась. Красотка, всхлипывая, распласталась на земле. В двух шагах от нее лежал Гэбриел ван Харт, из груди его торчала рукоять большого кинжала.

- Вор! Ты украл у меня все! Сдохни!

Кричавший эти слова мужчина был мне смутно знаком. Он перехватил правой рукой еще один кинжал:

- Сдохни! Сдохни! Сдохни!

Я бросилась к ван Харту, упала, пытаясь прикрыть его от нового удара. Раздался свист клинка, щеке и затылку стало мокро от брызг чужой крови.

- Кто это был?

Я взглянула через плечо. Лорд Октобус спокойно вытирал лезвие своего меча носовым платком. Удостоверившись, что оружие очищено, он опустил клинок в ножны и потрогал труп носком сапога, разворачивая его лицом вверх.

- Креспен, - прошептал Гэбриел, на его губах пузырилась кровь, кинжал задел легкое.

Спящий! Что же делать?

- Басти! - Гэбриел схватил мою руку, ладонь была скользкой от крови. - Довольно глупый финал...

- Наколдуйте что-нибудь, милорд! - рыдая, попросила я Мармадюка. - Вы же колдун! Вы же сможете его спасти!

- Лекаря! Позовите лекаря! - кричал кто-то.

Мармадюк поднял с земли второй кинжал, лизнул острие и покачал головой:

- Прости, юный Гэбриел, мы ничего не можем для тебя сделать. Но знай: за чертой смерти все только начинается, и обещаю, что если мы встретимся с тобой в следующей жизни...

- Пробитое легкое, да еще яд. - Болтун тоже всхлипнул. - Этот Креспен хотел убить наверняка и преуспел.

Я завывала, поднесла ко рту руку Гэбриела, поцеловала костяшки пальцев.

- Спящий! Не забирай его у меня, пожалуйста. Я готова быть с ним всю свою земную жизнь и гораздо дольше. Я готова каждым часом и каждой минутой искупить свою перед ним вину. Лорд наш Солнце, спаси его!

- Остова, волшебный гроб... - донесся до меня обрывок фразы.

- Что? Болтун, повтори!

- Нам нужно к цвергам, Бастиана! погоди, не дергайся. Та-ак! Временные потоки, пространства, роза ветров... Обними своего меченого красавчика, дево-граф, и я, величайший артефакт всех времен и народов, зачерпну чистое колдовство, струящееся в жилах этого юноши, и перенесу... Осторожней, дура! Вытащишь лезвие, и он истечет кровью по дороге!

- Басти?

Я отмахнулась от Мармадюка, зажмурилась, прислонилась к Гэбриелу всей грудью и скомандовала Болтуну:

- Сейчас!

Лиловая пульсирующая воронка всосала нас с чавкающим звуком. Я покачивалась, стараясь не задеть кинжал и не выпустить плечи потерявшего сознание ван Харта.

- Сердце бьется, - успокаивал меня Болтун. - Дыхание прерывистое, но оно есть... Еще немножко... Потерпите.

Яркая вспышка, хлопок, артефакт прокричал:

- Папаша! Нам нужна твоя помощь!

И его крик сотни раз отразился от пещерных, притворяющихся небом, сводов.

- Тихоня! Хохотун! Чих! Простак, Ворчун, Соня!

- Это вообще не принцесса, - проворчал Ворчун, с отвращением глядя на спокойное лицо Гэбриела ван Харта сквозь слюдяную крышку остовы.

- Точно, - чихнул Чих. - Но, надеюсь, его волосы не отличаются от принцессиных. Слышишь, граф, ты обещала, что острижешь его, прежде чем отпустить!

Я кивнула, прижала ладонь к груди:

- Обрею налысо, - и протяжно икнула.

- Вина графу больше не наливать, - велел Папаша. - И спрячьте наши запасы понадежнее, а то знаю я эту проныру.

- Не очень-то и хотелось, - обиделась я. - Сами напоили, а теперь еще и упрекают!

- Кто же знал, что тебя с одного глотка так развезет?

- Так у вас вино, наверное, особой сверхчеловеческой крепости!

- Обычное!

- А на вкус как напиток богов, - я улыбнулась.

- У кого-то хорошее настроение, - сообщил всем Болтун с ближайшего камня, покачивая стебельками. - Уто-то у нас и на комплименты щедр, и на улыбки.

Я снова улыбнулась. Мне было хорошо. Папаша, или Брок, если называть его настоящим именем, заверил меня, что Гэбриел будет в полном порядке.

- На рассвете можешь открыть крышку, пусть подышит, - поучал он, проводя кончиками пальцев по слюдяным узорам.

Я закивала, потом уселась на землю, прислонившись спиной к остовам.

- Без нас на хозяйстве остаешься, граф, - продолжал Папаша.

- А вы куда?

Он многозначительно ткнул указательным пальцем вверх:

- Туда! Вышним, вишь, любопытно про приключения некоей девы послушать. А так как самой деве в чертоги Спящего еще рановато, нас зовут с бубенцами.

Брок протянул раскрытую ладонь, на которую крошечной белкой-летягой спланировал Болтун:

- Попрошу новое воплощение!

- Посмотрим, - неопределенно ответил Папаша. - Ну давай, граф, не скучай особо.

Я вяло махала руками, прощаясь, потом свернулась калачиком и задремала прямо на камнях небольшого островка в изножье остовы. Добрый Тихоня оставил мне принесенное из дома одеяло, в него-то я и завернулась. Без Болтуна было непривычно одиноко.

На закате я проснулась от резкой боли в животе.

Святые бубенчики! Темное полнолуние напоминало о своем приближении. Я сняла пояс, а затем и камзол, потому что женские мои формы явно превосходили в размерах прелести моей леди Авроры, чей пажеский маскарадный костюм я носила. Треугольный вырез сорочки открывал не только ложбинку в положенном месте, но и подвеску ван Хартов, которую я не удосужилась вернуть леди Дидиан ван Сол.

«Какая же я неудачница! – подумала с грустью. – Ничего из того, чем я грезила, отправившись в столицу, не сбылось. Хотя нет, я не права... Все сбылось! Я хотела стать миньоном? Я стала им! Мечтала о братской дружбе? Получила. Об интригах? И этого было сполна. Но вот доставило ли мне это удовольствие? Нет! Абсолютно точно – нет. Вместо невыразимого счастья я испытала стыд и горечь разочарования. Может, таково свойство любой сбывшейся мечты? Может быть, смысл не в цели, а в пути, по которому мы к ней движемся? А может, такова моя личная особенность? Что там говорил Болтун? Хаос? Лишь одно мое присутствие смешивает любые карты!»

Я посмотрела сквозь прозрачную крышку на ван Харта, его волосы лежали на плечах и груди. Кинжал, вытасченный из него Папашей, отправился на кузню, воплощаться во что-то другое. Мудрый цверг сообщил мне, что злоба и месть, которой пропитался его металл, тоже будет пущена в дело.

Мечь и злоба...

Болтун, оказывается, смог воссоздать почти всю картину покушения по обрывкам подслушанных в замке разговоров. Креспен был капитаном личной стражи канцлера ван Хорна, он был с господином очень долго и питал к нему самые верноподданнические чувства, граничащие с обожанием и обожествлением. А еще он ненавидел Гэбриела, тогда еще ван Хорна, считая того недостойным такого родителя.

Я и сама вспомнила угрюмого капитана, видела его в столице не раз и не два. Думаю, что когда Гэбриел обыграл своего папашу, ненависть Креспена только усилилась. Мышь победила гору.

Вот только почему капитан решил убить Гэбриела именно сейчас? И откуда он появился? Я помнила, что канцлер ван Хорн явился в замок всего с несколькими стражниками. Этого я скорее всего никогда не узнаю.

Я посмотрела на меченого красавчика. Хотя... просто на красавчика, если позволите. Цвергова остова стерла шрам с его щеки, будто его там никогда и не было. Без своей отметки Гэбриел ван Харт выглядел гораздо моложе. «Зато теперь дамы не будут покупать на твою загадочность! – подумала я с мстительным удовлетворением. – А еще я обрею тебя налысо, чтоб наверняка ни одна вертихвостка...»

Широко зевнув, я опять завернулась в одеяло, опустила руку в озерную воду. Проточная вода в темное полнолуние являлась одним из условий фейского волшебства. Вопрос, можно ли считать воду цвергова озера проточной, меня волновал мало.

– Ты? – Меня дернули за ладонь, сжав запястье.

– Я! – Видно было чуть меньше, чем ничего, перед глазами разливалась густая чернильная темнота. – Отпусти!

– Ты мне не тыкай!

– Не буду, – согласилась я, прикусив язык, потому что голос узнала. – Темнейшая леди?

– Ты так уверена, что я не Алистер?

– Почти, – врать все равно не получилось бы. – Сегодня тот самый день, когда именно темная королева царит в небесах безраздельно.

Пауза, наступившая после моих слов, была физически неприятна. Наконец собеседница тихонько хихикнула:

- Хотелось бы тебя еще помучить, но не буду. Итак, Бастиана...

- Вся внимание, леди Нобу! - прошептала я благоговейно, на мгновение показалось, что передо мной блеснули из темноты белки глаз.

- Некая наша с тобой знакомая просила меня узнать, не держишь ли ты на нее зла.

- В моем сердце только любовь и верность, - прошептала я не задумываясь. - У нее все хорошо? Моя госпожа достигла того, о чем грезила?

- А об этом знать тебе не положено! - Кончик моего носа горел, будто по нему щелкнули пальцем. - Я передам твой ответ, на этом все.

- Но...

- Спи! - строго велели мне, и я погрузилась в глубокий сон без сновидений, а проснулась, когда на цверговом небе взошло цвергово солнце.

Мне хотелось думать, что Аврора соединилась с возлюбленным Этельбором и что их любовь... Дальше я не думала, потому что пришло время.

Слюдяная крышка, высохшая и истончившаяся, хрустнула под моими пальцами, осыпавшись осколками. Я хмыкнула, зарывшись по локоть в массу темных волос. Надеюсь, их хватит, чтоб отблагодарить семерых спасителей. Ножницы, оставленные мне предусмотрительным Чихом, лежали на камне. Я принялась ими орудовать, локон за локоном остригая нечеловечески отросшую гриву Гэбриела. Он продолжал спать, не реагируя на мои действия.

- Гэб?

Что происходит? Неужели что-то пошло не так? Я испуганно распахнула на нем камзол, разорвала сорочку. На одежде и без того зияли дыры, так что ткань поддалась легко. Гладкая, неповрежденная кожа, несколько по-мужски волосатая. Я приложила ладонь к груди, ощутив биение сердца. Почему он не просыпается?

- Гэбриел?

Его ресницы даже не дрогнули.

Дура! Даже тебя возвращали из волшебного сна поцелуями!

Решительно склонившись над ван Хартом, я приложила к его губам свои.

Ничего не произошло.

- Ну же, Гэб, - шептала я, чуть не плача. - Гэб...

Я настолько распереживалась, что не заметила, когда поцелуй перестал быть односторонним. Лишь когда моя ладонь соскользнула вниз по мужской груди, когда бортики остовы скрипнули от напора, я попыталась отстраниться.

- Фаханов гроб! - ругнулся ван Харт, вываливаясь наружу.

- Слава Спящему! - Я выдернула свои руки, чтоб набожно сложить их перед собой. - Ты жив, канцлеров сынок.

- Слава Спящему, - не спорил ван Харт и увлек меня на одеяло.

- Нет-нет-нет! - попыталась я выползти из-под него. - Тебе нельзя! Твое колдовство...

- Плевать! - Сосредоточенный ван Харт возился с завязками моих штанов-фонариков.

- Ты лишишься своей магии!

- И что? - Он остановился, поднял на меня несчастный взгляд. - Может... ты этого не хочешь? Бастиана, если ты скажешь «нет», клянусь, я не трону тебя! Только прошу, не нужно уверток и лжи.

- Я о тебе забочусь, дуболом! - В моем возгласе было столько праведного возмущения, что хватило бы на целую толпу праведно возмущенных.

- Заботься хорошо, - разрешил Гэбриел и поцеловал меня в шею.

Поцелуй вызвал в душе массу трудно определяемых реакций, меня бросило в жар, а когда его губы переместились в ямку у ключицы, я задрожала, как от озноба.

- Я хочу тебя...

Кто это сказал? Я или он? Ах, какая разница!

Моя одежда летела лоскутами во все стороны, его, впрочем, этой участи тоже не избежала. Заботиться так заботиться. Я извивалась по ним, постанывая, впитывая жар его тела.

- Прости, - прошептал Гэбриел в мой открытый рот.

- За что? - недоуменно спросила я и закричала от боли.

- Прости, милая... прости... прости...

Боль ушла, смытая новыми ощущениями, сначала приятными, потом остро-сладкими, потом на самой грани блаженства. Я приняла его ритм, слыша лишь наше хриплое, в унисон, дыхание и быстрое биение двух сердец, оказавшихся так близко.

Когда Гэбриел застонал, я подалась к нему, чтоб не упустить ни одного оттенка этого действия.

Я знала, что сейчас мой любовник оставит меня и отвернется, об этом предупреждали меня подруги в Шерези. После «тру-ля-ля» кавалеру захочется отдохнуть и восстановить силы. И женщине не следует обижаться на равнодушие, такова мужская природа.

Почему он не двигается? Умер там, что ли?

- Еще раз назовешь это «тру-ля-ля», - ван Харт легко перевернулся и уложил меня к себе на грудь, - я тебя отшлепаю.

- Я опять говорила вслух?

Он кивнул и натянул поверх нас краешек одеяла.

- И как же мне «это» называть?

- Любовью, милая. - Гэбриел легонько поцеловал меня в уголок рта. - Мы с тобой только что занимались любовью...

- Любовью так любовью. - Я ответила на поцелуй.

- Жаль, что ты сейчас столь покладиста. - Его ладони поглаживали мои ягодицы. - Небольшая экзекуция...

То ли мои шерезские подруги подшучивали над моей неопытностью, то ли Гэбриел ван Харт разительно отличался от их деревенских кавалеров... Никакого равнодушия он не проявлял, лаская мое тело от макушки до кончиков пальцев ног, покрывал поцелуями каждый гран кожи. Когда я, уже вибрирующая от страсти, набросилась на него с ласками, нежно меня удержал:

- Подожди, милая. В первый раз я не смог совладать с собой, был слишком напорист и причинил боль...

- Вот-вот! - Мои руки скользнули по его груди вниз. - Уж не знаю, как тебе теперь вымолить прощение у такой пострадавшей меня...

- Я постараюсь, - серьезно пообещал он.

И через некоторое время я орала и билась в конвульсиях на вершине блаженства, до которой он меня довел.

Сколько раз мы с Гэбриелом ван Хартом занимались «этим», я не считала, о том, что ждет нас с ним за пределами пещеры цвергов, не думала. По чести сказать, все мои мысли носили столь чувственный и чувствительный характер, что ни логике, ни планам в них места не находилось.

Я засыпала в объятиях Гэбриела, он гладил мои волосы, просыпалась и любовалась его лицом, высокими скулами, четкой линией подбородка, тем, как ресницы отбрасывают тень на его смуглые от загара щеки.

Любопытно, что в цверговой остане не отросли волосы на лице. Интересно, вождедела бы я ван Харта, если бы он восстал из гроба бородачом? Я тихонько хихикнула и решила, что вождедела бы.

Неожиданно захотелось есть. Я подумала, что в доме «сыновей Ивальди» должно быть что-нибудь съестное. Гэб спал, я подоткнула ему одеяло, надела чью-то сорочку - выяснить владельца вследствие изодранности одежды было попросту невозможно - и вброд стала перебираться с острова.

Вода доходила едва до груди. Я брела в направлении знакомой тропинки, чтоб возле нее вылезти на берег. Шаг за шагом хлюпала, выбираясь на мелководье. Водная гладь отражала тысячи крохотных рукотворных звездочек, я любовалась причудливым орнаментом, невольно поймав и свое отражение. Лицо не различалось, лишь силуэт плеч и растрепанной головы. Затем картинка изменилась, мне показалось, что макушку мою увенчал энен. Я хихикнула, хлопнула по воде ладонью, поднимая волны. Когда рябь успокоилась, опять посмотрела вниз. Мой взгляд встретили красноватые глаза феи.

- Дщерь Бастиана? - одними губами спросило отражение.

- Фата Илоретта? - ахнула я, узнав свою фею, дарующую имена.

- Ты где шляешься, маленькая бестия? - Эти раздраженные слова я услышала. - Твоя мать совсем умом тронулась, войско Фроше осаждают Шерези, а ты... - Фата развела в воздухе руками. - А ты...

Дно ушло у меня из-под ног.

- Иди сюда, нерадивая дщерь!

И надо мною сомкнулась водная толща, в глазах замельтешили лилово-багровые всполохи, в легких будто начался пожар, грудь сжало болью.

Я подумала, что даже помолиться не успею, и больно ударилась пятками о дно, оттолкнулась, вынырнула, жадно хватая ртом воздух.

- Вот только умирать сейчас не смей!

Я в два гребка достигла берега и выбралась на сушу. Фата Илоретта ждала меня у края своего озерца на выложенной речной галькой тропинке. У ног ее ветерок гонял облетающие желтые лепестки.

- Здравствуйтесь, матушка, - обреченно поприветствовала я фею. - Кто там, говорите, осаждают мой фамильный замок?

Глава 9

Граф, которого не было

Камни замка Блур не видели подобного за все время своего существования. Даже тогда, когда были они не замком, а лишь омываемой дождями и ветрами горной породой. А что уж говорить о замковых обитателях! Только успокоились люди внезапным исчезновением замковой громады с последующим возвращением – в замок начались непрекращающиеся визиты. Дипломатическое посольство от Тарифского княжества с целью разведать, не покушается ли Ардера на их исконные земли, скасгардийские варвары с какой-то грязной шкурой для лорда Виклунда, оказавшейся верительной грамотой тамошнего владыки, доманский вельможа с десятком своих ратников, как бы случайно решившийся на визит вежливости, королевский совет в полном составе... Последние чуть было не попытались взять Блур в осаду, но, переговорив с леди ван Сол, сначала на тонах повышенных, затем спокойно, а потом и вовсе уважительно-подобострастно, расселились в замке, следуя указаниям гостеприимного хозяина.

А феи? Они прибывали сразу по несколько штук будто из ниоткуда, все как одна – прекрасные и красноволосые, все в островерхих эннах. Прибытие в Блур лорда-шута на этом фоне осталось почти незамеченным. Он приехал верхом в сопровождении лишь мальчишки-пажа. Ее величество, не покидающая своих покоев по болезни, призвала к себе Мармадюка немедленно. О чем велась беседа в спальне королевы, выяснить не удалось никому. Пожалуй, только колдуну было бы под силу проникнуть сквозь запертые двери и кордоны стражников. Но колдун нехотел отсутствовать. Кстати, известие о том, что колдун вообще существует, вызвало среди обитателей замка маленький фурор.

Неожиданно самым информированным человеком среди всех служащих оказался секретарь канцлера ван Диормод.

– Большая игра, дамы и господа, проходила с переменным успехом, – вещал он, угощаясь в кухонном закутке такими яствами, о которых в прошлом мог только лишь мечтать, – но мы победили превосходящие силы противника.

Добрейшие кухарки подливали рассказчику изысканные вина и угощали лучшими кусочками, дамы и девицы наперебой флиртовали, или, скорее, пытались это сделать. Потому что каждое мгновение, когда секретарь не исполнял своих непосредственных обязанностей, при нем неотлучно находилась немногословная хорошенькая барышня, пресекавшая поползновения других женщин с воинственным пылом.

– А что же красавец со шрамом? – спрашивали секретаря осторожно.

– Которого из них вы имеете в виду? Потому что шрамов у нас было два, как и красавцев. Первый – Гэбриел ван Харт, оказавшийся колдуном и наследником Этельбора, а второй – Цветочек Шерези, бойкий прохвост, волшебной силы лишенный, зато в избытке наделенный нечеловеческим обаянием. О, с какой решимостью этот миньон бросался на защиту своих друзей!

Появление колдуна в человеческом мире слушатели одобрили, пожилая кухарка, по обычаю всех стариков, ворчливо поминающая покойного канцлера фразами: «При Этельборе такого не было!» – радостно решила, что теперь-то вот точно заживем, с таким-то защитником.

Дни шли за днями. Досуг гостей скрашивался развлечениями и увеселениями, у слуг досуга не было вовсе, но, занятые ежечасным трудом, люди и не думали роптать.

– Откуда лорд Уолес черпает свои финансы, из какой бездонной кошницы? – спрашивал Диормод задумчиво.

Ярка на это пожимала плечами, не отрывая от секретаря влюбленного взгляда.

Ответ на свой вопрос секретарь получил вполне неожиданно и вскорости, когда присутствовал на дипломатических переговорах с тарифцами, сопровождая канцлера ван Харта.

– Уолес берет с них плату! – важно сообщил он Ярке поздно вечером и наедине. – Плату

за то, что не разрушает тарифскую монополию на посещение сакральных мест священной горы. Лорд Патрик показал дипломатам некие собственноручно исполненные чертежи, в которых... А впрочем, милая, если начистоту, я ничего в этих рисунках не понял. Но тарифцы не только поняли, но и испугались. На месте этих достойных вельмож я бы начал отыскивать способы лишить Патрика Уолеса его головы, потому что, продав им чертеж, он вполне способен изваять и следующий, даже лучше. К счастью для Ардеры, голову профессора защищает немалое войско, которое с его деньгами может увеличиться в любой момент.

- Ты такой умный! - восхитилась Ярка тоненьком голоском и захлопала в ладоши. - Настоящий царедворец!

- Это не мое, - грустно вздохнул секретарь. - Все, чего я желаю, - отправиться в скромное Дювалийское поместье... Помнишь, я говорил тебе об обещании младшего ван Харта?

- Виноград? - Вопрос перекатывался на языке спелой ягодой.

- Именно, милая. Ты готова разделить тяготы простой жизни с... - Он поискал изящный эпитет, не нашел, поэтому закончил просто: - Со мной?

Ярка спокойно кивнула:

- Леди велела мне присмотреть за тобой.

- Какая леди?

- Та, которую любит мой лорд. Лорд велел нам всем служить ей.

Диормод привлек девушку к себе и погладил ее жестковатые волосы. Прелесть какая дурочка! Вечно несет что-то несусветное. Леди, лорды, принцы... Под леди она, видимо, подразумевает графа Цветочка. Секретарь и сам удивился, когда безумная Ригель называла миньона в женском роде. Он даже, когда все закончилось, осторожно попытался указать на это обстоятельство достойным лордам Виклунду и Доре, но лорды подняли его на смех, а тиририйский великан сказал что-то обидное про то, кто на самом деле баба, а менестрель исполнил куплетик с рефреном про «у каждого свои недостатки». И Диормод решил темы этой больше не касаться. Но с Яркой-то можно.

- Ты знаешь, где теперь твой лорд, милая?

- Мне это безразлично. - Она доверчиво опустила голову на мужское плечо. - Когда я ему понадобится, он призовет меня или любого из моих потомков.

Слова про потомство направили мысли секретаря в другое, более приятное русло, и барышня против воплощения этих мыслей в жизнь нисколько не возражала.

Лорд Гэбриел ван Харт вернулся в конце месяца. Диормод был наслышан о дуэли с лордом Мармадюком, о смертельном ранении и о том, что кто-то перенес ван Харта волшебным образом в пределы Авалона. Секретарь грешил на одну из гостивших в замке фей, фату Вилену, что так щедро одаряет благосклонностью лорда Доре, но точно ничего не знал. Гэбриел вернулся. Был он зол и странен. В чем именно выражалась странность, секретарь догадался не сразу. Шрам исчез! Лорд меченый миньон лишился одного из трех слов этого определения. Он стал просто лорд-миньон, или лорд-колдун, или лорд-миньон-колдун. Прочие миньоны явлению своего негласного командира обрадовались и, не сдерживаясь, эту радость выражали.

- Ей удалось тебя спасти! - сказал лорд Уолес, имея в виду, видимо, фею Вилену.

Беседа проходила в покоях лорда ван Харта в присутствии секретаря. Последний помогал Гэбриелу разбирать накопившиеся за время болезни бумаги.

- Что Креспен?

- Предан земле, - отвечал хозяин замка. - Наши покойники множатся, так что пришлось обустроить кладбище. Канцлер ван Хорн поведал королеве, что рассчитал капитана со службы полгода назад и в его планы посвящен не был.

- Это неудивительно.

- И если продолжать тему кладбища... - Лорд Уолес бросил взгляд на секретаря.

Ван Диормод поднялся с табурета, зашуршал бумагами, готовясь покинуть покои.

- Останьтесь, милорд, - велел ван Харт. - В любом случае сразу после коронации вы удалитесь в свое имение, не думаю, что то, что вы услышите здесь и сейчас, как-то повлияет на урожай дювалийского винограда.

- Я велел перезахоронить останки предателя Вальденса, - после паузы продолжил Уолес. - И, вспомнив о твоей маниакальной предусмотрительности, а также о том, что в прошлый раз мы в спешке не обыскали тело...

Лорд Патрик достал из рукава кожаный с кистями футляр.

Лорд Гэбриел распутал узел и извлек свернутый в трубочку пергамент. Секретарь вытянул шею, но со своего места смог рассмотреть лишь алую звезду, каждый луч которой был подписан мелкими чернильными строчками.

- Это клятва, - со вздохом пояснил ван Харт. - Мы знали, что в заговоре безумной Ригель принимал участие минимум еще один член королевского совета.

- Я прочел, - сказал Уолес, - и если желаешь, сегодня же лично иницирую разбирательство, благо весь совет сейчас отирается неподалеку и сиятельные лорды отчаянно скучают.

Гэбриел поднял на друга полный страдания взгляд:

- Я попрошу тебя об услуге, дружище... - Он резко обернулся к секретарю: - Ван Диормод, будьте столь любезны отправиться в покои лорда ван Харта и организовать мне аудиенцию у батюшки.

- Но милорд, при всем уважении, следуя дворцовому этикету, должен напомнить вам, что родственные узы не требуют предварительной подготовки разговора!

- Требуют, - Гэбриел прервал возражения жестом. - Вы также пригласите на эту беседу лорда ван Хорна. Я желаю беседовать одновременно с обоими канцлерами.

Секретарь отправился исполнять поручение. Закрывая за собою дверь, он успел услышать удивленный вопрос Уолеса:

- Ты не хочешь одним метким ударом избавиться от соперника?

И усталый ответ ван Харта:

- Надо пожалеть старика, тем более что моя рука не поднимется...

- Гэб?

- Дювали, Патрик. Мы не можем ставить под удар благополучие долины.

Ван Диормод организовал встречу в одной из уютных гостиных первого этажа и ни словом об этом не обмолвился, даже Ярке. Разговор длился меньше часа. Когда Гэбриел ван Харт вышел в коридор, где у дверей дежурил секретарь, глаза молодого человека подозрительно блеснули. Через несколько минут гостиную покинул канцлер ван Хорн. Тот едва переставлял ноги, будто прижатый к земле неким страшным известием. Канцлер ван Харт, призвавший помощника еще через некоторое время, тоже выглядел не лучшим образом. В покоях пахло гарью. Лорд Адэр истово орудовал кочергой, размазывая в зеве камина догорающий пергамент.

- Вот и все, мальчик, - с фальшивой бравадой приветствовал он секретаря. - Вот и все...

На круглом столике у окна блеснул оставленный фамильный кристалл ван Хартов.

Кого именно из двоих стариков намеревался пожалеть Гэбриел, ван Диормод так никогда и не узнал. Спешно собранный на заседание королевский совет принял отставку

обоих ардерских канцлеров и, не успев прийти в чувство, ввел в наследственную должность Гэбриела лорда ван Харта. Но и тут вельмож не ждал покой. Новый канцлер, получив свою цепь из рук председателя, немедленно отказался как от прав наследования лорду Адэру, так и от фамильного имени последнего.

- У чародеев не бывает фамилий, блистательные лорды, - пояснил он благородному собранию. - Чародей не коллекционирует титулы и земли, не набивает свою кубышку, стремясь лишь к величию и процветанию государства. Лорд Этельбор, лорд Мармадюк, ваш покорный слуга - все мы останемся в ардеской истории под нашими краткими именами. Канцлер лорд Гэбриел к услугам отечества!

- Вот ведь наглый мальчишка, - шептались вельможи, впрочем, стараясь, чтоб шепоток этот ушей молодого канцлера не достиг. - Однако радение о благе государства не помешало ему сначала получить наследный титул...

Лорд Адэр ван Харт не предложил своему секретарю продолжить службу, чему ван Диормод немало обрадовался. По истечении еще одного месяца лорд бывший секретарь вбежал в свои покои, немного испугав занятую рукодельем Ярку.

- Поздравляю, милая! - Он потрясал в воздухе неким документом. - Канцлер Гэбриел даровал мне в ленное владение Риквир!

- Риквир? - Девушка почтительно посмотрела на обильное многоцветие официальных печатей.

- Это, конечно, всего лишь деревушка, и виноград, коим она может похвастаться, не самого высокого качества, это рислинг, милая, если это название тебе о чем-нибудь говорит...

- Ленное владение?

- То есть из этого винограда не получится произвести привычные нам сладкие дювалийские вина. Ах, прости, я прослушал, о чем ты меня спросила!

Молодой человек был настолько воодушевлен, что казался почти красавцем.

- Не все любят сладкие вина. - Ярка улыбнулась любовнику. - Лорд Патрик Уолес буквально вчера рассказывал за ужином ее величеству, что именно в сухих винах ценитель распознает богатый вкус и букет. А спросила я, милый, о том, что именно значат слова «ленное владение» в подарке канцлера.

Ван Диормод посмотрел на девушку с радостным удивлением. Сейчас она не казалась ему ни дурочкой, ни простушкой. Напротив, он с недавнего времени стал замечать, что речи ее, тихие и немногословные, мудры и наполнены спокойной расчетливой домовитостью.

- Это значит, милая Ярка, что если я отойду в чертоги Спящего, не обзаведясь предварительно наследником, деревенька Риквир вернется в собственность короны.

- Тебе придется завести детей, - девушка задумчиво сморщила носик. - Двоих или даже троих, чтоб один из них точно получился мальчиком.

Сраженный ван Диормод рухнул на колени и сделал предложение руки и сердца. Чета ван Диормодов покинула Блур сразу после коронации, не дожидаясь, когда схлынет основной поток отъезжающих гостей. Многодневные пышные празднества оставили их почти равнодушными. Ярка с увлечением планировала свое будущее в управлении виноградниками, а ее молодой супруг с таким же точно пылом предвкушал долгие прогулки, охоту, рыбалку и прочие радости простой деревенской жизни.

- Интересно, что все-таки произошло с Цветочком Шерези?

Вопрос прозвучал уже в пути, когда карета второй день прыгала на ухабах Дювали и все прочие темы бесед истощились.

Ярка сморщила носик и хихикнула:

- С этой леди могло произойти все, что угодно.

У лукавой крыски тоже были кое-какие секреты от супруга. К примеру, она не собиралась рассказывать ему, что была первой и единственной свидетельницей возвращения лорда Гэбриела из волшебного Авалона. Она удивленно вскрикнула, когда молодой человек буквально вывалился из настенной картины, и, быстро справившись с чувствами, помогла ему подняться на ноги. Чуткий носик девушки различал сотни запахов, основным из которых был пряный аромат близости с кисловатым оттенком разочарования.

- Слава Спящему... - сказала Ярка, запнувшись, - милорд в добром здравии.

- Слава, - ответил Гэбриел.

Как же она ненавидела его в этот момент! Гадкий хитрец, из-за которого ее принц теперь вечность проведет в заточении. И тогда крыска нанесла расчетливый укол:

- Не печальтесь, мой лорд, есть и другие женщины.

- Что ты об этом знаешь?

Мысли Гэбриела были от нее скрыты, но запах он спрятать не мог. Сейчас он пах жадным любопытством.

- Леди-граф хотела вам отомстить, она так часто и громко размышляла об этом, что... А впрочем, простите, вряд ли мои глупые измышления могут вас заинтересовать.

Мужчина! Он заглотнул наживку молниеносно.

- Продолжай!

Приказ был отдан столь властным тоном, что обычная девушка должна была бы испугаться. Ярка изобразила робость, потом, будто нехотя, проговорила:

- Лишить вас чего-то очень для вас ценного, например...

Тут она сделала паузу, чтоб закончить фразу словом «сердца», но Гэбриел опередил ее:

- Например, магии.

Девушка потянула носом. Ах, какой приятный аромат! Он раздавлен, почти убит. Забавно, что он сам придумал самый неприятный для себя ответ и сам же в него поверил. Колдун! Пфф! Колдунишка, не стоящий и кончика крыла ее принца. Ярка надеялась, что страдания его будут длиться ту самую вечность.

Теперь, когда она вспоминала о том разговоре, ее хорошенькое личико озаряла торжествующая улыбка.

- А с леди может произойти все, что угодно.

«Ах, Шерези, отчий дом!» - могла бы воскликнуть я, но вместо этого грязно выругалась.

- То есть, матушка, - переспросила я фату, - осада длится уже более полугода?

- Именно, дочь. - Илоретта, изображающая гостеприимную хозяйку, протянула мне стопку одежды. - Как только до него дошли слухи о гибели графа Шерези, твой дядюшка привел войска.

- Четыре сотни наемников?

- Или около того. Твоя обезумевшая мать заперлась в замке и... Но теперь мы покажем господину Фроше наследника!

- Бастиан Мартере граф Шерези нас покинул, - пробормотала я, надевая простое пейзажное платье, - навсегда и безвозвратно.

Тут фата Илоретта дословно повторила мою грязную тираду, затем с обреченной

торжественностью произнесла:

- Тогда, дочь, я умываю руки. Разбирайся сама и со своим безумным дядюшкой, и с безумной родительницей.

Никакого раскаяния за то, что разлучила меня с возлюбленным, зловредная фея не испытывала.

- Помнится, матушка, - сладенько проговорила я, потупившись, - вы обещали мне еще одно фейское волшебство за авансом срезанную прядку волос.

- С радостью убеждаюсь, - фыркнула фата, - что безумие твоей родительницы не передалось по наследству. Что тебе нужно? Какое снадобье?

- Которое позволит пробраться в замок незамеченной.

Осторожничала я скорее всего зря. То, что за полгода четыре сотни наемников не разобрали Шерези по камешку, о качестве выучки этих самых наемников говорило много и нелицеприятно. А уж о способностях добродетельнейшей леди Шерези держать осаду без гарнизона я могла бы сказать и без дополнительных размышлений.

- Молодец! - похвалила меня Илоретта. - Я наведу на тебя морок, туманный покров, который развеется через несколько часов. По дороге не иди, там патрули.

- Как обстоят дела в деревне?

- Как на развалинах! - отрезала фея, уже помешивая что-то в своем котле. - Там тебе придется опасаться мародеров.

- Господин Фроше учинил насилие моим поселянам?! - Я гневно топнула ногой.

- Графиня Шерези заранее открыла ворота замка всем подданным, так что дядюшке осталось довольствоваться опустевшими домами. В вашем замке, дочь, сейчас очень многолюдно. О чем я еще тебя не предупредила? - Вареву в котле бурлило и плевалось волшебными лиловыми искрами. - Через ров перебраться будет сложно.

- Какой еще ров?

- Замковый! Басти, ты меня отвлекаешь! Просто слушай свою фату, дарующую имена. Не перебивай, и...

В этот момент Илоретта напомнила мне Болтуна, я даже украдкой стерла сентиментальную слезинку со щеки.

- Обогни стену с севера, там есть крошечная лодочка, ее еще называют молочной. С ее помощью в Шерези тайно поставляют продукты те пейзажи, что не захотели оставлять хозяйство без присмотра.

Я молча кивала, слушая и запоминая. Однако, как много здесь изменилось за время моего отсутствия.

Из котла повалил густой дым, а когда он развеялся, на абсолютно сухом дне обнаружился ноздреватый комочек какой-то слизи.

- Не больше двух часов, дочь, - сообщила Илоретта, втирая эту гадость в мои волосы.

- Тогда я поспешу?

Я низко поклонилась своей фее, поблагодарила и выбежала из домика.

Помня предостережения феи, я шла тропинками через лес, затем - через колосающееся поле; две островерхие шерезские башенки, вскоре показавшиеся на горизонте, не дали бы мне заблудиться. И, к слову, если бы не эти башенки, я решила бы, что замок этот вижу впервые. Святые бубенчики! Стены! У этого нового Шерези были высокие зубчатые стены, с бойницами и выпуклыми карманами для лучников. Над северной башней развеялся рубиновый стяг Шерези. Ров! Подъемный мост, сейчас закрывающий своим полотном главные ворота.

Может, за эти два года мне подменили родную мать? Леди Шерези не могла все это устроить! Не могла, и все тут! Или ее безумие, о котором столь цветисто и малопонятно поведала фата Илоретта, носило какой-то исключительно хозяйственный характер?

Встреченный патруль не обратил на меня никакого внимания. Я с любопытством рассмотрела оружие наемников, их добротную одежду и ухоженные, но явно побывавшие в сражениях доспехи. Дядюшке Фроше эти рубаки стоили, наверное, целого состояния. Лодочка нашлась в камышовых зарослях с северной стороны рва. Если судить по запаху, неподалеку регулярно производился слив нечистот, и, видимо, по этой же причине тайный ход в замок оборудовали именно в этом неаппетитном месте.

Я оттолкнулась от берега шестом, обнаруженным на дне лодки, а на другой стороне быстро отыскала скрытую в стене калитку, в которую протиснулась с большим трудом, ибо рассчитана она была скорее на упитанного кота.

К огромной удаче, когда моя макушка показалась с внутренней стороны замковой стены, на ней еще оставалось чуточку фейского туманного морока. Потому что у калитки дежурило двое солдат. Они среагировали на скрип и движение дверцы, но, не видя того, кто эти звуки вызвал, погодили тыкать в прищельца алебардами. Это позволило мне подняться на ноги и уверенно заявить:

- Срочное донесение для графини Шерези!

Мне вдруг пришло в голову, что я даже не знаю, как мне представляться. Графом я быть перестала, и сейчас мы не будем думать, к добру это или к худу, а также не будем предаваться сладким воспоминаниям о моменте «переставания», а дочери у леди Шерези никогда и не было. Если бы у калитки дежурил кто-нибудь из знакомых мне шерезских парней, я бы вообще ничего не стала объяснять. Но солдаты были мне незнакомы, поэтому объясниться пришлось.

Алебардщики лишних вопросов не задавали. Один остался на страже, другой качнул алебардой, указывая путь. А у них любопытные шевроны на плащах. Мне казалось, что этот символ я где-то уже видела.

Мы поднялись на стену. Сверху мне было видно весь замковый двор, просто кишачий народом. У колодца перекрикивались пейзажки, со всех сторон раздавался стук молотков и скрежет пил, мужчины мастерили лестницы, из открытых дверей кузни валил пар. Потом появился кузнец, в котором я с каким-то даже умилением признала своего бывшего. Пьера? Или, может, Анри? Как же его зовут, фахан его раздери?

К счастью, бывший головы не поднял, поэтому меня не увидел. Со стены мы спустились, когда двор остался позади. Стражник сдал меня своему капитану и вернулся к службе.

- От кого именно вы доставили донесение? - поинтересовался этот новый служака.

- Это я могу сообщить лишь лично графине Шерези, - ответила я непреклонно, понимая, что его-то я точно где-то видела, этого капитана.

Матушка изволила творить. Об этом я догадалась, когда капитан подвел меня к двери солярия и тихонько постучал в створку.

- Кто?! - раздраженный вопль подтвердил мою догадку.

А он отважный парень - оторвать мою родительницу от живописи требует немалого мужества.

- Милорд! - сказал капитан. - Здесь какая-то пейзажка утверждает, что у нее сообщение для графини.

Милорд?

За дверью что-то уронили, судя по звуку, холст с подрамником.

- Это я, Бастиана, миледи! - прокричала я. - Ваша...

Кто именно «ваша», я так и не решила: приживалка, воспитанница, служанка? И

выбрать какое-то одно слово из этих трех, мне не дали. Дверь распахнулась, Консуэло леди Шерези повисла у меня на груди, орошая ее слезами:

- Доченька! Ты все-таки жива!

Я всхлипнула и тоже разревелась.

- Так у тебя есть еще и дочь?

Удивленный мужской голос заставил меня поднять голову. В глубине солярия, задрапированный золотым атласом, сидел на троне лорд Биркелан, королевский коннетабль, в позолоченном лавровом венке на лысой макушке. То, что я не грохнулась в обморок в этот светлый миг, можно объяснить лишь чудом.

- Томас! - непрерываемым тоном велела родительница. - Оставь меня с дочерью наедине!

Святые бубенцы! Томас? Они на «ты»? У лорда Биркелана под атласной тогой ничего не надето?

Удостоверившись, что ответ и на последний вопрос - «да», я все-таки собралась лишиться чувств.

Лорд-коннетабль удалился тяжелым строевым шагом. Я проводила его маневр не менее тяжелым взглядом. Что он о себе тут возомнил, хлыщ столичный? Что провинциальная графиня раскроет ему объятия?

Я посмотрела на матушку и поняла одновременно две вещи: первое - я опять думала вслух, второе - крепость уже пала, и под крепостью я подразумеваю не Шерези, а женскую добродетель некоей леди.

- Как вы могли, матушка? - Я обвела широким жестом украшенные полотнами стены, картин было больше двух десятков, и на каждой из них был запечатлен лорд-коннетабль, варьировались лишь варианты его облачения, крайне, я бы даже сказала - скандально, скудного.

- Неплохая мускулатура?

Вопрос леди Шерези прозвучал немного жалко, но я кивнула. Мускулатура там была действительно хорошая. Все прочее тоже впечатляло, все, чем одарил Спящий этого мужчину, лишив взамен волос и, кажется, совести.

- Лорд Биркелан оказался у нас проездом два с половиной года назад. - Более твердым голосом сообщила матушка. - Он привез послание от королевы, в котором сообщалось, что ты не сможешь меня навестить в ближайшее время, а также некую сумму денег в качестве компенсации.

- Вы, наверное, спустили лорда-коннетабля с лестницы? - улыбнулась я.

- Вместе с его фахановыми деньгами, - кивнула леди Консуэло. - И монеты презабавно отскакивали от его глупой лысой головы.

- Что же произошло затем?

- Я отказалась с ним говорить, он отбыл в столицу. Я забыла о существовании тупого вояки, и представь, каково было мое удивление, когда через несколько месяцев он вернулся в Шерези в сопровождении отряда своей личной гвардии. Я не могла закрыть перед ним ворота замка, потому что ворот тогда не было. Все, что я могла, - спрятаться в мастерской и отказывать в аудиенции. Бедняжка Магда передавала ему мое твердое «нет» и приносила обратно все новые и новые просьбы. Мне казалось, что запал лорда Биркелана должен потухнуть очень быстро. Но лорд был на удивление стоек. Пока я отказывалась с ним говорить, он занялся ремонтом, пока я находилась в добровольном заточении, он знакомился с жителями графства.

- А потом господин Фроше напал на вас.

Родительница смешалась, но, справившись с собой, гордо покачала головой:

- Когда твой дядюшка осадил Шерези, мы с лордом Биркеланом уже... нашли общий язык.

Тысяча мокрых фаханов! Я молчала. А что я могла сказать?

- Ты, наверное, голодна? - Матушка решила говорить за двоих. - Пойдем! Магда будет счастлива тебя увидеть. Она все еще командует на кухне, несмотря на лета и подагру...

И леди Шерези, схватив меня за руку, потащила из мастерской.

Я смотрела на матушку и думала, что не имею никакого права ее осуждать. Она ведь еще молода, красавица Консуэло. У нее горячая доманская кровь и огненный темперамент. Неужели я буду столь жадной или настолько ханжой, что даже в мыслях откажу ей в праве на простое женское счастье близости с любимым мужчиной?

В том, что леди Шерези влюблена, у меня сомнений не было. Мне все стало ясно, как только я увидела картины.

Потом меня тискала Магда, рассматривая со всех сторон и приговаривая, что в столице меня морили голодом. И почти совсем слепой от старости Франц отвел меня на конюшню поздороваться со старичком Клишем, которого так нелепо потерял граф Шерези по дороге в столицу. Умное животное вернулось домой самостоятельно, его хозяину на это понадобилось больше двух лет и случайное колдовство феи.

А потом матушка отвела меня в мои покои - большую квадратную спальню, где у задернутой пологом кровати на ростовом манекене все эти годы ждало меня алое платье. Тут мой плач стал походить на вой раненого животного.

- Я подвела вас, матушка! - рыдала я. - Я не смогу больше надеть пояс, у нас нет графа-наследника, господин Фроше отберет наш замок...

- Ну-ну, - леди Шерези гладила меня по лицу, - не плачь, мы что-нибудь придумаем. Твой дядюшка два года не может нас захватить, думаешь, мы сдадимся ему сейчас? Сдадимся и лишим Томаса удовольствия?

- Вы хотите сказать, что эта осада - лишь для развлечения лорда-коннетабля?

- Ну, еще для тебя, - улыбнулась матушка. - Я опасалась, что если отправлюсь куда-нибудь, моя дочь не сможет меня отыскать.

Я всхлипнула и уткнулась лицом ей в колени.

- Бастиана, - после паузы проговорила леди Шерези, - ты откроешь мне имя мужчины, который разбил твой сердце?

- Ах, матушка, нет... - со вздохом ответила я.

Через неделю Томас лорд Биркелан попросил у меня разрешения жениться на матушке.

Через две недели меня стало тошнить по утрам, и я поняла, что беременна. А через месяц догадалась, что счастливого конца у моей истории не будет, потому что мой лорд Гэбриел ван Харт меня забыл.

Осада прекратилась весной. Просто потихоньку сошла на нет. То ли у дядюшки закончились деньги, то ли терпение, то ли и то и другое вместе. Дозорные лорда-коннетабля, бывшего коннетабля, о чем он не уставал повторять нам при каждом удобном случае, сообщали, что количество наемников у стен замка сокращается с каждым днем, пока все они не исчезли, так же как и последний стаявший снег.

Лорд Биркелан отдал приказ опустить мост, и в тот же день стала оживать и отстраиваться деревня. Графиня Шерези тоже отдала приказ, и мы стали готовиться к свадьбе.

- Томасу пришла в голову чудесная мысль... - Матушка примеряла перед зеркалом очаровательный кружевной наряд, искоса поглядывая на мой округлившийся живот. - У

него нет своих детей, и он с удовольствием вручит фамильный кристалл Биркеланов нашему малышу.

- Зная нашу с вами удачливость, - грустно улыбалась я, - наш малыш будет девочкой.

- В таком случае... - Леди Консуэло задумчиво провела рукой по волосам. - Прекрасная мысль пришла в голову мне! Сначала Томас удочерит тебя, милая, а затем мы подыщем тебе супруга, чтобы малышка не носила на себе клеймо незаконнорожденной.

Мне стало очень грустно, но я кивнула. Ради счастья своего ребенка я была готова на все.

- Милая, - матушка приблизилась и запустила пальцы в мои уже довольно отросшие волосы, - может тебе стоит сообщить об этом ему?

- «Ему»? Вы имеете в виду счастливого отца?

- Да. Мне кажется, он имеет право знать.

Я покачала головой и не расплакалась.

Беременность протекала хорошо, чувствовала я себя великолепно, ела за двоих и с восторгом прислушивалась к происходящим внутри меня изменениям. Иногда я вспоминала друзей, но не с грустью, а с улыбкой. Мне хотелось бы узнать, как складывается их жизнь, чем закончился роман Станисласа с рослой феей, добился ли Виклунд расположения леди Дидиан и кто наконец завладел сердцем умницы Патрика лорда Уолеса. Но понимала, что на дружбу с миньонами рассчитывать больше не могу. Еще было любопытно, кому в конце концов досталась ардерская корона. Но это любопытство я удовлетворила довольно быстро. Сборщики податей, явившиеся в замок, как только подсохли дороги, сообщили нам, что взымаются налоги именем его величества Арктура.

Лорд Биркелан спросил чинуш, что выбрано девизом новой династии, на что получил ответ: «Золотой век Авроры».

- Наше новое величество демонстрирует похвальную преемственность, - решил лорд бывший коннетабль.

В тот же день ближе к вечеру я отправилась в деревню. Подруга у меня оставалась одна - дочь мельника Мари. И в те недолгие мгновения, когда она не трещала о своих парнях, наше общение даже доставляло мне удовольствие. К моему безграничному удивлению, Мари была в трауре по безвременно ушедшему графу Шерези. Он, оказывается, проказник эдакий, перед своим отъездом пощипал перышки некоей девице. То есть ей, Мари! То есть я - граф!

На мое недоверчивое хмыканье мне благоговейно продемонстрировали нижние юбки, одну - разодранную самым похабным образом, другую - новехонькую и, кажется, ни разу не надетую. Что я могла противопоставить столь убедительным доказательствам? Ничего. Тем более что юбки я эти помнила прекрасно. Одну самолично разорвала, другую подарила взамен.

- Басти!

Мы расцеловались, она взяла меня за руки и повела в комнату.

- Посмотри! - Она указала на ворох платьев, лежащих на ее постели. - Одно из них я собираюсь надеть на свадьбу.

- Наконец-то ты снимешь свой нелепый траур. - Я провела ладонью по атласу лифа. - Это очень дорогая ткань.

- О да! - Мари выхватила у меня платье и зарылась в него лицом.

Мы занялись примеркой, все наряды оказались длинноваты и узки в бедрах, поэтому, вооружившись иглой и ниткой, я подогнала один из них по фигуре.

- Хочешь взять какое-то из них? - щедро предложила Мари, крутясь перед зеркалом.

- Нет, графиня сама подберет мне туалет.

- Наконец она признала тебя дочерью.

- Ты знала?

- Об этом все знали, - Мари взмахнула юбкой, - или догадывались. А зачем иначе она бы держала тебя при себе с младенчества? Поговаривали еще, что ты незаконнорожденная дочь покойного графа... Кстати, о незаконнорожденных! Сюзетт в положении!

- Разве она еще не женила на себе Пьера?

Сюзетт когда-то тоже была моей подругой, до того момента, пока не увела у меня парня, того самого кузнеца Пьера, будь он неладен.

- Теперь-то женит, - возмущенно сказала Мари. - Он ведь, когда ты убежала с графом, дал ей от ворот поворот. Вот, кстати, тогда я засомневалась.

- Святые бубенцы! - Я чуть не укололась иглой, поэтому раздраженно ее отложила. - В чем засомневалась?

- Ну, просто, если вы бежали как пара, это слишком противостоестественно...

- Не было никакого «мы», Мари.

- Я так и думала. А потом в таверне услышала песню бродячего менестреля, там пелось о некоем рыцаре, который влюбился в деву, изображенную на картине. И я вспомнила, что в то время в замке гостил также некий виконт с мандолиной...

Подруга подмигнула моему животу.

Я вздохнула. Что ж, если в отцы она записала Станисласа, я спорить не буду. Все, что я рассказала Мари в ответ на расспросы: уехала в столицу, влюбилась, рассталась, вернулась. А дальше она начала трещать о своих парнях, количество которых с трауром по графу несколько не сопоставлялось, и настойчивости не проявила.

- Ну так вот. Говорят, что отец - вовсе не он!

- Не кто? Не Пьер? Мы сейчас говорим о Сюзетт? - на всякий случай уточнила я.

- Да!

Резкая смена темы застала меня врасплох, даже голова чуточку закружилась.

- Лучше расскажи мне, кто из твоих поклонников так щедр, - я потерла виски кончиками пальцев, - что задаривает тебя шелком и атласом?

- Папенька меня зовет! - встрепенулась Мари. - Слышишь? Я на минуточку!

Она выбежала из комнаты, а когда вернулась, тема щедрых кавалеров забылась.

Потом меня пригласили остаться к ужину, я не отказалась, отведав нехитрой деревенской снеди в компании семейства мельника.

Меня пленили по дороге, когда я возвращалась в замок при свете обеих лун. Выпрыгнули из-за кустов, накинули на голову мешок и поволокли. Волокли, кажется, с осторожностью, потому что на все мои пинки и угрозы не отвечали.

Я быстро утомилась и даже задремала, усыпленная мерными покачиваниями и чавканьем грязи под подошвами сапог похитителей. Неужели дядюшка Фроше решил напоследок устроить маменьке хотя бы такой сюрприз?

- Осторожно!

Властный женский голос вывел меня из дремотных размышлений. Меня поставили на

ноги и сняли с головы ткань. Мы были в лесу, на небольшой поляне, окруженной стеной деревьев. Языки костра лизали выложенное галькой углубление и тушку какого-то лесного зверя, нанизанную на вертел над огнем. Женщина поднялась с земли, на которой сидела.

- Мельничиха продержала ее до условленного часа, - сказал один из мужчин. - Нас никто не заметил.

Другой молчал, аккуратно складывая мешковину.

- Хорошая работа, - похвалила обоих леди Дидиан ван Сол. - Отправляйтесь охранять периметр, чтоб никто нам не помешал.

Солдаты кивнули и растворились во тьме.

- Ну, - сказала Дидиан, - ничего не хочешь мне сказать?

- Кроме того, что моя подруга продала меня за ворох платьев? А грязно ругаться можно?

Дидиан ругнулась.

- Bravo! - Я даже изобразила аплодисменты. - Не ожидала от леди ван Сол такой экспрессии. Или я вижу перед собой леди ван Харт?

- Я леди в любом случае. А ты? Ты, Басти? Что ты, фахан тебя раздери, натворила?

- Ничего! - я почти кричала. - Ничего, за что меня нужно похищать и угрожать! Ничего, за что можно лишиться меня последней подруги! Если ты пришла отомстить мне за Гэбриела...

Тут момент явно требовал фразы наподобие «делай со мной все, что хочешь», но ее я позволить себе не могла. Прошлая Басти могла, но теперь мне нужно было заботиться не только о себе.

- Какая месь, дурочка? - Дидиан устало опустила на землю. - Я искала тебя по всей Ардере, когда поняла, что Гэб понятия не имеет, куда ты от него сбежала.

Я молчала, переминаясь с ноги на ногу. Дичь на вертеле пахла просто умопомрачительно. С момента ужина в доме мельника прошло совсем немного времени, но есть опять хотелось.

- Садись, - Дидиан хлопнула ладонью рядом с собой, - и расскажи...

Я шагнула к костру, леди ван Сол ахнула, рассмотрев мою округлившуюся фигуру.

- Басти?

На земле был расстелен дорожный плащ, на него я и присела.

- Дидиан, - сказала я спокойно и уверенно, - мой ребенок не представляет для тебя никакой угрозы, я не собираюсь подбрасывать тебе бастарда ван Хартов, чтоб бороться за власть или блага земные. Прошу тебя, в честь нашей прошлой дружбы позволь...

От спокойствия не осталось и следа, по щекам текли горячие слезы, я всхлипнула и молитвенно сложила руки.

- Прошлой? - Она, кажется, обиделась. - Значит, ты променяешь меня на эту дуру, которая предала тебя за пару нарядов?

- Прошу... - Я сглотнула. - Что? Ты искала меня не для того, чтоб отомстить за ван Харта?

- Гэб - взрослый мальчик и в состоянии отомстить за себя сам, - шмыгнула носом леди-коннетабль. - По крайней мере, именно в этом я была уверена до недавнего времени. Значит, он - отец?

Я мысленно застонала.

- Про бастарда - это было иносказательно.

- Врать ты не умеешь.

- Тогда повторяю...

- Значит, так. - Дидиан заставила меня замолчать, схватив за руку. - Первое - я не жена Гэбриелу ван Харту. И пока ты не напридумывала еще чего-нибудь ужасного, держи второе - он не женат и даже не обручен.

- А ты?

Облегчение, которое я испытала от ее слов, заставило высохнуть слезы.

- Я тоже не жената, я замужем. И тебе придется очень постараться, чтоб я простила подругу, пренебрегшую обязанностями подружки невесты.

- И кто же этот счастливец?

- Один знакомый тебе тупица.

- Оливер? - Я хихикнула. - Леди Виклунд?

Она кивнула с широкой улыбкой:

- Он долго собирался с духом, так что пришлось мне взять все в свои руки. Ее величество Аврора под гнетом обстоятельств благословила наш брак.

- Позволь узнать, что это были за обстоятельства?

- Простыня, замаранная кровью. - Я готова была поклясться, что Ди покраснела. - И нет, это была не кровь тирийского дуболома, и нет, не он размахивал простыней пред очами ее величества, мне и это пришлось взять на себя.

Я заржала просто неприлично громко.

- Только на дуэли с Гэбриелом ему пришлось драться самостоятельно. Надеюсь, ван Харт остался жив?

- Дуэли не случилось. Королева устроила рыцарский турнир, главный приз в котором был моя много кому обещанная конечность. Разумеется, тирийский увалень поверг всех соперников. Кстати, мой драгоценный кузен теперь не ван Харт, так что можешь привыкать не называть его так.

- Он нашел себе третьего отца-канцлера?

- Он... - Дидиан потянула носом воздух. - Мясо, кажется, готово. Не желаешь разделить со мной трапезу? В твоем положении женщины, кажется, должны побольше есть.

Два раза просить меня не пришлось. Сочнейшая зайчатина с диким луком и черствой лепешкой. Ну чем не пища богов?

- Теперь его зовут лорд Гэбриел, - продолжила Дидиан, когда первый голод был утолен. - Он единственный канцлер и глава королевского совета при юном Арктуре. Оба родителя отлучены от двора, фамильный кристалл ван Хартов больше не загорается от его руки.

- Это довольно грустно, - решила я. - Без фамилии, без семьи.

- Великие чародеи всегда обходились лишь именами.

- А разве он...

Леди Виклунд посмотрела на меня со значением:

- Своего волшебства он не лишился.

- Слава Спящему! - искренне сказала я.

- То есть ты ожидала, что он его потеряет?

Кажется, ответ на этот вопрос для Дидиан был крайне важен. Мне было несколько неловко, но после ее рассказа про брачные простыни я решила, что ответная откровенность с моей стороны просто необходима.

- Гэбриел два года не пил вина и не прикасался к женщинам ради этой силы. И когда мы с ним... - Я покраснела, покачала головой. - Я предупреждала его, но в тот момент, видимо, под влиянием момента...

Свои силы в озвучивании скользких тем я несколько преувеличила.

Молчание затягивалось.

Наконец Дидиан сказала:

- Мармадюк его обманул. И про вино, и про плотские утехи. Этих ограничений для вхождения в жреческий круг не требовалось. Кстати, именно этот факт и послужил причиной их рукопашной дуэли. Лорд Мармадюк глумливо сообщил моему кузену, что двухлетняя аскеза была лишь результатом розыгрыша с его стороны, немедленно получил вызов, а затем и в нос.

- Значит, ван Харт в момент нашего уединения уже знал, что «тру-ля-ля» его колдовским силам ничем не грозит? - протянула я несколько разочарованно.

- А ты не знала?

Я пожала плечами:

- Хорошо, что ты мне об этом рассказала, меня, по крайней мере, не будет мучать чувство вины.

- Тебя это тревожило?

- Да.

- Басти, почему ты сбежала?

- Да не сбежала я! Когда Гэб спал, моя фея, дарующая имена, рассмотрела меня в своем волшебном озере и притащила в Шерези.

- Почему ты не отправила весточку в Блур или в столицу?

- Зачем? Королевство наводнено королевскими шпионами. Если бы лорд Гэбриел пожелал меня найти, он сделал бы это без малейшего труда.

Дидиан на мою запальчивость не ответила, задумчиво вертя в пальцах обглоданную заячью косточку. Наконец согласилась:

- Ты права. Если бы захотел. Знаешь, ведь и я, и Оливер, и Станислас с Патриком, мы все расспрашивали Гэба о тебе. Он не врал, то есть не врал напрямую. Но из его слов можно было заключить, что ты где-то в безопасности ожидаешь, когда он сможет изменить твой статус и вернуть тебя ко двору. Затем мы с тиририйцем желали видеть тебя на своей свадьбе и опять обратились к Гэбриелу. Но он был слишком занят политикой. Затем он короновал Арктура. К слову, наше новое величество - прелестный ребенок, последний представитель «золотой кости».

- Его привез лорд Мармадюк?

- Да. Лорд Уолес говорит, что Арктур воспитывался в отдаленной от столицы деревеньке и что его восшествие на престол готовилось задолго до появления в столице королевских миньонов.

- Аврора готовила верных рыцарей для следующего короля, - сказала я со светлой грустью.

Спящий, как же я надеялась, что моя леди воссоединилась с возлюбленным в волшебном Авалоне!

- Да, - кивнула Дидиан рассеянно и продолжила: - Потом кузен самолично провожал королеву и ее шута в... Я не уверена, как это называется. Туманные пределы? Чертоги Спящего? В общем, провожал туда, где им надлежало быть. А потом... Потом, Басти, у меня кончилось терпение. Потому что, несмотря на все его политические успехи, на него страшно смотреть. Он будто выгорел внутри, будто из его глаз наружу зыркает покойник.

- Власть отнимет силы, - равнодушно пожала я плечами, хотя сердце болезненно сжалось.

- Я его напоила, - не обращая внимания на глубину высказанной мною сентенции, сказала Ди. - И поверь, даже при моем росте перепить лорда Гэбриела было непросто. Пришлось, конечно, попросить об услуге лорда Уолеса, чтоб снабдил меня парочкой зелий. Зельевар из него похуже, чем из кузена, но он отнюдь не безнадежен. А может, дело в том, что Гэб сам желал оглушить себя вином и забыться.

- Итак? - поторопила я, когда Дидиан вдруг замолчала.

- Итак, вот его вариант вашей истории. Он любил женщину. Я, зная его, должна понимать, что когда он говорит «любил» и «женщину», значит, именно ту самую единственную и то самое неповторимое чувство, потому что череда всех прочих, коих я за десятилетия нашей дружбы имела счастье наблюдать, не считается.

Дидиан перевела дух и подцепила с плаща бурдючок:

- Тебе не предлагаю, вино крепкое. Кажется, в твоем положении употреблять его вредно.

Пока она утоляла жажду, я кусала губы.

- Итак, он любил. Она, как ему казалось, тоже. Он подозревал, что ее сердце непостоянно, и отчаянно ревновал. Он ревновал ее к Мармадюку, но слегка остыл, когда понял, что в душе лорда-шута много лет пылает другое желание.

- Конечно! - перебила я раздраженно. - Женщина ведь, в сущности, - ослица, кто ее захочет, за тем и пойдет! О том, кто в ее сердце, спрашивать необязательно.

- Бастиана, - подруга взяла меня за руку, предварительно вытерев ладони о свои штаны, - ты пытаешься сейчас спорить с мужским пьяным бредом, даже не с ним, а с его пересказом.

- Ты права! - Я пожала в ответ ее пальцы.

- Потом он ревновал тебя к рыжему Караколю. Фахан - существо волшебное, что делает его привлекательным в глазах любой девицы. Да, мой глупейший кузен в этом уверен! К тому же крысиный принц спас тебя от смерти, оживил поцелуем и защищал от сумасшедшей королевы. Гэбриел вырвал из него клятву не добиваться твоей любви. Если бы Караколь не ранил его тогда, если бы не был уверен, что Гэб скоро умрет от этих ран, он, разумеется, не попался бы в ловушку. Здесь оба хитреца стояли друг друга, но фахан недооценил молодого человеческого колдуна, за что и поплатился.

- Святые бубенчики! Караколя заперли, Мармадюк ушел, больше претендентов на мой девичий ливер в этом мире нет. Поэтому твой кузен меня больше не любит?

- Он уверен, что его не любишь ты. - Дидиан поворошила вертелом догорающие угли костра. - Он уверен, что ты разделила с ним ложе, чтоб отомстить.

- Какая изощренная месть, - я кивнула на свой живот.

- Не спорь с пьяным бредом. К тому же о последствиях вашей страсти Гэб не осведомлен. Зато помнит о твоей уверенности, что занятия любовью лишат его колдовства. Он решил, что ты специально оставила его там, у цвергов, без, как ты думала, сил, без шансов выбраться.

Я фыркнула. Про «без сил» я, конечно, думала, но вовсе не в злорадном ключе, а скорее с сочувствием. А насчет шансов на возвращение... Папаша обязательно нашел бы способ вернуть человеческого юношу в его мир.

- Если бы ты сама поговорила с Гэбриелом начистоту, - как бы подводя итог, произнесла Дидиан, - он, наверное, не воспринял бы то, что у вас произошло, подобным образом.

Костер догорел, только искры пробежали по углям.

- Не получится у нас начистоту, Ди. Слишком много лжи и уловок громоздили мы с Гэбриелом. Обещай мне, - я нашла в темноте ее руку, - ничего не говорить ему о ребенке. Это только моя ошибка. Фея, дарующая имена, предупреждала, что, сняв пояс, я забеременею с первого же раза. Я просто забыла об этом. Хотя, знаешь, даже если бы я помнила, это все равно произошло бы. Я любила Гэбриела всегда, наверное, с самого первого взгляда в его серо-зеленые глаза. Помню, как у меня подогнулись колени, когда впервые соприкоснулись наши пальцы, помню, как изо всех сил задирала его, чтоб он обратил на меня внимание. Когда-то... Дидиан?

- Лорд Биркелан неплохо натаскал своих гвардейцев, - зашептала леди Виклунд мне на ухо. - Тем более что мы жгли огонь и пахли жареным мясом на всю округу. Мне надо бежать. Если дювалийского коннетабля арестуют в шерезском лесу с животом, полным графской зайчатины... Что у вас делают с браконьерами?

- Порют на площади, - тоже шепотом сказала я.

- Не доросли еще в вашей провинции, - леди Виклунд чмокнула меня в щеку, - до лицезрения коннетаблевых поротых задниц. До встречи, подруга.

И она растворилась в утреннем тумане.

Глава 10

Свадьба в замке Шерези

Погожим весенним днем в Ардере, столице Ардеры, в королевском замке, называемом ардерским, что многое может поведать о фантазии тех, кто эти названия придумывал, проходил самый малый королевский совет. Присутствовали на нем: королевский коннетабль, дювалийский коннетабль, профессор королевского университета и главный королевский менестрель. То есть этот совет можно было назвать даже не малым, а крошечным. Профессор же, не особо заботясь о политесе, назвал сборище заговором и был недалек от истины.

- Итак, подытожив страстную речь леди Виклунд... - Патрик изящно поклонился единственной даме. - Наш канцлер обезумел.

- А подытожив твои итоги, - сказал лорд Виклунд, - предлагаю наконец поговорить с ним об этом начистоту.

- Я пыталась, - Дидиан была одета в мужской дорожный костюм, поэтому свободно закинула ногу на ногу, - но мой любезный кузен, во всех прочих вопросах продолжающий поражать меня расчетливостью и хладнокровием...

Она вздохнула и пожала плечами:

- Я мчалась из Шерези сломя голову, чуть было не загнав до смерти лошадей, и первым делом потребовала аудиенции у канцлера. Он не желает ничего знать о Бастиане графе Шерези.

- Что не помешало ему издать на последнем заседании указ о посмертном награждении дворянина.

- Гэб режет по живому. После официального объявления о смерти мы не сможем вернуть Басти в столицу.

- Ни в каком качестве? - Станислас тронул струны мандолины. - Оливер отпадает, но есть еще я и Патрик.

Лорд Уолес грустно улыбнулся:

- Леди Доре либо леди Уолес? Боюсь, она не согласится ни с одним из этих вариантов.

- Я не была бы столь категорична, - вдруг произнесла Дидиан. - Теперь ей приходится думать не только о себе. Вопрос в другом: так ли глубоки ваши, милорды, дружеские узы, чтоб...

Она посмотрела на супруга, тот опустил глаза и отчаянно покраснел:

- Я дам ребенку свое имя.

Повисла тяжелая тишина, мужчины переглядывались. Затем, леди Дидиан, не сдержавшись, хихикнула:

- Видели бы вы свои рожи, благородные лорды! Будь я обычной новобрачной, ты, тиририйский болван, получил бы самую эпичную дамскую истерику из возможных. И рефреном ей служили бы стенания о том, что такие решения принимаются обоими супругами, а имя, которым ты разбрасываешься, - не «твое», а «наше». Но, к твоей невыразимой удаче, эта же идея пришла в голову мне полчасом ранее. Но вот здесь я не уверена. Потому что представить себе женщину, отдающую свое дитя в чужие руки, чтоб сохранить репутацию, я могу. Но вот вообразить такой женщиной мою подругу Бастиану...

- Нашу, любимая, - улыбнулся Виклунд. - Нашу подругу Бастиану. Мы с этими благородными лордами давали клятву дружбы, и неважно, какого пола друг, этой клятвы ничто не отменит.

Лорд Доре, не сдержавшись, исполнил песенку про «у каждого свои недостатки».

- Пора нам отправиться на помощь другу, - решил Патрик. - Только как объяснить отъезд?

- Не знаю, как ты, - Оливер сокрушенно пожал плечами, - но я с леди Виклунд собираюсь присутствовать на бракосочетании своего достойного учителя лорда Биркелана.

- Кстати, новобрачные не откажутся от музыкального сопровождения церемонии, - радостно подхватил Станислас. - Лорд Биркелан, знаете ли, не последний в королевстве военачальник, и достоин того, чтоб на его свадьбе играл главный ардерский менестрель.

- А мы не опоздаем? - спросил Патрик.

- А ты придумал повод?

- Ходят слухи, господа, что я питал нежные противоестественные чувства к своему другу Цветочку.

- Продолжай, - попросил друга лорд Доре. - Пока я не заметил связи.

- Полноте, милорд. Вы сами неоднократно во время дружеских попоек предлагали мне посетить родину нашего Басти с целью поиска похожей на него девушки.

- Вы меня всегда отговаривали.

- Потому что, в отличие от вас, - как бы сокрушаясь глупости собеседника, протянул Уолес, - знал, какую именно, похожую на Басти, красотку изображает на полотнах художник Аданто.

- Засчитано, - благосклонно кивнул менестрель. - Тогда позвольте и мне внести лепту в наш небольшой заговор.

Он положил на стол атласный мешочек.

- Моя дорогая Вилена поведала мне на прощание, что феи могут путешествовать в нашем мире, перемещаясь между своими волшебными озерами.

- Очень любопытно. - Лорд Уолес схватил мешочек, заглянул внутрь, понюхал содержимое. - Ты у нас теперь просто кладезь знаний о феях. Что это?

- Это высушенная тина, - ответил Станислас. - И Вилена уверена, что это тина из того озера, которым владеет фата, присматривающая за Шерези.

- Ты хочешь сказать, - раздраженно перебила его Дидиан, - что заранее знал, где Басти? Твоя фата попрощалась с нами еще в замке Блур! Сколько же месяцев мы потеряли?!

- Ну разумеется, знал, - нисколько не смутившись, кивнул менестрель. - Вилена разыскала ее играючи и со смехом мне об этом рассказала. Но наложила печать молчания на мои уста. Как же она забавлялась, наблюдая мои потуги вам открыться! И тут я вынужден горестно признаться, леди и лорды, что нежная дружба между феей и человеком чревата страданиями последнего.

- А ведь ты намекал! - Оливер посмотрел на друга с сочувствием. - Ты спел столько корявых куплетов, каждая строчка которых рифмовалась с «Шерези», что я уж испугался, что талант тебя покинул.

- К счастью, твоя великолепная Ди сама решила отправиться в разведку именно в те края.

Дидиан улыбнулась комплименту.

- Под конец, видимо, утомившись моими страданиями, - продолжил Станислас, - фата Вилена пообещала, что печать спадет, как только кто-нибудь раскроет тайну.

Он опять поклонился леди Виклунд:

- И подарила мне этот мешочек с тинной.

- Мы знаем, как ею воспользоваться?

- Знаем. Музыканты, мой ученый друг... я имею в виду настоящих музыкантов, к коим, смею надеяться, отношусь и я, - все немного колдуны. Порошок требуется растворить в какой-нибудь большой емкости либо в закрытом водоеме и с помощью волшебных аккордов создать подобие того самого шерезского озера. В случае удачи, войдя в воду здесь, мы выйдем из нее уже в вотчине фаты Илоретты. Видите, со мною даже поделились тем, как зовут хозяйку.

Дидиан уже была у двери. Она распахнула ее и прокричала в коридор:

- Ванну сюда, живо! Из купальни, ту, что побольше! И воды в нее натаскать! Отставить греть! Холодной воды, ведер двадцать или тридцать!

Топот множества сапог сообщил заговорщикам, что приказ леди-коннетабля принят к исполнению ее подчиненными.

- Если твоя фея решила подшутить, - вдруг проговорил Патрик, - и нас утащит в какой-нибудь Малихабар, Ардера останется без своих главных вельмож.

- Вельможи в королевстве, - поучительно пропел менестрель, - как хвост у ящерицы - обязательно отрастают.

- Лучше пусть мы исчезнем, - голос Оливера был полон спокойного достоинства, - чем останемся у трона обесчещенными, предав друга.

- Ардера достойна лучшего, - согласилась вернувшаяся от двери леди Дидиан.

Невеста была прекрасна. И вовсе не потому, что была моей матушкой, хотя и поэтому тоже.

- И все же, дочь моя, - говорила она, когда я вела ее к алтарю, - надо было надеть эннен.

- Мать моя, - говорила я уже не в первый раз. - Эти головные уборы вышли из моды сто лет назад.

- Фата Илоретта свой надела.

- Для феи, дарующей имена, сто лет - не срок. Я говорила вам, что время для фей - всего лишь один из компонентов волшебства?

Эта тема леди Консуэло была абсолютно безразлична, особенно в сравнении с темой нарядов. Она с завистью смотрела на островерхий силуэт фаты Илоретты, ожидающей нас у алтаря.

Брак заключался именем Спящего пред ликом его. На середине поля за пределами замка была возведена высокая в три человеческих роста арка, украшенная весенними цветами, яркими лентами и стеклянной мишурой.

Поле уже успели вспахать, поэтому к алтарю вели две параллельные линии мостков, дощатые дорожки, на каждой из которых плечом к плечу могло идти не более двух человек. Мы с маменькой шли по левой. Справа, я видела его уголком глаза, шествовал лорд Биркелан. Мы обе были в алом, шлейф новобрачной придерживали шесть деревенских девчушек, продолжающих процессию. Жених щеголял в лиловом форменном плаще, подчеркивая как свои воинские заслуги, так и презрение к соразмеренному сочетанию цветов.

- Солдафон! - умильно вздохнула невеста.

«А мне бы вы, матушка, такого не спустили, - подумала я. - Ах, любовь!»

Прочие гости и свидетели ждали у алтаря, там тоже был сколочен помост, чтоб туфельки дам и ботфорты мужчин не вязли в сырой почве. Я видела нарядных пейзаев и соседей-дворян из числа приглашенных, рыцарей Биркелана в парадных доспехах и даже стайку монахинь из обители светлейших сестер. Мари, моя теперь уже бывшая

подруга, выделялась на этом фоне ярко-зеленым с золотом платьем.

Мы с той памятной ночи с ней не разговаривали, дать ей возможность оправдаться я не собиралась.

Дорожка уткнулась в помост, я пропустила родительницу вперед на полшага. Лорд Биркелан приблизился.

- Обещайте, - проговорила я строго, передавая ему руку леди Консуэло, - что сделаете ее счастливой.

- Клянусь посвятить этому всю свою жизнь, - поклонился вояка. - Долг мужчины - заботиться о женщине, которую подарила ему судьба.

- Вы, главное, не плачьте, матушка, - прошептала я, услышав тоненький всхлип.

- Не буду, - согласилась родительница и заплакала.

Я почувствовала, что и по моим щекам заструились слезы. Жених и невеста рука об руку пошли к алтарю, я осталась на месте, провожая их затуманенным взглядом.

Когда лорд наш Солнце явил свой лик в цветочной арке, обряд свершился. Фата Илоретта взмахнула руками, цветы ожили, захлопав крыльями, и взлетели к солнцу стайками бабочек, мишура, искрясь, зазвенела.

- Этот мужчина и эта женщина! - Голос феи разносился на много лье окрест. - Отныне принадлежат друг другу, и никто не в силах их разлучить!

- Слава Спящему! - прошептала я. - И еще раз простите за вишневую косточку.

Видимо, из-за слез показалось, что солнечный диск мне подмигнул.

А потом был праздник. Столы, расставленные прямо вдоль деревенских улиц, ломились от снеди и вина, музыканты, которых наняли не только в графстве, но и за его пределами, исполняли веселые мелодии на каждом перекрестке. Молодожены бродили рука об руку от стола к столу, останавливались, чтоб принять поздравления или выпить предложенную здравицу. Я заметила, что лорд Биркелан крайне осторожен в возлияниях. Накануне я предупредила будущего родственника, что делом чести любого шерезийца является напоить жениха до состояния невозможности исполнения супружеского долга.

- Если вы не дойдете до спальни, свалившись по дороге, это доставит всем удовольствие, - говорила я с извиняющейся улыбкой. - Всем, кроме вашей супруги, разумеется. Но не тревожьтесь, мало кому в наших краях удавалось добраться до супружеской постели в первый же день свадьбы. Есть даже куцый список из двух героев, один из которых не пил вовсе, связанный зарокотом Спящему, а второго, по слухам, так блюла новобрачная, что не позволила выпить на собственной свадьбе ни капли.

Сейчас мне казалось, что в конце нашего исторического списка завтра вполне можно будет написать имя лорда Биркелана. Матушка же не осторожничала, с готовностью осушая бокал за бокалом. Наконец, когда она покачнулась, хихикнув при этом, лорд Томас подхватил ее на руки и понес к замку, оставив на дороге оторванный алый шлейф платья.

Гости проводили их аплодисментами и напутствиями, даже самое пристойное из которых повторить я бы не осмелилась.

В толпе меня разыскала Мари.

- Если желаешь извиниться за предательство, - грозно начала я, отдернув схваченную бывшей подругой руку, - пустое!

Она огладила на бедрах зеленый шелк:

- Ты в своих приключениях, видимо, позабыла, как тяжело живет простая девушка в провинции.

- Не пытайся вызвать жалость. Ты продала меня не за кусок хлеба, и никто не угрожал твоей жизни!

Я замолчала, заметив, что гневная тирада оставила ее равнодушной. Ну разумеется, гораздо приятнее любоваться дорогой тряпкой!

- Мы больше не подруги, - сказала я грустно.

- Я видела здесь ту мужеподобную леди, что подарила мне платье, - вдруг сказала Мари. - Мы, может, и не подруги, не очень-то и хотелось, но я решила тебя об этом предупредить.

- Спасибо.

Поблагодарила я искренне - обрадовалась возможности вновь увидеться с Дириан.

- Где именно ты ее заметила, ту леди?

- Ты разыщешь ее без труда, иди на вопли нашей милой Сюзетт. Мужеподобность леди несколько не смутила нашего бравого Пьера, так что леди сейчас как раз тягают за ее белокурые космы у кузни, где Сюзетт застучала прелюбодеев. Ну, с Пьером-то понятно, но с чего даму благородных кровей потянуло после деликатесов на черный шерезийский хлебушек...

Я уже не слушала - не попрощавшись, побежала к кузне.

Светопреставление было в самом разгаре. Сюзетт, визжа и грязно ругаясь, как раз колотила по стропилам вырванной из забора доской.

Стропила страдали лишь потому, что леди Дириан удавалось уворачиваться от ударов.

- Падшая женщина!

Ну, разумеется, слово было лишь одно, и гораздо более экспрессивное.

- Ты ошиблась, милая девушка, - пригibasь леди Виклунд. - Твой достойный супруг и я вовсе не собирались «тру-ля-ля»!

- Прелюбодеи!

Пьер обнаружился у стены. Не знаю, что собирался делать именно он, но штаны кузнеца не спадали лишь потому, что он держал их руками у пояса.

- Мой сдобный пирожок, - дрожащим басом вещал кузнец. - Я абсолютно ни в чем не виноват! Эта леди, Спящий подари ей здравомыслия, сама затащила меня внутрь.

- Кстати, добрый человек, - Дириан развернулась к страдальцу, приняла удар предплечьем и стяхнула под ноги обломки доски, - давай-ка разберемся. Я позвала тебя для беседы. Ты предложил уединенное место и сразу снял штаны. Беседы в ваших краях ведутся голышом?

- Ах ты!!! - И Сюзетт вцепилась в волосы изменщика.

- Это все она! Ее бей!

Девушка царапалась, как дикая кошка, обхватив кузнеца ногами, он не защищался, потому что штаны сами себя держать не могли. Собравшаяся во дворе толпа подбадривала обоих, заключались пари на победителя и на то, покажут ли зрителям голый зад прелюбодея. Кто-то поднес леди Дириан бокал, она приняла его с легким поклоном, потом, заметив меня, широко улыбнулась.

- Ты могла свернуть ей шею в одно мгновение, - сказала я, пробравшись к ней сквозь зрителей.

- Твой бывший? - кивнула подруга в сторону драчунов.

Она осушила бокал и, перевернув его, потрясла в воздухе. Один из парней, правильно

понявший пантомиму, протянул нам бутылку.

- Хорошее вино. - Дидиан отбросила бокал и отпила из горлышка. - Так это он? Тот самый, что разбил твое сердце?

- Мое сердце разбил совсем другой, и ты об этом знаешь. - Я доверчиво прислонилась виском к ее плечу. - Как же я рада, что ты вернулась!

Одежда леди Виклунд оказалась мокрой.

- Озерная вода, - ответила она на мой вопрос. - Я обо всем тебе расскажу. Фах-хан! В этом твоём Шерези есть хотя бы одно место, где не пьют, не едят, не дерутся, где нет толпы и музыкантов, от творчества которых у лорда Доре пошла бы ушами кровь?

Я хихикнула:

- Если леди-коннетабль сможет скрытно провести нас в замок, мои покои будут к ее услугам. Там совершенно точно нет ни бывших парней, ни бывших подруг, ни музыкантов.

- Вина там тоже нет? Давай захватим несколько бутылок с собой.

Дидиан была, как всегда, великолепна. Она обняла меня за плечи и повела сквозь толпу. Сюзетт и Пьер уже валялись на земле, и было мало понятно, что там происходит - окончание драки или начало примирительного «тру-ля-ля».

Пару раз со мной пытались заговорить знакомые, но леди Виклунд не давала мне остановиться, увлекая к воротам замка.

- Твоя комната? - Дидиан уселась на постели, вытянув ноги в ботфортах.

Во дворе раздалась песня, исполняемая пьяными голосами.

- Местная традиция, - я пожала плечами, как бы извиняясь. - Они ходят вокруг замка и орут под окнами, в которых есть свет.

- Ну так давай его потушим.

Я задула обе свечи.

- Дать тебе сухую одежду?

- Пустое. - Почти вся фигура леди Виклунд скрывалась теперь в тених балдахина.

Голоса снаружи удалялись.

- Так и собираешься подпирать подоконник?

Я вдруг ощутила какую-то непонятную робость, поэтому ответила с нервным смешком:

- Размышляю, какие еще обязанности хозяйки не выполнила. Расскажи об озере.

Присев на постель рядом с Дидиан вполоборота, я сложила руки на коленях. Из окна в комнату проникал лунный свет.

- Ты осунулась, - грустно сказала подруга. - И на твоём лице следы слез.

- Это были слезы радости.

Мы помолчали, потом Дидан, будто спохватившись, продолжила:

- Озеро нам пришлось преодолеть, чтоб вовремя добраться на свадьбу лорда Биркелана.

- «Нам»?

- Мы все отправились спасать тебя: я, Оливер, Патрик и Станислас.

- Спасать от чего?

- От судьбы беременной брошенки?
 - Фи, леди Виклунд, какие противные сентенции вылетают из вашего рта!
 - Твой бывший молодой человек описывал ситуацию именно этими словами.
 - Вот уж его мысли меня волнуют меньше всего. Так где они? Где трое достойных лордов-спасителей?
 - Озеро было волшебным, и по пути нас немного раскидало. Надеюсь, утром наши лорды появятся в замке. Доремарец пел что-то о том, что сможет направить в правильное место только одного из нас, а на остальных понадобится чуть больше времени. Ты плачешь?
 - Это сентиментальные слезы. Мне приятно, что мои друзья проявляют заботу обо мне, несмотря ни на что.
 - Они дали клятву дружбы. - Судя по звукам, Дидиан прислонилась спиной к изголовью. - Теперь они собираются защищать тебя и твоего ребенка. Канцлер объявил о гибели лорда Шерези, и у них осталось мало вариантов.
 - Тысяча фаханов! - ругнулась я. - Какая жалость, лорд Томас вложил уйму денег в ремонт замка, а теперь его придется отдать господину Фроше!
 - Тебя заботит только это?
 - Ну да. Маменька теперь леди Биркелан, она не останется без крыши над головой. Есть, конечно, еще некое нежелание отдавать отчий дом, за который столько сражалась с судьбой и обстоятельствами.
 - Лорд Гэбриел еще два года назад провел в королевском совете закон, по которому наследование в исключительных случаях допускается по женской линии.
 - Мне это ничего не даст. У предпоследнего графа Шерези дочери никогда не было. Кстати, как поживает твой кузен?
 - Твой ребенок унаследует лорду Биркелану?
 - Если это будет мальчик, - честно ответила я. - Если девочка - нам придется добавить в узор еще один стежок. Лорд Томас удочерит меня, а затем, подарив таким образом дворянство, подыщет мужа среди своей дальней родни.
 - Ты готова так поступить?
 - Ради ребенка я готова на все.
- Темнота спальни и монотонная неторопливая беседа убаюкивали. Сбросив туфли, я влезла с ногами на постель, Дидиан пододвинулась, уступая место.
- Так зачем тебе какой-то биркелановский племянник?
 - Хочешь предложить своего? - зевнула я тихонько.
 - Лорд Уолес и лорд Доре желают просить твоей руки.
 - Глупости. Ты рассказала им о беременности?
 - Да! Если ты не хочешь отягощать чужим ребенком своего мужа, мы с Оливером заберем его себе.
 - Мужа?
 - Беременность совсем лишила тебя разума?
 - А тебя, Ди? Моя беременность, может быть, заразна? Как можно было измыслить такую гадость? Ты понимаешь, что такое брак? Это быть связанным всю свою жизнь с одним человеком! Мои друзья не заслуживают этого! Не заслуживают брака без любви, которую я никогда не смогу никому из них дать!

- Тебе нравился Патрик.

- Да мало ли кто мне нравился? Даже этот Пьер, который пытался тебя «тру-ля-ля» в кузне! Знаешь, меня ведь обидело, когда он предпочел мне мою подругу.

Дидиан хихикнула, позабавленная, видимо, моею горячностью.

- Есть женщины, которые всю жизнь любят только одного мужчину. Помнишь, мы когда-то охарактеризовали так Аврору. Я оказалась такой же, как моя леди. Я любила только одного мужчину. Скажу тебе больше: я люблю его сейчас и буду любить до самой смерти. А если лорд Мармадюк, который мне, к слову, тоже нравился, окажется прав и за земной юдолюю нас ждет продолжение, я буду любить этого своего мужчину и там!

- Ты не произносишь его имени... - прошептала Дидиан.

- Гэбриел! Гэбриел ван Хорн, Гэбриел ван Харт, меченый красавчик, избавленный от шрама! Миньон ее величества! Канцлер Ардеры. Как бы его ни звали, я люблю его. И пусть никогда больше не увижу... Ди?

Я обернулась к подруге, пальцы встретили влажную ткань одежды, только сорочку теперь плотно натягивали абсолютно мужские плечи. И абсолютно мужские руки нашли меня в темноте.

- Мерзавец! - отбивалась я. - Что ты сделал с Дидиан?

- Да что ей станется... - Лорд Гэбриел, которого я больше никогда не должна была видеть, расстегивал сотни пуговиц моего алого платья.

К слову, я вышеозначенного лорда не видела, луны, видимо, скрылись за тучами, и в спальне царила темнота.

- Завтра примчится твоя леди-коннетабль с остальными заговорщиками.

Он ругнулся и дернул ворот платья, разрывая ткань.

- Зачем ты ею притворялся?

Я, с одной стороны, продолжала сопротивляться, а с другой - чуть приподнялась на постели, чтоб ему удобнее было меня раздевать.

- Потому что она орала мне что-то вроде: «Мне Бастиана говорила больше, чем тебе!» И мысль эта засела у меня в голове. Поэтому я позволил им сговориться за моей спиной... Чтоб избежать недопонимания - это все правда, про твоих болванов. Каждый готов жениться и воспитывать моего ребенка.

- Он мой!

- Твоего потом родим, - пообещал Гэбриел. - Например, четвертым я, может быть, с тобой поделюсь.

Я захихикала, как от щекотки.

- Стоп. - Он отодвинулся. - Чуть не забыл. Ты ведь выйдешь за меня замуж?

- Надеюсь, ты стоишь на одном колене? Так положено.

- Можно именно так это обозначить, - после паузы ответил Гэб. - Это какой-то местный обычай?

- Это мечта каждой девушки!

- Так, Басти! - Он расслабил руки и навалился на меня всем телом. - Быстро отвечай «да».

- Нет.

Гэбриел зарылся носом в мои волосы и жарко шепнул в ухо:

- Я люблю тебя больше жизни, дурочка, и буду любить после нее. Я хочу заниматься с тобой любовью, встречать каждый новый день, глядя в твои глаза. Я хочу достигать высот ради того, чтоб быть в силах защитить тебя и наших детей. Ты согласна?

- Нет.

- Что еще? - почти прорычал он.

- Предложение руки и сердца, милорд, - сдерживая смех, сообщила я, - состоит из трех частей: рыцарь становится на колени, объясняется в любви и дарит даме поцелуй.

И когда губы Гэбриела встретились с моими, я прошептала в них:

- Да! Да. Да...

Оливер лорд Виклунд снес дверь одним ударом. Леди Виклунд вихрем влетела в комнату, заняла позицию у окна и, рассмотрев лежащих на постели, ахнула.

- Все? Можно заходить? - Лорд Доре прошлепал в спальню, оставляя мокрые отпечатки на каменном полу, сел в кресло и, потрясая мандолиной, стал выливать из нее воду. - Ты! Гэб! Должен! Мне!

- Ты знал? - Дидиан обвиняюще уставилась на менестреля.

- Уймите свою супругу, лорд-коннетабль! - Доремарец махнул мокрым инструментом в сторону Оливера. - Я ничего не знал. Но если я вижу запертую дверь спальни, а слуги в один голос твердят, что из-за нее всю ночь раздавались стоны, я скорее предположу, что здесь занимались любовью, а не убийствами. И я не буду заставлять своего друга выбивать эту дверь, а вежливо в нее постучу!

- Где вы потеряли настоящего менестреля и нашли его сварливую копию? - Бастиана натянула на грудь простыню.

- Мы были у цвергов, и Брок победил в музыкальном состязании, - пояснила Дидиан.

- У него была волшебная лютня!

- Я сделаю тебе даже лучше, - пообещал Патрик, заглядывая в спальню. - Позвольте войти.

- Валяй, - разрешил Гэбриел и повернулся к Бастиане: - А следующую ночь, любезная супруга, мы проведем в подвале. Предварительно установив баррикады у входа.

Патрик вошел, за ним, цокая копытами по валяющейся на полу двери, появился осел.

- Супруга? - спросило животное, повертев головой.

- Это еще кто?

- Болтун? - Бастиана вскочила с постели, завернувшись в простыню. - Тебя так наградили?

Артефакт горестно заржал:

- Наградили? Это унижение! Меня, величайшее творение, отрядили в человеческий мир набираться опыта... Бастинда, прекращай гладить осла! Я на его шее. Да, вот.

- Так ты теперь ошейник? Снять?

Басти осторожно расстегнула серебристое кольцо. Осел, почуяв свободу, рысью устремился прочь.

- Тупое создание! - пожаловался Болтун. - Я с трудом смог управлять им. Так кто на ком женился?

- Маменька вышла замуж за Томаса лорда Биркелана.

- А доченька - за лорда Гэбриела, - проговорил последний, все еще лежа в постели.
- Но момент своего бракосочетания дочь как-то не заметила!
- Ты, Бастинда, наверное, забыла, что этот вот мужчина, - Болтун качнулся в ее руке, - жрец Спящего лорда, соответственно, имеет право и возможность освятить брачные узы.
- Но празднеств по этому поводу мы отменять не будем, - сообщил «тот самый мужчина». - Завтра в Шерези прибудет торжественная процессия, которая доставит мою супругу ко двору с тем, чтоб представить леди Гэбриелу его величеству Арктуру. А там...
- Он обо всем заранее позаботился, - умилился Болтун.
- А что бы ты делал, если бы я тебе отказала?
- Оказался в очень неловком положении, - пробормотал Гэбриел.

Бастiana бросилась к нему с поцелуями.

- Оставим их наедине! - Лорд Патрик поднял с пола Болтуна и поманил всех за собой.
- Дверь на место поставь, - велела супругу леди Виклунд. - Кстати, мы тоже устали с дороги и зайдем, с вашего позволения, первую попавшуюся пустую спальню.
- А мы вдвоем отправимся в столовую, - кивнул менестрелю Патрик.
- Втроем, - поправил его Болтун. - Я, драгоценные лорды, просто кладезь информации по волшебным устройствам подгорных цвергов.

Так закончилась эта история. Одна из тех, что до сих пор остались в песнях и сказаниях всех пяти королевств. История о королевских миньонах, козырных валетах в колоде большой игры. О мудрейшем Гэбриеле, чья хитрость вошла в легенды, о лорде Уолесе, гербовый мятный клевер которого до сих пор украшает стены Королевского университета, о мужественном Оливере Виклунде, чей меч всегда был на стороне справедливости, о талантливом Станисласе Шарле Доре, великом менестреле, и конечно же о Бастiane Мартере Шерези, чья судьба была загадочна, а ослепительный блеск - недолог.

Через много-много лет леди Гэбриела, мать в том числе и королевской супруги, а также бабушка уже полудюжины принцев и принцесс, путешествовала со свитой в предгорьях Авалона. Проезжая через городишко, название которого никому не запомнилось, леди велела остановить карету на рыночной площади. Там как раз давал представление бродячий цирк, и рыжеволосая канатная плясунья парила над толпой, вызывая восторг зрителей.

Леди Гэбриела долго смотрела на нее, и когда девушка, заметив ее взгляд, изящно поклонилась, смахнула набежавшую слезу:

- Вы, кажется, счастливы, моя королева...

Циркачка оттолкнулась от каната, перевернулась в воздухе и спрыгнула на брусчатку. Толпа рукоплескала, прочие циркачи сновали в ней, собирая плату за представление. А канатная плясунья подошла к мужчине, что стоял неподалеку, и повисла у него на шее:

- Я была хороша, любовь моя?

- Лучше всех, - он ответил на поцелуй, - моя Аврора.

Леди Гэбриела смутилась, будто ее застали за подглядыванием, и велела кучеру трогать. Как только карета двинулась, циркачка сорвалась с места, подбежала к окну и весело спросила:

- Мы, кажется, знакомы?

- Сейчас нет, - ответила леди, - но в будущем - кто знает... Ведь любой конец - это всегда начало чего-то нового.

- Ты всегда будешь с ним, в любом воплощении.

- А ты с ним.

- Разве это не весело?

- Ненавижу эти ваши потусторонние штучки.

- Хорошо, что твое отношение их нисколько не заботит. - Девушка почти легла животом на раму окна, засунув голову внутрь кареты. - Меня просили передать тебе два слова. Птичья... вишня...

И циркачка залиvisto расхохоталась, убегая прочь.

А еще через много-много лет в одной отдаленной от мира чародейской башне некая юная и прекрасная дева бесстрашно уставилась в черные глаза некоего мага и сказала:

- Я - Мармадель графиня Шерези, и сейчас я вам здесь устрою!

И именно это послужило началом другой истории.